

18+

Георгий Синайский

ЧЕМ ЧЁРТ НЕ ШУТИТ!

Том 1

Георгий Синайский
Чем чёрт не шутит! Том 1

«Издательские решения»

Синайский Г. П.

Чем чёрт не шутит! Том 1 / Г. П. Синайский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567001-4

Весьма правдоподобные, забавно-сатирические приключения известных исторических персонажей, рассматриваются в этом сатирическом романе, не только с их партийной точки зрения, но и под «просвещённым» углом зрения иллюминатов, а так же и с религиозно-философских позиций. И, поскольку, даже в шутке есть доля истины, то в этой сатире, охватывающей весь период двадцатого века, доля истины весьма существенна. Критерий истины — общественная практика, это подтверждает. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-567001-4

© Синайский Г. П.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	27
Глава 4	31
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	43
Глава 8	54
Глава 9	58
Глава 10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Чем чёрт не шутит!

Том 1

Георгий Павлович Синайский

© Георгий Павлович Синайский, 2022

ISBN 978-5-0056-7001-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0056-7002-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Как говорится, цыплят по осени считают. Этой осенью 2017 года отметят столетие со дня Октябрьской революции (переворота), а обещанного Лениным коммунизма мы так и не досчитались, хотя обещанного «всего лишь» три года ждут! У кого-то «в огороде бузина, а в Киеве дядька», а вот у меня, в Советское время, один мой родственник вышел в Первые секретари горкома партии Киева, а другой, известный учёный, из Киева эмигрировал. О «дедушке» же Ленине мне впервые поведали в детстве люди весьма близкие к его окружению. Ибо подругой моей мамы была Лена Федюшина – дочь личного секретаря Ленина, благодаря которой я познакомился с первой женой её отца, жившей какое-то время в Кремле, рядом с Вождём мирового пролетариата, и, не будучи кухаркой, управляющей государством, политическую кухню познавшей изнутри. Её же кулинарные способности Ильич часто нахваливал не меньше, чем она его политические. Если они и рождены были сказку сделать былью, то на мой, тогда детский взгляд, это им удалось, ибо я узрел в ней Бабу Ягу!

Но отдавая должное приснопамятному XX веку, и поминая марксистское изречение о том, что человечество весело расстается со своим прошлым, я позволил себе посвятить свой сатирический роман «Чем чёрт не шутит!» 100-летней годовщине Октябрьской революции (*госперевороту «с ног на голову»*) в России.

И, возведя Его на высокую гору,
диавол показал Ему все царства
вселенной во мгновение времени,
и сказал Ему диавол: Тебе дам
власть над всеми сими *царствами*
и славу их, ибо она предана мне,
и я, кому хочу, даю ее; итак, если
Ты поклонись мне, то всё будет

Твое.
Луки 4:5—7

И приблизившись Иисус
сказал им: дана Мне всякая
власть на небе и на земле.
Матфея 28:18

Нелепо отрицать роль
фантазии и в самой строгой
науке.
В. И. Ленин

Глава 1

По изящной берёзовой аллее идут двое: ангельской прелести младенец, его золотистые кудрявые волосы, в лёгком дуновении ветерка, играют с солнечными лучами в свои детские игры, и пожилой лысый мужчина, на голом темени которого озорные солнечные зайчики устроили лихой круговорот, издали похожий на нимб. Мужчина что-то оживлённо говорит младенцу, а тот самозабвенно смеётся, и его звонкий смех мешает расслышать слова пожилого мужчины. Вдруг смех прекратился, и высокий младенческий голосок спросил:

– Значит, отменяя глупости Фрейда, ты считаешь, что виновницей горя Эдипа была его мудрость – «по вине» которой, он отгадал загадку Сфинкса?

– Увы! – вздохнул мужчина. – Как предостерег в «Екклесиасте» молодёжь Соломон, во многотрудности много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь! Я не поверил, а ныне, с избытком, знаю по себе!

– А если говорить о благе народа? Ведь это только в мифе в Фивах все сложилось столь фигово, а на самом-то деле: глупый правитель обрекает на скорбь подвластный ему народ, и, с каждым днём, приумножает эту народную скорбь, а мудрый правитель – сам обречен на скорбь, но народ свой на скорбь не обрекает, и даже «за бугром» не гадит никому, а приумножает скорбь лишь себе! Народ будет скорбеть только о смерти такого правителя! – уточнил младенец.

До боли знакомые многим людям черты лица мужчины выразили досаду, прозвучавшую затем в его словах:

Было время, когда я не верил историям о справедливых царях и осчастливленных ими народах, считая, что это возможно лишь в сказках, так как был убежден, что несказочные народы могут быть счастливы, и будут счастливы, только при коммунизме, том самом, наступление которого прогнозирует, как тогда казалось, вполне правдоподобная научная фантастика Маркса, но потом убедился в том, что простому несказочному народу и впрямь нужны лишь непристойные зрелища, выпивка, да хлеб! Таким массам даже мозги не нужны – они им неорганичны, чужды, тошнотворны.

Каждому – своё! Каждому – по нужде его! Применительно к подобным массам, это означает: каждому – его кусок хлеба (можно и сухаря), его порция зрелищ и выпивки. А справедливость правителя состоит здесь в потакании такому ходу вещей, в том, чтобы не быть этому помехой. Великий ум здесь вовсе неуместен. Главное: не скупердяйничай и не проводи народ на мякине, а дай возможность народу давиться и на зрелищах, и хлебом, и упиваться взахлёб. Впрочем, непристойных зрелищ и сивухи (в том числе духовной) нашему народу всегда хватало, в отличие от хлеба (в том числе духовного). А что есть хлеб? Это он для «безголовых» – «всему голова», а на самом-то деле: хлеб – это ни рыба ни мясо. Так и народ на хлебах – это «ни рыба ни мясо»! Ведь качество благ потребных и «непотребных», которыми стремится удовлетворить свои потребности народ, зависит от качества самого народа.

Как аппетит приходит во время еды, так и вдохновение приходит во время речи, и вот оно уже охватило мужчину и, окрылив его, вознесло его речь на высоту мажорного тона. Мажор, как ему и подобает, взял верх над минором, и звуковой полет мыслей мужчины продолжился уже на головокругительной высоте:

– Что-то яркое, героическое, путное, дельное из такого народа можно сделать, лишь превратив его в «пушечное мясо», организовав грандиозное зрелище настоящей мировой бойни масс! Только такое зрелище по-настоящему берет за душу! Только в войну жизнь бьет ключом, текут реки животворящей крови, и пахнет порохом – весь воздух напоен его пряным ароматом! Сам порох – это своеобразная пыльца, опосредствованно оплодотворяющая, в ходе войн, цветущие поля научной, культурной и общественной жизни страны! Во время войн, рушится

все старое и отжившее, а зарождается и рождается прогресс во всем, завязываются и созревают скороспелые плоды прогресса! Так происходит революционный прорыв во всех сферах жизни человечества. Да, война приносит много горя и страданий, но эти муки подобны мукам родовых схваток, ибо каждое древо человеческого познания, в отличие от прочих деревьев, плодоносит в муках – муках человечества! Да, путь прогресса не сладок, но, с исторической точки зрения, лишь тот горе-правитель, кто не идет путем прогресса! Для мудрого же правителя отказ от прогресса был бы равнозначен тому, чтобы встать ногой на горло собственной, пусть и лебединой, песни! Эта пытка хуже смерти! Конечно, любое искусство требует жертв, но искусство политика, искусство правителя требует массовых жертв! Да, искусство большой политики – это далеко не только компромисс (компромисс, как во внешней, так и во внутренней политике – это взаимопланирование массовых жертв (гекатомб), и всесторонняя подготовка к войне), а высшая форма политического искусства проявляется в войне. Нет, Маркс Карл не наврал: «История человечества – это история его войн», и я бы добавил: «это и военные марш-броски прогресса». По относительным ценностям морально-нравственных отношений, демагоги классифицируют войны на справедливые и несправедливые, но это, по сути, лишь дутые эмоции, а победа, по объективно-историческим причинам, всегда будет за прогрессом человечества («за» – не в смысле отставания от него, или опережения, или «сбоку припёка»), т.е. победа всегда будет прогрессивной. А потому, победителей не стоит осуждать даже за глаза. Война, как её ты ни крути, жизненно необходима для развития человечества. Войны пугают только тех, у кого нет «пороха в пороховницах» и кому «пороха не изобрести», т.е. тех, у кого нет ни сил, ни ума. Конечно, с огнём не стоит играть вслепую, его нужно разжигать с умыслом, и играть шулерски – наверняка, иначе говоря: творчески!! Нетворческий подход – путь к быстрому поражению от сильного умом противника. Если же противники и интеллектуально равны, и равны по всем иным силовым параметрам, то их война затягивается, и прогресс победоносно и безостановочно шествует в светлые дали – сквозь дым и гарь, поднимается в звёздные выси, и проникает в тёмные бездны тайн мироздания! У меня из головы не идёт Карлово: «Тот общественно-экономический строй более прогрессивен, который показывает более высокую производительность труда», «Насилие – это повивальная бабка истории». Карл ли накаркал или нет, но в воюющих странах самая высокая производительность труда, на какую способен в данный период тот или иной строй. И война – не парад, здесь передовой строй сменяет отстающий! Вот где проверка теории практикой, вот где критерий истинной прогрессивности развития человечества! Творчески мыслящие правители только ускоряют прогрессивный процесс. Прогрессивного правителя не страшит даже смена общественно-экономических формаций, ибо он ни в чём не знает опозданий. И пока у него есть порох в пороховнице – он обязан творить! Теперь это творчество может дать и дает впечатляющие результаты, а ведь до изобретения пороха оплодотворение цветущих цивилизаций в ходе войн было весьма топорной и малоэффективной работой. Войны с холодным оружием изжили себя (даже пули поумнели и стали эффективней штыка), новые «холодные войны» – это предбанники и подготовка к тому, чтобы задать жару по полной программе! Верю, что настанет время, когда порох заменит на этом поприще более производительная радиоактивная «пыльца». О!! какие чудесные плоды это даст!! Какие фантастические мутации возникнут!! Какой качественно обновленной станет жизнь!! Даже если с финансовыми расходами на все то, что необходимо для производства радиоактивной «пыльцы» переборщить, да так, что из-за расходов на нее, в продуктовых магазинах будет «шаром покати» – это горе, не беда! Главное – успеть, чтобы ядерный взрыв прогремел раньше социального и предотвратил его. И даже если с убойной силой радиоактивной «пыльцы» перегнуть палку – не беда! Как не беда, если переборщить с химическим и бактериологическим оружием. Ведь, в конце концов, жить останутся только те, кому всё нипочем, и кто сам сумеет взять от жизни и от природы – всё сполна! Это будут настоящие венцы прогресса! Вот тогда-то и никакая война не понадобится! Воистину, жизнь станет такой, что ни

в сказке сказать, ни пером описать!!! Это будут отнюдь не выдуманные сказки, и не «сказки» делопроизводственные, это будет не проза жизни, а её поэзия!! Сама жизнь явит себя такой, что и Пушкин онемел бы от восхищения, увидев её!! Ради этого стоит творить! Такая игра стоит не только свеч, но и мировых пожаров!!! – сказав это, мужчина умолк в поэтической задумчивости. Начав за упокой, он, как видно, решил кончить за здравие.

– Ты всё больше становишься, душой, похож на древнегреческого Сфинкса, а величием своих монументов посрамишь Большого сфинкса! Вот я и хочу разгадать любую твою загадку, или ответить на любой твой вопрос! – воскликнул удалой младенец, смерив озорным взглядом мужчину. – Как видишь, я в том возрасте, когда вещи называют их настоящими именами, а не своим именем или псевдонимом! Спрашивай, не робей! – не унимался золотоголовый мыслитель, желая затмить славу Эдиповой мудрости.

– Как устроен мир? – спросил мужчина. – Объясни мир! – тут же потребовал он.

Лучезарный младенец улыбнулся и стал отвечать:

– Всевозможные несамодостаточные вещи (в том числе: боги, миры, антимир, поля, волны, атомы, элементарные частицы, античастицы, «тёмная материя» и «тёмная энергия», люди, ангелы, черти); круговая очерёдность существований, изменений и смен несамодостаточных вещей (времена их существований, изменений и несуществований); существования, изменения несамодостаточных вещей и их несуществования; в общем: бытие несамодостаточных вещей и их небытие – всё это одно-единственное, вечное и самодостаточное свойство!!! Да, свойство, а не качество (не совокупность свойств), и это свойство не сторона предмета, а оно само – абсолютно самодостаточный предмет, объект и субъект! И так, для правильного понимания, представь себе, что всё бытие несамодостаточных вещей и их небытие – это одно-единственное **свойство!!!**

– Ого! – невольно вырвалось у мужчины.

– Вот пусть это свойство и получит название «Ого!» – решил младенец. – Тем более, что оно того достойно! Таково Ого! Думаю, что с междометиями и падежным окончанием ты его не спутаешь, и не станешь обзывать Ого замызганными значениями словами: Абсолют, бытие, материя, мир, вселенная, природа и т. п. Конечно, достойно называть Ого: несравненное, бесподобное, изумительное, единственное!!! Однако более кратко и эффектно звучит всё же: «Ого!» В свете сказанного, и ежу ясно, – кивнул младенец на выглядывающего из-под лопуха ежа, – что, так как в круговой очерёдности смен вещей сменяются всевозможные несамодостаточные вещи, в том числе и всевозможные общественно-экономические формации (исторического круговорота теория в этом смысле права), то это гарантирует в будущем и социализм, и полный коммунизм. Это истинная гарантия, а не ложная от диалектического и исторического материализма и «научного коммунизма». И, при этом, не забывай, что бытие всех несамодостаточных вещей и их небытие – это одно-единственное, вечное и самодостаточное свойство, верно названное словом: «Ого»; и, согласно Ого, в свои времена будет верна любая из ныне лживых религий.

– О-го-го!!! Каково Ого! Вот так свойство!!! – пропищал ёж, восхищённо сверкая бусинками глаз. – И ясно, что слово: «свойство» здесь отнюдь не в смысле рода, или характера, или родства по браку, – сообразил он, и уточнил: – Вот так *атрибут!!!*

– Да, подтверждаю, что всё брэнное было и повторялось в круговой очерёдности изменений и смен! Уж я-то многое видел из того, что покрыто мраком для многих других существ, о многом слышал, всё понял, всё знаю и цепко в памяти держу! Да, всё так называемое многообразие, и очерёдность изменений и смен, и сами изменения, и смены, короче говоря: всё бытие брэнных вещей и их небытие – всё это – одно-единственное, вечное, самодостаточное свойство, названное: «Ого!» Да, я – незаметный, но весьма замечательный знаток Его Величества Ого! И, конечно же, я отнюдь не «белочка!» – гулко «проухал» из дупла древнего вяза старый филин.

Младенец согласно кивнул головой и продолжил вещать: – Вот Бальмонт-чертяка в стихотворении «Тринадцатый» до истины не допёр, но весьма красиво:

*А кто же тот Тринадцатый?
Он опрокинул счёт.
А кто же тот Тринадцатый?
– Я ваш отец, я Год.
Не я ли вам в кружении
Дал ведать бытие,
В различном выявлении
Различное своё?...*

– Не допёр не только в этом отрывке, но и во всём эффектном стихотворении, а ты и вовсе со своей материей в истину пытался влезть, словно с суконным рылом да в калашный ряд! Тут на твой счёт заслуженно было бы пальцем у виска крутить, или послать тебя к такой-то матери, с твоей неполноценной саморазвивающейся материей! Но я, пребывающий под благотворным влиянием своего отца, от заслуженного тобой оскорбительного действия и матерного слова воздержусь! И ежу ясно, что всё вышесказанное мной и филином – это не дадаизм, не чушь и не окоlesiца, а объективная истина, и она выходит далеко за грань дозволенного вашей марксистско-ленинской философией; далеко, ибо всё то, что я и филин говорили – это существенная истина, истина Божьей инстанции, а отнюдь не из вашего департамента – этого рассадника субъективно- партийных истин – пародий на истину, и способного не к пониманию Ого, а огороды городить и огорошивать народ.

– Не считите мои слова за взаимные комплименты петуха и кукушки, но так говорить об Ого, как сказал младенец, – это не чепуху городить и не пытаться просветить наши головы истиной, путем надувательства, посчитав наши головы подобными тлеющим головёшкам! Отнюдь нет! Это настоящий свет настоящей истины, и он даже кроту приятен, который копает свой путь вслед за вами! А филин сказал об Ого так, как и соловей не споёт! А обо мне знайте, что я не только телом, но и умом не туп! Не то, что многие партийные бюрократы, имеющие вместо голов задницы! Они-то гораздо тупее и противнее даже противотанковых ежей! – вдохновенно пропищал ёж.

– Всё, что я сказал о сути Ого – это именно истина, а отнюдь не «правда» той или иной партии, того или иного класса, социальной прослойки – интеллигенции, люмпен – пролетариата, духовенства; это не ошибки и заблуждения! Хотя, все истины, все ошибки, вся ложь, как и всё прочее – это одно-единственное, вечное, самодостаточное свойство (Ого), и это свойство таково, что я насчёт сути Ого не лгу, не шучу и не ошибаюсь не только, когда молчу! – авторитетно изрёк младенец.

«Пожалуй, он прав! И, пожалуй, мысль изречённая есть ложь или ошибка (включая и любую неточность между содержанием и формой его выражения), если мысль изначально изречена не устами младенца, или не устами впавших в младенчество старика и старухи, или не вещим вороном. Иногда истину рекут: во сне, перед смертью, под пыткой, на исповеди. Иногда: пьяные, юродивые, ежи, змеи, кукушки, галки и попугаи. А что уж тогда говорить о «крякненье» наших «газетных уток»? Пусть по народным приметам крик филина к несчастью, но это лишь оттого, что он громко и смело, предупреждает о несчастье люд, а горькая правда, для разумного человека, ценнее сладкой лжи. Условно понимая, на своих местах, ниже высшей инстанции, находятся относительные истины, некоторые из них доступны нашему разумению, но и их нам, ни словами сказать, ни пером описать нельзя, а можно думать, мечтать, да делать всё наоборот тому, что говоришь и обещаешь; ибо все мы – в меру пьющая, а потому весьма трезвомыслящая, партийная братия – себе на уме! Я к любой философии подхожу с мерками

того, как она может послужить делу социалистической революции и последовательному достижению первой и второй фаз коммунизма, а также перспектив моего участия в главной роли, дабы не умер во мне великий артист, драматург, режиссёр и сценарист! То, что Ого гарантирует человечеству в будущем и социализм и даже полный коммунизм (хотя бы полный коммунизм и будет через сотни лет) – это для человечества неплохо, а вот с точки зрения идеологии и политики, мне намного выгодней популярная марксистско-ленинская философия, тогда как знание об Ого должно держаться в полной тайне от масс. Однако же, объяснение младенца, пожалуй, более простое и доходчивое, чем гипнотическое внушение, как ни крути, но это так!» – искренне подумал мужчина, и тут же усмехнулся пришедшим в голову озорным мыслям: «А вот поэта Маяковского, ни в зуб ногой не знающего об Ого, шальной Пегас на отблеск истины занёс:

*Все к большевизму ведут пути,
Не уйти из-под красного вала.*

Надо будет сказать партийным товарищам, чтобы они, для красного словца, в народ пустили: «Все дороги ведут в коммунизм» – объясняя это тем, что сила марксизма – ленинизма все дороги в одну сведет, в том числе криминальные и матерные, и в коммунизм направит массы по дороге более надёжной и трудной, чем некогда Владимирский тракт для осуждённых, но цель с лихвой окупит все тяготы и лишения пути!»

Дав возможность мужчине подумать, младенец продолжил вещать:

– Услышанная тобой истина об Ого безупречна, ибо она существенна, лаконична, без искажений, а её понимание уже могло бы дойти даже до жирафа! Но если ты хотел бы абсолютно полного знания об Ого, то это знание тебе абсолютно излишне, хотя по своей истинности оно тоже из Божьей инстанции. Да, ты с молодых ногтей узнал от Соломона, что во многотрудности мудрости много печали, и что тот, кто умножает познания, умножает скорбь, но затем, вслед за Фрэнсисом Бэконом, полагал, что знание – это сила, а поскольку считал, что Дьявол прячется в деталях, то рассчитывал, познав детали, обрести дьявольскую силу!!

Подтвердив этим поговорку: «сила есть, ума не надо», а, заодно, избежать горя от ума!! Но теперь-то ты понимаешь, что Ого не изменить и Богу, ибо всё бытие бранных вещей (в том числе: Бог и Дьявол) и их небытие – это одно-единственное, вечное и самодостаточное свойство (Ого). Тут и «репу» чесать не надо, ибо это понять проще простого, проще пареной репы! Бессмысленны твои попытки сделать самодостаточным свой уголовный и политический беспредел – это величайшее непотребство и безобразие. Но не расстраивайся, ты ведь и без того добился крупных успехов, каждый из которых ни в какие ворота не лезет! Православные считают тебя антихристом и полагают, что внутри тебя вместо внутреннего мира – антимир, и очень опасаются, что ты распахнёшь свою душу и озаришь всё вокруг аннигиляцией миров! А это затмило бы своими последствиями все пакости тёмных сил вместе взятые. Верующие-то пусть себе опасаются, а вот ты не забывай о чертях, ибо они играют ключевую, точнее: отмычкообразную роль в истории человечества, и способны открыть, словно ящик Пандоры, тайны человеческих душ. А все их чёртовы шутки – дело отнюдь не шуточное для тех, кто их шуток не понимает, а архипакостное!! А потому, кровь из носу, но имей не только чувство юмора, но и сатиры (иронии, самоиронии, сарказма, гротеска и так далее), не чурайся парадокса и ехидства!! Всем этим прививай себе вкус к садомазохизму и смакуй! Вот тогда и тебе часто чертовски весело будет!! Шутки, в отличие от анекдотов, без бороды, но оставляют с носом, а от чёртовых шуток люди часто теряют головы не только в переносном, но и в прямом смысле слова. Черти проворней сатириков, а любая сатира и все вместе взятые (с их гротесками, гиперболами и так далее) – это лишь очень неполная хронология проделок чертей! Чем только черти не шутят, и чего только не творят-вытворяют!!! Конечно, сами черти и их шутки-про-

делки за «рамки» Ого не выходят, но того, что происходит, мало не покажется! Разнообразных чертовских сюрпризов и каверз хоть отбавляй! Но тому, кто знает толк в их шутках – почти всё нипочем и на этом, и на том свете! Чёртовы шутки, повторенные дважды и так далее – это глупость, но тех, кто этих шуток не понимает!

Помни об этом и поглядывай в оба не только под ноги и по сторонам, но и в небо, ибо кроме чертей, обитающих в омутах, аду и иных грешных местах матушки Земли, есть на небесах Большое чёртовое созвездие. Тринадцать видимых с Земли невооруженным глазом красных звездных гигантов составляют образ светлой головы Люцифера в профиль, вдобавок к ним, образ всех остальных частей его тела составляют 653 невидимые космические чёрные дыры, и, таким образом, его образ в целом составляют 666 видимых и невидимых небесных творений. Созвездие – это «натворил» главный чёрт, по образу своему и подобию, в пику Ягве. Оно служит одним из инструментов воздействия лукавого на людскую жизнь. Воздействие этого образа сверхмощно и непредсказуемо никакими астрологами. Образ главного чёрта – это тебе не телец, и куда опаснее льва, стрельца и скорпиона. Воздействие этого Большого чёртового созвездия на людей гораздо больше, чем Солнца, Луны, планет и иных Божьих звёзд, созвездий, галактик вместе взятых. Кроме небесного образа Люцифера, и многие иные разноцветные звёзды и невидимые чёрные дыры беззаветно преданы его величеству чёрту, и исправно служат его делу. Чёрные дыры нейтрализуют или искажают воздействие на простых людей Божьих звёзд и Божьих благодетельных созвездий. Сказанное относится не только к небесной бездне полной звёзд, но и к бездне звёзд на Земле. Само Солнце порой вынуждено служить Сатане. Его звёздный образ преобразует прослойки, классы, партии, нации, народы, племена. Приглядишься хоть днём, хоть ночью, хоть утром, хоть вечером любого числа любого месяца, любого года, при любой погоде, и узришь это созвездие; а проморгаешь, так звезданёт звёздной болезнью и еще чёрти чем, что безысходно в адову бездну канешь и многих за собой туда сведёшь, а там даже садомазохисту, в конце концов, может дурно стать как от непрерывной щекотки!

Бомбоубежище от этого созвездия не спасает, так что крути головой, вращай мозгами – от этого есть некоторая польза! И знай, что магическими пентаграммами, красными пятиконечными звездами и прочими символами большевизма чертей не отпугнуть (это тебе не ладан), наоборот, всё, что связано с магией любого цвета и оттенка – это их стихия. Их стихия – это и вся астрология, мантика, спиритизм, теософия, антропософия и весь оккультизм. Да, астрологические созвездия – это тоже проделки Сатаны. Эти малые чёртовые созвездия – один из способов дурачить легковверный люд: что-то сбудется по ним, человек уверует в закономерную силу этих созвездий, расслабится, вот тут-то чёрт ему неприятный сюрприз и преподнесёт! Если в прямом смысле слова: Земля вращается вокруг Солнца, то в переносном: главный чёрт частенько обводит её вокруг пальца! Свою же команду он и вокруг пальца не обводит, и за нос не водит, ибо свою лепту в эти порочные орбиты Земли вносит каждая нечисть, обманывая всех людей, кроме младенцев, святых и свято верующих, ибо у них защита Божья; да прожженных пройдох – они-то и сами не промах! Россыпь неприятных сюрпризов от Сатаны обрушивается вместе с жадными массами в бездну неприятностей! Сам марксизм-ленинизм – это коварная приманка для глупых масс, ловко используемая как пройдохами масонами, так и Сатаной, для достижения своих целей. С точки зрения Сатаны, пятиконечная красная звезда на вашем государственном гербе – это символ приближающейся чёртовой кровавой пятерни (хоть и золотого сечения), то бишь полной власти над земным шаром, а скрещение серпа и молота – символ столкновения рабочих и крестьян. Венок колосьев герба – это, по сути, погребальный веночек истинной свободы землян, и эта злаковая «крыша» от пронырливых чертей вас не спасёт. Чёрт часто действует чужими руками, но кровь всегда и на его руках. Ленты на гербовом погребальном венке не чёрные, а красные, потому что для властей смерть свободы – в радость! Кроме того, на взгляд Люцифера, красные звёзды изображаются пятиконечными ещё и как символ

того, что его кровавая, огненная и чертовски красивая власть будет простираться до конца каждой из четырёх сторон этого света и до конца того света, ведь душа может страдать и кровоточить и на том свете.

Масоны и большевики придают красным пятиконечным звёздам свои символические значения, а Люцифер использует их значения как камуфляж для своих звёзд.

Мужчина хотел было возразить, но передумал: «Не сорока новость на хвосте принесла, а младенец изрек, и здесь дебаты излишни! Впрочем, для людей они излишни везде! Ведь споры продуктивны лишь для не столь важных растений, да паразитических простейших! А в спорах взрослых людей если и рождается внутри их голов истина, то она выплескивается из их ртов, вместе со словесным поносом, незаметно для них, будто они ребёнка выплеснули в отхожее место вместе с грязной водой: раз, и истины как небывало! От того и повелось выражение: „кто спорит, тот говна не стоит!“ – такое не большой и не малый народ способен изречь, но младенец! А изречения этого младенца – отнюдь не ходячие и не избитые истины! Это истины меня просвещаемые!»

А младенец продолжал просвещать:

– Подчеркну, что не чурается чёрт использовать в своих мрачных целях белые звезды (белые карлики) и желтые звёзды (жёлтые карлики), одним из которых является наше Солнце. Белая звезда в обрамлении белого полумесяца – один из любимейших символов Люцифера. Не откажется он и от такой символики как жёлтая звезда в обрамлении жёлтого полумесяца и, конечно же, от того, чтобы красную звезду обрамлял красный полумесяц, т.е. красный лунный серп. Не побрезгует и большим количеством символических звёздных лучей, подчеркивающих его архиквазарную мощь. В каждой шутке есть доля истины, но чаще из чёртовых шуток люду выпадает тяжкая доля! Твои головокружительные успехи и дьявольское везение – дело его рук, но скоро тебе совсем дурно станет, и голова от бед кругом пойдет – тошнотворным кругом, если чёртовы шутки по достоинству не оценишь! Опять-таки, образно говоря, чертей ты, если постараться, ещё сможешь провести, но, как ни крутись, а Ого не проведёшь и не осилишь, даже вооружившись знаниями! И, тем не менее, крути головой в меру, а мозгами шурупь быстрее, и по достоинству оценивая шутки чертей, сам старайся шутить, тогда тебе чёрт ни малёванный, ни натуральный страшен не будет, и никакой иной его образ страха на тебя не нагонит! А вот простофили, верящие в то, что «не так страшен чёрт, как его малюют» почувствуют и по достоинству оценят весь ужас от чёрта, лишь тогда, когда он их сам так «рисует», что мать родная не узнает и другим тошно станет! Ну а для дураков – воинствующих атеистов, которые глазам своим не верят, и потому ничего не боятся, он враг абсолютно невидимый, и потому наиболее опасный, как бы они это ни отрицали, и как бы тупо ни упирались в своем безверии и незнании. Ты же знай, что малюют и рисуют чаще лишь личины чертей, да и то далеко не все, а личины свои они меняют как франт перчатки. Для «порядочных свиней» их личины – свиные хари, а чтоб не лезть со свиным рылом в «калашный ряд» – прослойку порядочной интеллигенции, они суют туда свои родные длинные носы, и, при этом, все черти похожи на своего господина. Звёздный лик – автопортрет и точная копия истинного чёртового лица – лица Денница, Люцифера, Дьявола, Сатаны, Мефистофеля-Генерального чёрта – очень злого выдумщика и шутника, под стать которому всё их чёртово племя. Созвездия: дракон, змея, свинья (кабан) – его символические портреты. Местные же животные – это тебе отнюдь не маскарад и не кукольный театр, здесь всё естественно и просто, как всё гениальное, хотя в чём-то и неожиданно для тебя. Даже инфузории тувельки и те гениально просты, а не примитивны, как сапоги, которыми ты их в лужах у пруда попираешь. Ну а о паразитах тебе ли не знать?! А вот насчёт алтаря политического искусства или искусственной красоты внутренней и внешней политики, требующей стольких жертв и поклонений не только от безобразного, но и от естественно прекрасного, требующей не одной слезинки и кровинки ребенка, а рек слёз и океана крови, скажу так: это изошрённое извращение! К тому же общественная прак-

тика доказывает ту чертовщину, что апофеозом деградации (регресса, атавизма, аморальности) общества является гражданская война! Ты из-за своих маниакальных грёз этого не прозрел, призывая превратить (а, по сути, извратить) войну империалистическую в войну гражданскую, ныне же наяву прозришь!!

«Моя голова теперь не «дом советов» другим, а контейнер отвратительных, на мой вкус, и колючих, на мой взгляд, истин!! Что ж, на вкус и цвет друзей нет, ну а меня-то и подавно манила не красивая простота объективных истин, а изначальная для меня и многих непредсказуемость битв, что сродни игре в рулетку и игромании, но с куда большим драйвом! Я, как Бонапарт, зациклился на мысли: «нужно ввязаться в бой, а там видно будет!» Вот так жизнь мне «козью морду» показывала, а я ей – волчий оскал!!

«Что-то покажет смерть?!» – с интересом подумал мужчина.

– Напомню, что всё то, что я сказал об Ого, это безупречно-существенная истина, а вот шутка ли с большой долей истины, т.е. шуточная ли истина или нет, то, что я говорил тебе о чёртовых созвездиях, это решай сам! Если поймёшь, значит и Бог с тобой! А не поймёшь или поймёшь неверно, значит и чёрт с тобой, но без Бога! – менторским тоном поучал младенец, и в это время лик его озарился ещё более ярким светом, но не ослепляющим, а путеводным. Вокруг них царил абсолютная тишина, и мужчине казалось, что молчание природы – это знак её согласия со словами ребёнка. Светоносный младенец ясным взором проник в расширенные от удивления зрачки глаз мужчины. И вместе с этим, внезапная мысль, как вспышка молнии, на миг озарила и без того уже светлую голову мужчины: – Ты Люцифер!!! – высказал он свою догадку.

– Это говорю тебе я – Володя Ульянов!! – горделиво воскликнул лучезарный младенец, переливаясь всеми цветами радуги. – И, как видишь, поговорка: «Яйца курицу не учат», здесь неуместна! – закончил свой урок непогрешимый учитель, и рассмеялся в лицо мужчине искрящимся беззаботным смехом.

«Вот чертёнок! Он со мной, как и с истиной, не на Вы, а на ты!!» – искренне восхитился мужчина.

Ослепительно яркий огненный шар солнца повис перед ними, и голова мужчины вдруг стала светиться как полная луна в ночном и безоблачном небе. Мужчина закрыл глаза, оберегая их от нестерпимо яркого света, и прижал к лицу ладони рук – всё померкло. Когда же он открыл глаза, то увидел за окном покрытые редким туманом деревья парка. Над ними, сквозь плывущие по небу облака, проглядывал диск солнца, он становился то ярким, то бледным как диск утренней луны. Чудесный сон мужчины растаял, оставив ему после себя поток ярких воспоминаний.

«О, это был не бред сивой кобылы в лунную ночь, отнюдь нет!!! Только во сне мне впервые довелось взглянуть на свою суть со стороны, и разглядеть её так хорошо, как этого не удалось бы сделать ни в каком зеркале, микроскопе или телескопе! Удалось заглянуть в себя глубже, чем это позволяет зонд или рентген, и оценить себя более объективно, чем с помощью объектива фотоаппарата или кинокамеры! Никаким художникам, ваятелям, писателям и артистам не по силам так выявить мою суть, даже если бы и посмели! А я-то ведь массам ораторствовал не словами младенца, и даже не словами мужа, а словесным поносом базарной бабы!» – самокритично подумал мужчина.

Но вот сильный порыв ветра разметал тучи, и мужчине показалось, что палящее солнце стало вращаться перед его глазами, словно огненное колесо злосчастного Иксиона. Глядя на солнечные выкрутасы, мужчина вспомнил изречение Анаксагора: «Я в этот мир пришёл, чтоб видеть солнце!» и отрывок неувядающего стихотворения Константина Бальмонта:

*Я в этот мир пришёл, чтоб видеть солнце
И синий кругозор,*

*Я в этот мир пришёл, чтоб видеть солнце
И выси гор.
Я в этот мир пришёл, чтоб видеть море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.
Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.*

«Хорошее стихотворение, но плохой автор!» – угрюмо подумал мужчина.

«В стихотворении воспевается солнце, а автор шмыгнул под мрачную сень капитализма!
А куда годится вот это его:

*Я ненавижу человечество,
Я от него бегу спеша.
Моё единое отечество —
Моя пустынная душа.*

В тундру бы турнуть подлеца за это, а еще лучше в тайгу на лесоповал сплавить! Пусть там сам гад деревья для производства своих книг валит. Бумага-то она все стерпит, так пусть же и поэт-эгоист – её мучитель, на своей дубовой шкуре всё испытает, и глубоко, до самых потрохов, всё прочувствует, когда с него там семь шкур спустят!! Вот тогда-то этот «ценный пергамент» лучше будет и в любой образ входить, и в любую шкуру влезать, и, соответственно, творить станет естественно и универсально (на зависть мэтру Станиславскому)!! Несомненно, что тогда его мимикрия станет глубокой и существенной, а не только лишь поверхностной сменой окраски как у хамелеона. Вот тогда-то и законы подлости театра жизни, где много плохих актеров и мало хороших драматургов, режиссеров и администраторов, станут для него не в тягость, а в радость! И не будет у него ни душевных пустынь, ни сопливых болот! Духовный орган его души зазвучал бы весьма органично, а не диссонировал бы с новой великой симфонией жизни обновленной страны!!» – обосновал своё искреннее возмущение мужчина.

В это время дверь комнаты тихонько отворилась.

– Как самочувствие, Володя? – просочился через дверной проём вкрадчивый женский голос.

– Уже неплохо, – ответил мужчина, не меняя позы и не глядя на входящую.

– Ты знаешь, Надюша, я вот только что видел во сне себя в младенчестве и, что называется, «сам себя высек»! И не муж младенца, а младенец мужа, да так, что мало не показалось! Нет, это отнюдь не подобно байке про унтер-офицерскую вдову. Назови это хоть раздвоением личности на творческое сверхсознание и обыденное сознание (о шизофрении здесь и речи не идёт), или проявлением подсознательной мощи – не важно. Но факт, что это был не культ личности, а духовное окультуривание – прополка духовных сорняков на всех болевых точках! И это факт того, что из «далее детства» лучше видна вся догматическая дутость, кособокость и старческий маразм нашей марксистской философии. Увы, устами младенца глаголет истина! Тогда как старики Маркс и Энгельс «умудрились» только очистить Гегелевскую философию от идеалистической шелухи и явить миру лишь стриптиз, и материалистическую порнографию быта, так и не «раскусив» загадки бытия и небытия! Да и я тоже «хорош»! Скрутил историческое развитие человечества покруче бараньего рога – в противозачаточную спираль, да и в Российскую «Правду-матку» вставил. После чего вся природа России-матушки стала бесплодна, пошли кругом неурожай, повальный голод и лютая смерть, явный упадок рождаемости не только детей, но и умных мыслей. А ведь в те критические как у женщины дни, накануне

Октябрьского переворота, была историческая возможность оплодотворить Россию-матушку действительно плодотворной идеей и посеять тем самым разумное, доброе, вечное. Я же пошёл другим путем: путем штыка-молодца и пули-дуры, да массовой картечи; и этим хирургическим путем установил Родине, как выяснилось, весьма непродуктивную спираль, воспользовавшись наивной диалектической мечтой всех масс лентяев на саморазвитие России без какой-либо напряги с их стороны. Я же, со своей стороны, полагал, что неиссякающим источником восходящего развития страны послужит единство и борьба противоположностей. Вот её-то и уготовил России-матушке на многие лета вперед, резко изменив в ней, в сторону уменьшения, количество жителей и, следовательно, изменив их качество: породив массовое стукачество и взаимное недоверие, крупномасштабное хамство, повсеместные подсижки и подкопы друг под друга, тотальную грызню во всех сферах жизни; и истребив такие жизненные «рудименты» как великодушие и благородство!! А вот рудиментарная лень к высококачественному труду переродилась в злокачественную опухоль и поразила все жизненно важные органы государства.

– Понятие борьба может относиться только к одушевлённой природе, тогда как в неодушевлённой природе есть только взаимосвязь и взаимодействие – это понятие применимо и к живой природе, правда, понятие взаимодействие здесь может быть истолковано кое-кем лишь как взаимопомощь, но это если толковать его слишком узко и бестолково. А наиболее полно и точно в отношении всей природы: живой и неживой, было бы сказать: «Единство и взаимодействие противоположностей – источник развития!» – ласковым голосом произнесла женщина.

– Да, страстно веруя в победоносную революционную борьбу, я совсем упустил тогда из вида, что единство и борьба противоположностей далеко не всегда, подобно насильственному половому акту, может привести к восходящему развитию, не исключено даже, что насильственный половой акт – это единственная форма единства и борьбы противоположностей, которая может привести к восходящему развитию. Как правило же, единство и борьба противоположностей – это источник нисходящего развития: регресса, всеобщей беды. Так наша диалектическая спираль в развитии России оказалась бесконечно плохой: то она подобна омуту-водовороту, тянущему на дно, то разрушительному смерчу, сворачивающему массам их цыплячи головы и разносящему всё в пух и прах. Да и чего хорошего, если помыслить на трезвую голову, можно было ожидать от единства и борьбы противоположностей?! Ведь любому трезвомыслящему понятно, что даже худой мир лучше доброй ссоры. Так беспроектная научно-техническая революция осуществляется путем конструктивного созидющего разума, а взаимовыгодное сотрудничество – источник стабильного прогресса человечества во всех сферах жизни. И даже более того, я выскажу тебе это откровенно: я вдруг понял: всё то, что осуществляется не мирным путем – это настоящая контрреволюция против разумной части человечества! Как ни крути и не верти, сколько ни фантазируй, а перспективы развития страны отнюдь не радужные, даже после того, как я на время нэпа вытащил из российского причинного места злополучную спираль, раскрутив это дело так, как будто она нас сама к нэпу привела. Но ведь нэп – это отнюдь не радуга после революционной грозы, а всего лишь меньшее из зол. Нет, Россия – это вовсе не женщина в интересном положении, ибо, фигурально выражаясь, трахать-то родную страну мне пока что по силам, а вот с оплодотворением проблема – здоровье моё шалит. А на восходящее саморазвитие страны надежды, как выяснилось, увы, нет! Говорить же всерьёз о саморазвитии материи – это пороть чушь. Если Бог ничего не создавал, то не с чего взяться нисходящему саморазвитию, не сам же Бог регрессирует-деградирует. А мысли о восходящем саморазвитии материи – это наше самодурство! Что же это материя выходит вроде Алексея Максимовича Горького самообразовывается и восходящее саморазвивается, проходя свои жизненные университеты?! Или же это происходит с ней в его лице?! Можно ли сводить материю к личности великого пролетарского писателя и персонифициро-

вать её в его образе?! Да за такую повальную его материализацию, Алексей Максимович нас всех самих по первое число обматерит-выматерит и непечатными словами крепко-накрепко припечатает! С ехидством можно сказать, что развитие, идущее и так и сяк (восходящее и нисходящее) – это несамодостаточность топчущаяся на месте. Ну а что уж там говорить о неизбежном, как смерть, наступлении коммунизма?! Коммунизм – это смерть человечества, он и будет тогда, когда человечества уже не будет! Мы с коммунизмом, как и со смертью, «встречаемся» лишь во снах, в классических снах Веры Павловны, например. Ибо лишь там и лишь тогда всё хорошо, где и когда нас нет, нет на самом деле нас – человечества! – ну, это всё шутки, а если говорить серьёзно и на чистоту, чище, чем под присягой, то я вот, Надюша, подумал: «А не стать ли мне Богом, чёрт побери, по традиции римских императоров?!» Да, сейчас я полубог, а точнее, даже три четвёртых бога, так как четверть бога – Троцкий, но чувствую, пришла пора моего полного обожествления! Веспасиан сказал: «Увы, кажется, я становлюсь Богом», а я говорю: «Ура, я стану Богом!»

– Ты о чём это, Володя?! – в голосе Надежды прозвучали тревожно-набатные нотки.

– И-ха-ха-ха! И-ха-ха-ха! И-ха-ха-ха! – залился самозабвенным смехом, как трелью валдайских бубенцов, Владимир. – Нет, Надюша-душечка, это не совсем то, о чём ты думаешь. Эпохальное время вносит во всё свои коррективы, в том числе и в смысл древних изречений, звучащих ныне. Ну, ты вот сама посуди, Надюша, о том, чего не хватает нашей партии на данном этапе конвоирования масс в коммунизм. Партии были и будут нужны великие гениальные идеи вождя – его стратегические и тактические указатели пути. Я оставляю ей свои глобально-стратегические и универсально-тактические (пусть и не тактичные по отношению ко всему иному) гениальные идеи развития страны, а также не менее гениальные идеи глобального катаклизма мирового империализма в двенадцатибалльной революции – «Бале смерти» аристократов всех мастей и буржуа! Но нужно ли партии большое, дряхлое и немощное тело вождя?! Нет и нет, Надюша!! Партии и массам нужны памятники вождю – его вечные идолы и истуканы, а также его нетленные мощи. Нужны мощи не мироточащие, а, фигурально выражаясь, источающие мир и согласие в партии и в советских массах, но ускоряющие загнивание мирового империализма. Проще говоря, мощи нужны партии и массам для фанатичного поклонения и наглядного обожествления вождя и учителя пролетариата всех стран, «всемогущие мощи» которого им куда дороже золотого тельца! Эти мощи им нужны и для безутешной скорби, общего горя и беды, ещё теснее сплавляющих массы и партию в монолитное единство! Они им нужны и для поучительного примера фанатичного самопожертвования в трудах и лишениях дальнего пути к коммунизму – пути, которым предстоит им шагать под чередование мажора, форс-мажора и минора, до тех пор, когда советская наука «сумеет оживить» мощи вождя и учителя! И вот тогда-то «восставший из мертвых» вечный вождь и учитель – Бог коммунизма, явит миру чудный рай коммунизма для всех шагающих «левой»! А для шагающих «правой» или шагающих: один шаг вперед, два шага назад, будет геенна огненная крематория, да галопом их туда, галопом! А затем в карьер! Ну а моим питомцам по руководству партией и государством мои мощи нужны ещё и для того, чтобы избежать появления «Лжеильичей» («Лжелениных»), то бишь самозванцев-вождей с моим обликом и личиной. Да, Надюша, мумия Ильича явится символом мировой революции, фундаментом революционных идей и идей коммунистического строительства. Это станет фактическим доказательством того, что их фундамент никогда не рассыплется в прах, и идеи и дела мои не пойдут прахом! Ну, а коли это так, то пусть лучше какой-нибудь «Лжеильич» («Лжеленин») станет фундаментом идей мировой революции и мумией её вождя!

Необходимо положить на алтарь мировой революции труп моего двойника! Именно такое двуличие позволит мне, в конце концов, обрести единоличное правление над все и вся! А пока даже живой горлопан мировой революции «перманентщик» Троцкий, не говоря уже о лопающемся от жира Парвусе, будет завидовать символической славе «божествен-

ных мощей»! А вот грандиозности моего второго пришествия вполне мог бы позавидовать не только сын Божий, но и вся пресловутая Троица, существуй она на самом деле. Ну а за мной дело не станет!

– Ты это говоришь серьезно, Володя?!

– Архисерьезно, Надюша! Мы же с тобой большевики, голубушка моя, рыбка моя золотая! Нам ли не привыкать к конспирации и закулисным играм, когда этого требует дело?! А в успех своего дела я твёрдо верю, и искренен в этом перед тобой как газета «Искра»! Конечно, не буду лукавить, философия наша гнила, но на этом навозе произрастёт замечательная партийная система управления и народным хозяйством, и массами в целом. Система эта будет столь же жизнестойкой и неистребимой, как и любой сорняк! Она непременно заполонит собой весь этот чахлый мир, разносимая в разные его стороны смерчем мировой революции!

– Но кто же, в таком случае, станет вместо тебя фактическим или формальным правителем партии и масс? Кто займет место живого вождя? – проявила весьма заинтересованное любопытство и эгоистическую надежду Надя.

– Все мои компаньоны останутся на своих законных местах и постах! Выше своих голов они-то еще могут прыгнуть, ибо голов у них нет, потеряли они головы от любви к пролетарской революции, но выше своих кресел им не взлететь – это их потолок; а ниже – в подполье они не нужны, не очень-то это ценный товар для хранения. В угол и к стенке их ставить пока рановато, но весь этот строительный мусор будет выметен за порог, после окончания строительства здания социализма – этого «Ноева ковчега» для всего прогрессивного человечества. А пока, место моих сор-ратников там, где больше всего грязи: в политике и руководстве, пусть там каждый из них творит всё то, на что он способен. Конечно, кто бы из них мое «святое» место предсовнаркома ни занял – оно, по сути дела, «пустым» останется без меня! Но по диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные, вся куча моих сор-ратников, спаянная партийной дисциплиной, моими путеводными идеями, и отягощённая свалившейся на них ответственностью и новой кучей проблем, явит себя в качестве единого живого вождя – фактического хозяина страны и качественного большевика! Пусть этот коллективный вождь и будет не столь божественным как я, но до поры до времени вполне подходящим для исполнения возложенных на него служебных функций. Вот такой вот фокус! А для пушей театральности, генсек ЦК Иосиф Сталин, как бывший семинарист, станет исполнять ещё и роль «Святого отца» всех народов. Он и меня достойно «отпоёт» и «фимиами» по мне неустанно «кадит» будет! Такова уж его служба мне – Господу Богу вашему! – ответил с усмешкой Владимир. – «Преподобный» Рыков станет сторожить моё место предсовнаркома, чего-чего, а рыкать на заседаниях ему будет по нутру! – утробным голосом добавил он.

– А чем же будешь занят ты, Володя? Куда тебе деваться?

– Надюша, ты же знаешь, что врачи настоятельно советуют мне ехать на Капри. Да я и сам туда рвусь всей душой и телом!! Вспомни, и по ныне актуальное, стихотворение Маяковского:

*Мокрая, будто ее облизали,
толпа.
Прокишный воздух плесенью веет.
Эй!
Россия,
нельзя ли
чего поновее?
Блажен, кто хоть раз смог,
хотя бы закрыв глаза,
забыть вас,
ненужных, как насморк,*

*и трезвых,
как нарзан.
Вы все такие скучные, точно
во всей вселенной нету Капри.
А Капри есть.
От сияний цветочных
весь остров, как женщина в розовом капоре.*

Хорошо, чертовски хорошо сказано!! А я-то, к тому же, это не только на словах, но и на деле знаю!! – вспомнил он сказочно-волшебный остров, который осчастливливал своим присутствием дважды, и где у него была не только тайная деловая встреча с офицерами Германского генштаба, но и романтический отдых с Инессой Арманд. – Ну не ревнуй меня к Капри, Надюша!! – хитро подмигнув, стал внушать ей Владимир. – Капри – это не мой каприз! Промедление здесь для меня хуже смерти! Ведь прав шельмец Шопенгауэр: «Здоровье до того перевешивает все остальные блага жизни, что поистине здоровый нищий счастливее больного короля». А здесь, в России, моя потребность в здоровье не может быть удовлетворена, и это означает, что России до коммунизма еще очень далеко. Ведь страна сможет вплотную подойти к коммунизму не раньше того, как сможет удовлетворить потребность в основном благе жизни каждому желающему – здоровье!!! А без этого блага, что час, то короче к могиле наш путь, тем более мне, идущему впереди всех, вождю. Вот от чего мне нужно, на время, уйти в запас, и морскими приливами и отливами «зализать свои раны». А когда я вновь обрету здоровье на Капри, я «воскресну» и явлюсь сюда в ещё большем блеске и могуществе!! И уж тогда точно доведу страну и весь мир до коммунизма и далее, ударными темпами! Но прежде, я наберусь здоровья, здоровья и ещё раз здоровья, но не сибирского, там ныне лишь «сибирская язва», а истинно Каприйского – высшей пробы!!

У страдающей базедовой болезнью Надежды от этих слов «в зобу дыханье спёрло»! Массируя руками своё одутловатое лицо, она выпучила глаза, с огромными мешками под ними, на Владимира, покраснела натужно, как будто силилась свалить на него, как на козла отпущения, свою тяжелую болезненную ношу.

– Потерянного здоровья, говорят, не вернёшь, – наконец выдохнула она, с печальным стоном.

– Да, если искать его там, где потерял, а не в других – более благоприятных местах! – парировал Владимир. – Но я-то здоровье и вовсе не терял, а отдал его делу мировой пролетарской революции, так не забирать же мне его у неё обратно! Тем более, что она ещё и не наступила. Нет, голубушка, я лучше отниму себе новое, крепкое здоровье у капиталистического мира, что называется с пылу с жару, в его кузнице здоровья – Капри! Мировой-то империализм вовсе не такой доходяга, как нам вначале казалось! Чёрта с два!! Это ещё тот здоровенный пройдоха и плут! Но я «проведу» и его, как Одиссей циклопа Полифема! А ты, Надежда моя, должна ждать меня здесь хоть двадцать лет, как верная Пенелопа своего Одиссея (не сочти это за Одесский юмор), и вселять уверенность в других в моё воскресение из мёртвых. Надеюсь, что ты не умрёшь последней надеждой, а воплотишься в долгожданную радость моего «воскресения». Массы же не должны даже помыслить, что моего воскресения не произойдет, и уж, конечно, о том, что я, якобы спасая свою шкуру от болезни, променял их с потрохами на капиталистический земной рай! Поэтому архиважно, Надюша, – голос Владимира зазвенел надтреснутым металлом, – сохранить в полной конспирации от них, эту широкомасштабную историческую и жизненно важную операцию, которая должна предшествовать моему «Второму пришествию»! Здесь о моей подмене должны знать только ты, Феликс, Иосиф, Троцкий, Рыков, Каменев и Зиновьев. На сей раз, эти двое последних не проболтаются, не станут же они

«рубить сук, на котором сидят». Все другие остающиеся – останутся, как и положено, в дураках!

– Уже и другие знают! – саркастически ухмыляясь, призналась Надежда.

– Кто?! – с неподдельным испугом спросил Владимир.

– Да вот помню, Анна Ильинична нам с Фотиевой как-то говорила: «Володю как будто подменили! В детстве чаще был тихий, послушный такой и вдруг на тебе: революционер-буян каких поискать! „Сорвиголова“ всемирного масштаба, ставший теперь вот и вожаком мирового пролетариата!» Кто мог подумать, что его редкие детские капризы вырастут до такого эпохально мирового масштаба?!

– В тихом омуте черти водятся! – с задорной ноткой в голосе произнес Владимир и предался озорному смеху, а затем, для полноты веселья, подняв вверх большие пальцы рук в жесте означающем, что всё обстоит великолепно, он приставил их к своей лысой макушке, изображая этим чёртовы рожки. Вдобавок, с дьявольской ухмылкой на устах, так мастерски скорчил рожу, что здесь и грима не надо!! Закончив представление, Владимир наставительно изрёк: – Вот почему, голубушка, нельзя даже временно оставить на моём месте живого двойника – в случае чего, он нам может показать «козью морду»!

– А что если твои сор-ратнички не захотят тебе вернуть всю полноту власти, когда ты пожелаешь объявиться?! – с ужасом спросила Надежда.

– Сталин и Троцкий – это два противовеса друг другу, служащие для того, чтобы кто-то из них не завладел всей полнотой власти. Каждый из них возьмёт мою сторону, если другой попытается выйти из-под моего контроля. Весы власти – это не весы Фемиды, на весах власти на её верху оказывается тот, кто перевешивает во всём тяжком. Два этих драчливых петуха между собой никогда не споятся, а остальные – их пух и перья. К тому же за границей я поддерживаю других наших соратников: Адольфа и Бенито, я необходим им для нашей общей победы, а они явятся противовесом здешним сор-ратникам. Таким образом, всю свою полноту власти я фактически из рук не выпущу никогда! Дай мне только волю, так я любого в два счёта обставлю, если потребуется! Да и ты, моя кисонька, в случае чего, моим сор-ратникам коготки покажешь и любому из них глаза выцарапаешь, тебе ли не пресечь возню этих глупых мышат! Ты их всех переиграешь в эти партийно-политические «Кошки-мышки». Для крайней подстраховки «возьмём в долю» Фотиеву, она всегда и во всё лезет, и, если не в качестве батута, то в качестве соломенной подстилки, нам точно сгодится!

Владимир, в задумчивости, прикрыл веками очи, и пред внутренним взором его вдруг предстал лик европейского символа мудрости, венчаемый не солнечной короной, а полным ликом луны. Лунный же лик был не с видом лунных морей, гор и кратеров, а с видом символа чёртовой морды. Проницательный взор крупной совы – филина, проник в душу весьма глубоко, достигнув до самых тайных и тёмных её уголков. Владимиру стало не по себе, и он, взглянув в глаза Надежды, избавил этим себя от свиного взора, как от залётной и эфемерной совести.

Глава 2

Иосиф Виссарионович Сталин стоял в своём кабинете у окна, в задумчивости смотрел в звёздное небо и смолил трубку. Недавно у него состоялся разговор с Ильичом и Феликсом, где они детально обсудили особенности нового политического спектакля, задуманного неистощимым на выдумки верховным вождём и учителем мирового пролетариата. А вот звёзды, казалось, хитро помигивали мыслям, если и не прекрасного, то премудрого Иосифа: «Да, хитер старик! Сушая бестия!! Умение вовремя смыться требует от политика не меньшего искусства, чем умение вовремя взять власть в свои руки. Именно теперь, когда мировую революцию хватил этакий пограничный столбняк, Ильич уходит с политической сцены-арены, чтобы остаться надёжной верой широких, но недалёких народных масс в дела и помыслы „Великого и премудрого“ Ленина. Хочет остаться верой и надеждой в построение социализма в отдельно взятой стране, а также платонической любовью этих обездоленных умом масс к неимоверно прекрасному коммунистическому будущему. Он не желает больше пачкать своё имя этим строительством и хочет уйти в иноземный рай в „белых ризах“ и „белых тапочках“, а для этого я должен „выстирать“ все его „политические пелёнки“ и устранить все его „детские недоразумения“. Ну что же, тем лучше для истории! Если треклятый церковью Ильич желает навсегда остаться не Гегелевской, а новобожественной триадой: верой, надеждой и любовью масс к нему, то это чудесно! Это стократ чудесней всех пришествий Христа Иисуса! Слава Богу! Пусть будет Богом, лишь бы не был „живым“! Его вылет из страны – лучший выход для него и вход к желанной цели для меня. Что же, ради того, чтобы расчистить для себя этот вход, стоит произвести генеральную уборку за Ильичом и навести порядок. А если эти чесночники: Троцкий, Зиновьев и Каменев (вообразивший себя философским, краеугольным и ключевым камнем) и впрямь станут почитать меня за кухарку управляющую государством, то я им такую „трапезу“ заварю, которой они навсегда подавятся! „Трапеза“ эта, будьте покойны, будет отнюдь не бутафорской, а смерть чесночников не театрально-условной. „Чесночными котлетами“ из них и их плеяды, я „накормлю“ голодные рабоче-крестьянские массы „людоедов“, жаждущих политических и физических заклятий ритуальных жертв во имя народа и для народа. В чём в чём, а в жертвоприношениях недостатка не будет! Народные аппетиты можно насытить только самим же народом, поэтому репрессивно-политическая кухня, в которой я буду шеф-поваром, должна работать бесперебойно убойно. И для этого всё есть! Ибо гегелевско-марксистско-ленинская „спираль в развитии“ – это „винт мясорубки“, и он в непрерывном вращении! Её „ножи“ – карательные органы государства, „корпус мясорубки“ – тюремные и концлагерные корпуса, её „решетка“ – их решетки и ограды. Через этот мощный двигатель, работающий от умственной энергии вождя, соратников и силы рук масс, подконвойно пройдут все сырые и разнородные массы, чтобы затем из них вылепить и испечь на пламени мировой революции или огне трудового энтузиазма: высококачественные продукты развития! Конечно, в теории всё мыслится в переносном смысле, а на практике чаще выходит в прямом, или через прямую кишку! Но так оно и к лучшему, ведь практика – критерий истины подтверждает: есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы! Невозможно кардинально изменить душу, не изменив кардинально её основу – тело. А здесь не обойтись без смерти! Неслучайно могила и горбатого, и кого угодно исправит, поэтому и говорят о покойнике либо хорошо, либо ничего (в смысле неплохо)! Но только лишь смертью в нашем деле, к сожалению, не обойтись, КПД нашего дела значительно повысится, если мы задействуем сильные стороны, как жизни, так и смерти. Пусть покойники в чём-то лучше нас – большевиков, зато мы универсальные. Прав Ильич, поучая нас: „Нельзя стать человеком новой формации – коммунистической, не получив хотя бы общего режима, не пройдя сквозь тюрьмы и концлагеря (исключая побег), то есть не пробыв в исправительно-трудовых учреждениях необходимый по закону срок. Чело-

века допотопной формации создало существо тремя буквами названное, не для печати будет сказано: Бог, да такого, что это „говно“ и в потоке не утонуло! А нового человека создадим мы – большевики, по образу и подобию своему. А ведь мы стали такими, какими есть, тогда, когда дошли до кондиции в тюрьмах и ссылках. По такому рецепту и остальных будем доводить! По нашим статьям уголовного и политического кодекса любое „дерьмо“ станет порядочным человеком – человеком нового порядка! Известный принцип и лозунг социализма следует трактовать трактом так: „От каждого – по способностям, всех – по трудовым лагерям, партиями и в своё время, и на своё время!“ Так-то вот, батеньки мои! Ну а исключительным людям, в качестве исключительно быстрой меры исправления – смертная казнь!“ Пожалуй, наша „мясорубка“ и есть первый в мире вечный двигатель, созданный человечеством, всё прежнее – лишь жалкие попытки его создания, такие же „безголовые“, как жизнь и смерть Гийотена. Наша „мясорубка“, безусловно, универсальна, на выходе её будет какой угодно нам продукт производства: доведённые до нужной кондиции мозги, мясо, кости, прах. Прахом наших непоколебимых врагов создадим этакий неолит – новый добротный культурный слой из породы рафинированной интеллигенции, в прямом смысле слова: нечто фундаментальное, ибо прах наших врагов не только лучше всего пахнет, но это лучший фундамент нашей жизни! „Волков бояться – в лес не ходить, смерти бояться – не жить!“ – как любит говаривать Ильич. Тем более глупо бояться чужих смертей, генерируемых твоей жизнью! Всем смертям назло, а если надо и жизням, буду гнуть свою стальную партийную линию, а Ильич сам зайдёт на Капри, или с Божьей помощью, или с чёрт знает какой – это кто как меня будет почитать: Богом или чёртом. Короче, Капри станет-таки точкой для всей его реальной жизни, а фикции о нём не будет конца! Нет, не его будут лобзать массы, а поочередно и вечно, если не воздушными, то мысленными поцелуями, другого лобастика».

В зрительной памяти Иосифа всплыло Лобное место, а затем он перевел мысленный взор на то место, рядом со Спасскими воротами, где надлежало построить мавзолей-зиккурат вождя – символ пирамиды власти в СССР.

«Моя-то партийно-административная пирамида власти будет крепче любой финансовой», – усмехнулся Иосиф и продолжил размышлять с лвиной долей сарказма: «Это капиталистическая Россия с февраля по октябрь 17 года на деньгах держалась, на огромных кучах этого обесценивающегося дерьма – вот и рухнула столь же быстро как все финансовые пирамиды, ибо не крепче они бильярдных! А моя пирамида власти будет долговечна как гранит, превыше пирамиды масонской, и прекрасна как Божий театр! Прекрасна той самой красотой, которая спасет мир! Спасет его от многих людей, а значит и от массы проблем! Наглядным образцом моей пирамиды власти станет мавзолей-театр! И в этом ни „Малом“, ни „Большом“, а поистине Великом театре, двойник-дублер Ильича сыграет эпохальную роль. Этот мавзолей будет надёжней и дота, и дзота! А двойник-дублер Ильича, „играя роль“ великого покойника, этим, на самом деле, будет охранять ворота в Кремль и мой покой надёжней Цербера, ибо „чучело вождя“ призвано будет не отпугивать массы, как пугало воробьёв, а, наоборот, привлекать массы к себе, как воронов к падали! Вот тогда массы сами своими телами „забаррикадируют“ все входы в Кремль от всех внешних врагов, да так, что и пушкой этих твердолобых дураков не прошибёшь! Огромная очередь этих болванов поясом верности опояшет Кремль, и никому вне очереди шагу ступить не даст! Благо, что у меня самого подземный ход припасен для входа и выхода из преступного, а вскоре (благодаря приступам почитания мощей „Ильича“ у паломников) и неприступного Кремля. И кто же, если не Яков, лучше всех других сумеет сыграть роль хозяина мавзолея?! Тот Яков, в честь которого я назвал своего старшего сына Яковом! Тот Яков не чета Яшке Свердлову, именем которого я назвал свою собаку!» Довольный образностью своих сравнений, достойных его поэтического дара, Иосиф вновь придиричиво вспомнил лицо и фигуру своего закадычного друга, с которым познакомился во время Туруханской ссылки, матерого бандита Якова Кошелькова, внешне поразительно похожего на Улья-

нова-Ленина, с таким же хитрым прищуром и не менее лучистой хитростью лукавых глаз. «Фирменный» же смех Якова, исключая его смех от услышанного в компании анекдота, звучал у него последним, согласно пословице: «Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним»! В подобных случаях, лишь садомазохист может хорошо смеяться первым, а последний смех плох лишь сардонический (в первоначальном значении этого выражения). И любящий посмеяться последним, Яков ухитрялся делать так, что смеялся не в последний раз, от всей души и над другими. В Туруханке, для Иосифа, по приказу Ильича, промышлявшего на воле разбоем (экспроприацией) для партийных нужд, Яков невольно стал авторитетной заменой Ильича. Но на воле их пути разошлись, и если рыбак рыбака видит издалека, то талант конспиратора позволял Якову долго оставаться незамеченным на воле, хотя сам Яков и оставил заметный след в памяти Иосифа. «Вот чёртова морда! По всем статьям и статьям – Ильич, да и только! Чертовски похож! Бесподобно подобен лукавому и Ульянову-Ленину! Давно ведь заметил, что эти два пахана похожи друг на друга, как две капли воды, но думал: „с лица воды не пить“, а теперь вот жажду встречи с бывшим корешем, словно прохладной воды в знойной пустыне! Теперь его сходство с всемирно известным персонажем выглядит восхитительно и многообещающе! Даже вспоминать о таком сходстве нельзя без восторга и без сладостного предвкушения своего великого будущего! Правда, взять этого шельмеца будет не проще, чем черта за рога, но мы – большевики, хитрее любого черта: не так, так этак возьмём! И если не Бог, так чертовы массы нам в помощь! Можно было бы и самого Дьявола уложить в саркофаг, не будь он до поры до времени бессмертен в плоти своей, как и любой истинный чёрт, а нам там нужен забальзамированный труп – лучшая „труппа“ театрального мавзолея! Да будь черти хоть духи бесплотные, и тогда бы они в этих двух паханах души не чаяли!! И это с учетом того, что сходство Якова и Ильича: внешнее и характерное, а различия: идеологические. Хотя, кое в чём и эти крайности сходятся. Как бы там ни было, но Феликс уверяет, что на Якова, наконец-то, появилась зацепка, что он-таки на крючке! В сети надо эту „крупную рыбу“, чтобы не сорвалась, а когда вытащить, то и потрясти хорошенько этот „мегалодонный кошелек“ не помешает, ибо его содержимое всегда было высшей пробы – в золотых червонцах! ГПУ должно, во что бы то ни стало, арестовать моего бывшего кореша – главного „претендента“ на роль усопшего великого и гениального вождя и учителя мирового пролетариата. А если, чёрт знает откуда, но в народе слух пойдет, якобы подменили Ленина Яковым, то можно будет народным же языком сказать: „Затвердила сорока Якова, да и судачит про всякого!“ – таков будет и официальный ответ. Впрочем, Ильич не всякий, и нужно добиться, чтобы ни один чёрт о нашем деле не пронюхал, и комар носа не подточил! В саркофаг Якова – „на долгую добрую память“, и все шито-крыто, если „пришить“ вовремя всех лишних свидетелей!» – с безапелляционной уверенностью думал Сталин. Нервное возбуждение, пробежав в мозговых лабиринтах его головы, вновь высветило перед его внутренним взором образ Якова-Ильича, с акцентом на личностные качества последнего: «Кому-то Ильич и впрямь покажется Богом! Кому-то Дьяволом, меняющим свои личины (а то, что будет лежать в мавзолее – одной из его сменных оболочек)! Кому-то Кошеем-бессмертным (да к тому же, и фокусником-иллюзионистом)! Кому-то упырём-вурдалаком-вампиром без осинового кола в сердце! ... – сколько людей, столько и мнений, но лишь одно станет официальным: мнение Генерального секретаря ЦК РКП (б), хотя и не искреннее, но „Правдивое“! А в дальнейшем, мы и массовое единомыслие внушим люду внушительной пропагандой и „словарным запасом“ „товарищей маузеров“ и „максимов“. Слишком болтливых они „переболтают“, а все остальные и помыслить о крамоле не посмеют: тотальный страх он и умника, и дурака уравнивает по уровню официального шаблона. Что же касается истинных большевиков, то это не люди, а органы партии, ибо у них есть лишь одно мнение – официальное мнение партии, а они – его проводники и исполнители, и все народы должны стать такими органами. Ленинские „заветы“: „чем хуже, тем лучше“ и „лучше меньше, да лучше“ – для извращенцев. Но я таки приведу массы к тому, что жить станет лучше, жить станет веселей – по-

моему вкусу и разумению! „Если на клетке слона прочтёшь надпись „буйвол“, не верь глазам своим“ – так, кажется, советовал Козьма Прутков. Я же добьюсь того, что если на мавзолее написано „Ленин“, то массы будут верить официальной надписи, что здесь лежит Ленин (этот звёздный „телец“), пусть даже перед ними будет пустое место! Но этого я добьюсь постепенно, от чистки к чистке, не спеша! А пока пусть будут верить своим глазам, глядя на то, что похоже. Тело Якова в мавзолее будет гораздо правдивее, естественнее и убедительнее, чем восковая фигура и прочая скульптура, любой иной актёр (живой или мёртвый), и прочие художества. Страх-то должен овладевать массами постепенно, иначе они все внезапно умрут от него, так и не дожив до прекрасного будущего», – сделав МХАТовскую паузу, домыслил Сталин.

А по стране и по миру, без «Пришествия», но с происшествиями, шествовал 1923 год от рождества Христова.

Глава 3

Февраль 1922 года

Главарь банды – Яков Кузнецов («Кошельков», «Янька», «Король», «Неуловимый») поздним вечером кутил на блатхате, и, зная толк и меру в хорошем вине, в беседе с пронырливой сводней – Анной Кузьминичной Севостьяновой, дал весьма трезвую оценку новому трюку жизни страны: – Видишь, Анька, как жить ныне стало сподручней! Раньше-то большевистская шобла была как шпана голодрания: тащила все, что попало, без ума, вот и провалилась! А теперь-то вот до них доперло! НЭП развели, чтобы нэпманы им экономику, по всем швам разъехавшуюся и дырявую, сшили и залатали, как портные рваные штаны. Самых нэпманов большевики стараются раздевать постепенно, по мере обогащения тех. Не последнюю рубашку и штаны с каждого нэпмана стараются стащить, а выжидают, пока появится на нем шуба соболья, чтобы постепенно с каждого из них не семь, а сотни шкур, то бишь собольих шуб снять. Так ведь и мы не промах! Мы с нэпманов не мелкую добычу имеем! Так что политика большевиков, в этом направлении, нам на руку. А придет время, они нам и вовсе ни разу дорогу не перейдут, а комиссары заодно с нами в нашем законе будут, а вся страна у нас шестерить станет! Вот тогда в стране и со страной все будет в полном порядке! Я ведь об этом еще в Туруханке одному из политических паханов – матёрому большевику Кобе (Сталину) говорил: самая долговечная, самая прочная и нерушимая, самая могущественная форма общественной жизни во всей истории человечества – уголовная! И, безусловно, только ей светит самый большой срок стабильного существования на земле! Именно борьба уголовного мира с общественно-экономическими формациями, пытавшимися его уничтожить или вредить ему, приводила к смене каждой из этих формаций, то бишь социальных строев. Только сращение партийно-правительственных структур с уголовным миром (при котором произойдет коррекция силовых органов в оптимальную сторону) сделает эти структуры непоколебимо устойчивыми, прочными и справедливыми на века и тысячелетия! Недаром уголовный мир – это краеугольный камень построения всемирного справедливого общества, ибо в уголовном мире во главу угла поставлена свобода, пусть даже кому-то кажется, что она стоит там, в наказание, как нашкодивший ребенок! Но ведь даже это лучше, чем поставить ее к стенке или, заперев в казематах, изолировать от народных масс! Только в уголовном мире свобода имеет свой угол – свое законное место! Да, только в уголовном мире есть подлинная свобода, ибо свобода – это жизнь в разумных пределах! И эта свобода в гугол раз крепче и долговечней статуи свободы в США, и во столько же раз дороже, но не для кармана, а для сердца! Да, да и еще раз да, уголовный мир – это мир подлинной свободы и справедливости. Ведь где, как не в уголовном мире, тайное проявление определенных способностей приводит к удовлетворению всех потребностей этих скромных, не хвастающихся публично своими способностями людей, у которых нет потребности в коммунизме, где каждая сволочь и каждый подлец смогли бы удовлетворять свои гнусные потребности гадить и пакостить всем подряд. Уголовники же стремятся всегда к тому, чтобы работать чисто и нигде не наследить. Только в ладу с нами нихрена пакостного с большевиками не случится, и никогда они в лужу не сядут, и на свалке истории не окажутся. Так что ты, Коба, как крупный партийный авторитет, должен убедить свой большевистский сходняк во взаимовыгодном сотрудничестве с нами – представителями древнейших и бессмертных профессий! Место уголовных авторитетов – у головы главы государства, то есть на уровне его советников, хотя бы и тайных. Только при таком раскладе сил глава государства будет иметь на своей стороне все козыри в жизненной игре, но, в отличие от карточной игры, эти козыри в отбой не уходят, а иначе сам глава станет лишь одной из глав минувшей истории. Ибо только мы – уголовные авторитеты можем держать преступность в необходимых для прочно-

сти государственного строя рамках – в строжайших рамках! Только мы в состоянии не допустить любой беспредел! Все иные рамки – траурные для тех, кто против нас. Бывший конокрад Гришка Распутин – это далеко не уголовный авторитет – спаситель царя и Отечества. Но царь слушает его и на него уповаает, а сотрудничать с нами – истинными авторитетами уголовного мира не желает. А посему, Его Царскому – Императорскому Величеству скоро придет хана, как пришла хана всем Золотоордынским ханам. Дом Романовых простоял триста лет и рухнет во прах! А наша с вами взаимопомощь позволит создать принципиально новое самое долговечное строение, где будет осуществляться всесторонний контроль и всесильное всеобъемлющее управление массами: уголовные авторитеты будут держать преступность в разумных рамках, а вы будете держать в разумных рамках полицию, и мы вместе с вами – вразумлять народ! Говорю тебе это, потому что ты не тупой фраер, а толково и фартово рэккетом промышлял для нужд своего партийного общака, и способен по всем понятиям меня правильно понять. А мне тогда Коба и говорит: «Точно, Яков! Борьба уголовного мира за свои права со всеми боровшимися с ним социальными формациями, приводила к краху этих формаций, здесь ты правее, то бишь точнее левака Карла Маркса! Ну а мы – большевики, лишь капитально ускорим крах капиталистической формации, и в этом мы с вами подельники! Ого, и иго-го как мы этот крах пришпорим!! Ведь сейчас-то мы, большевики, вроде политических сифилитиков. Связь с массами у нас здесь в России тайная, подпольно-бытовая, а за кордоном – половая, то есть легальная, но и та, и другая заражает массы революционным сознанием. Революционное сознание – это освобождение психики человека из-под контроля прежнего религиозного сознания, с его заповедями: не убивай, не кради, не прелюбодействуй, не желай ничего, что у ближнего твоего и так далее, в том же духе. Ревсознание – это полная свобода человека от оков прежнего сознания. Девиз ревсознания – грабь награбленное! При ревсознании осознаются только способы подготовки и проведения мировой рабоче-крестьянской революции, и ее конечная цель: всеобщее равенство во всем! Хотя каждому, при таком дележе, достанется всего этого – кот наплакал! Причем, только большевистское ревсознание является в наибольшей степени революционным! Наше ревсознание с неумолимой эффективностью запущенного сифилиса, разлагающего организм больного, разлагает государственный организм, ценные элементы которого вы растаскиваете по всем своим углам. Как и коварный сифилис, наше ревсознание передается посредством естественных потребностей масс, посредством низменных инстинктов толпы. А вот когда я революционным путем и последующими маневрами взойду на вершину государственной власти, обогнав дураков и воспользовавшись тем, что умные будут обходить эту гору дерьма стороной, вот тогда-то я и партию свою, и массы излечу от ревсознания с помощью свинца и обильного кровопускания. Это стократ эффективней, чем лечение сифилиса мышьяком, и непременно даст избавление от этого „сознания“, дабы не привело оно нас, по своей сути, к своему конечному итогу дела – концу всему. В любом деле важно вовремя остановиться, тем более на пике власти! Что касается ревсознаний других Российских партий, то они отличаются от нашего – большевистского ревсознания, словно ерундовый триппер от могучего сифилиса! Но все эти иные партии передохнут после нашей победы, передохнут из-за своих ревсознаний как от чумы и холеры, потому что, в отличие от триппера, их сознания с нашим не уживутся. Ну а когда, наконец-то, мы избавимся от всех ревсознаний, то от революционной цели: „грабь награбленное“, мы перейдем к воплощению в жизнь, в полном объеме, нашей неиссякаемой цели: „грабь дураков“! И уж тогда-то наша с тобой мафия расцветет пышным цветом, а плодоносить будет как Эдемский сад во времена Адамова грехопадения! И таким прекрасным тогда станет криминальный социализм – наш общий нерушимый строй, что коммунизма и даром не надо! Не жизнь, а воровская малина для нас настанет! Заявляю тебе об этом, находясь в здравом уме и отличной памяти, ибо являясь активным переносчиком ревсознания, я им не болен, так как сам себе на уме! И этим отлично предохраняюсь от чьего-либо „мозгоёбства“! Я прекрасно осознаю, что Уголовный кодекс – это не кодекс

чести, чтобы ему следовать! Чёрта с два!! Нам с ним не по пути, и ни кой чёрт нас с ним не попутает! Да и уголовное право – совсем не право – это кривда – отстойник Римского права и Православия! И эта кривда, как и процессуальная, нам часто боком пытается выйти, иль взять за зад, а, посему, не права! Клади мы с тобой на УКа, УПКа, их права и законы, а скоро и под сукно положим. Всё уголовное законодательство там будет, кроме мелочёвки». Так что смекай, Анька: скоро дурной крови у большевиков поубавится, и тогда милиция будет рыпаться лишь на то, что ей с родни по силам: на шантрапу, и возиться исключительно с бытовухой! А их прежнее ВЧК – нынешнее ГПУ, создано лишь для того, чтобы контра не возвратила бы нас и большевиков в «тюрьму народов» – в этот анахронизм с «фараонами». Хотя, говоря откровенно, тюремная камера с решёткой – это сито, через которое просеивалось человечество, и в котором задерживались наиболее крупные и самые ценные личности! И вот теперь, после Октябрьского переворота, многие из этих великих личностей оказались на крыше власти. Знай наших «зеков»!! – произнёс тост Яков, высоко поднимая фужер.

– Да ты, Яков, и по форме, и по содержанию – вылитый товарищ Ленин!! – ехидно заметила недоверчивая Анна.

– На меня многие пытаются походить, да слабо у кого выходит! – с хмельной гордостью изрёк Яков.

– Если Яков – вылитый, то Ленин – пустой!! – буркнула себе под нос, недовольная Советской властью проститутка Халида.

А сидевшая рядом с Яковым наглая и безумно удачливая проститутка Сарра, по прозвищу: «Клеопатра», выпустив изо рта сигарный дым, высокомерно бросила: – Между прочим, Гошка мне сообщил о том, что Ленин приказал своим комиссарам грабануть всё церковное золото. Завтра они его будут свозить из церквей на склад, тот самый, который Серёжка Барин с Лёшкой Картавым и Заводным при царе «чистили»!

– Гошка? Это что за фраер? – поинтересовался Яков.

– Это она о Федюшине говорит, он у Ленина в личных секретарях ходит! Я её с ним с месяц назад как свела. Клиент сомнений не вызывает! – скороговоркой пояснила Анна.

– А я бы всё же поостереглась, – встряла в разговор эсеровская подстилка Халида, – этим большевикам ни в чём доверять нельзя. Они вон даже календарь изменили. У них теперь: что ни день, то 1 апреля! Нет, кроме шуток! Ведь эти черти даже свой день переворота: 25 октября, стали праздновать на свою чёртову дюжину дней иначе: «7 ноября», а сам этот день их великого обмана на много лет «переплюнул» все 1 апрельские «дни дурака»! Говорят, что г. Ленин, в своих «Апрельских тезисах», распорядился народ дурачить круглый год и из года в год. А ведь они теперь не только надувательством занимаются, но и вздуть могут по первое число!

– О, да! С этими комиссарами нужно ухо держать востро! И глаз да глаз за ними нужен! – испуганно округлив глаза, посетовала проститутка Элла. – Вот наемни, мне моя подружка Риммка рассказывала, что прилип к ней один комиссар, как банный лист к заднице. Наган на неё наставил и требует: «Дай, а то пристрелю, сука!» Ну, прямо вынь да положь! Она, с испугу, уже и платье на себе рвать начала, и тут только просекла, что это он у неё руку и сердце просит – жениться, стало быть, на ней собрался!

– Ну, так что же, дала?! – поинтересовался непревзойдённый мастер гоп-стопа, вор-универсал Серёжка Барин.

– Ой! Да, что ты! Комиссарам, как говорится, дай только палец, так они и руку с головой оторвут! Так что она, с отчаяния, не столько дала ему по роже, сколько взяла, да и выцарапала его бесстыжие зенки, и со спокойной душой сбежала восвояси. А этот комиссар теперь, говорят, если услышит, где шорох платья или юбки, так стреляет туда без промедления! Вот, стало быть, как его, гада, злоба к женскому полу ослепила, а не только Риммкины ноготки.

– Так что ж, на него и управы нет?! – ужаснулась Анна.

– Ой! Да комиссар-то больно важный! Наган у него дарственный, за былые подвиги. Так что его и арестовать не решаются, и наган отобрать стесняются, он ведь без него, как без рук, ничего кроме этого делать не умеет. Вот и стреляет, подлец, то в потолок, то в женский пол! Всё как в жуткой сказке: не проползти и не пролететь мимо этого «безголового» Змея-Горыныча, который страшнее циклопа Полифема будет, ибо того и гляди пулю схлопочешь, куда как вернее, чем в «русской рулетке»!

– Так вы, дуры, в штанах шляйтесь, а ещё лучше голышом. Для дам это вечно самая популярная мода на все сезоны! – посоветовал Серёжка Барин. – Видали, какие манекены в музеях, да во дворцах выставлены?! Не видали?! Эх вы, деревенщина! Коблушки чухонские! Да там бабы стоят роскошные, шикарные из мрамора. Венеры-Афродиты всякие. И все как одна, в чём мать родила! То бишь скульптор-кутюрье создал, наплевав на какие-либо рубашки и золотые ложечки во рту! Да и на картинах там полным-полно голых баб! И всё это, говорят, громадной популярностью пользуется и больших денег стоит!! Вот что по-настоящему ценится! Вот она – настоящая непреходящая мода!!

– Ты, как видно, в музеях только на голых баб глаз положил, как в «домах терпимости», а мужиков, раздетых до нага, не заметил! А они там, в музеях, тоже, между прочим, дорогого стоят! Их причиндалы и те на вес золота! Так что зри своей моде в корень, а не подглядывай в бабы шёлки!! – парировала его саркастические наскоки Сарра.

– А я не гомик, чтоб на это взирать! Мне такая мода на хер не нужна! Да, к тому же, я и не голоштанник какой-нибудь! Я, можно сказать, в рубашке родился! Пусть голь перекачанная на музейных подиумах торчит, а мне мой коренной причиндал и так дороже всего золота мира! – по-барски отмахнулся Серёжка.

– Па-а-думаешь, дороже золота! Да я своей задницей, не говоря уже обо всём остальном, ни на одну соболью шубу заработала, и не в мечтах, а реально!! – взвизгнула, распалаясь, Сарра. – Ни одна мраморная богиня на столько «бабок» не потянет!!! – взвизнулась она на повышенных тонах. – Я не стриптизёрша дешёвая, и свои прелести за гроши, да задаром демонстрировать не собираюсь!!! – закончила она свою патетическую речь на мажорной ноте. Назвать же Сарру «селёдкой под шубой» Серёжка Барин не решился.

– А вот мне, – встрепенулась гуляющая в своё удовольствие бабёнка Ольга Фёдорова, – один комиссар так прямо и говорил: «Твое влагалище – это настоящий мини-коммунизм для нас – мужиков, где от каждого – по способности, каждому – по потребности! И даже если за всё в жизни надо было бы платить, то я, как коммунист, жизнью бы своей заплатил, лишь бы сохранить это общественное достояние, лишь бы сохранить этот очаг коммунизма!» И что вы думаете, ведь действительно жизнью заплатился за этот «блядский коммунизм» – подхватил букет вензаболеваний и вскоре загнулся. Вот оно как! А букетик-то был из «клубы» моей подружки Венерки, и стал для него погребальным венком, который и обошелся ему куда как дороже лаврового! Ну, скажите, какая мраморная Венера таким мужским преклонением похвастать может?! Какой музей? Ни один, будь он хоть антропологический, или палеонтологический, или исторический, или...

– Хватит вам! – шикнул на дам Яков. – Музеи и дворцы оставьте в покое, а нет, так большевикам. Пусть они сами музейные экспонаты грабят, да за «бугор» загоняют, а мы уж займёмся Богоугодным делом! Недаром ведь сказано: «Украсть у вора – списать половину грехов», а если обокрасть богохульствующих грабителей-вандалов, так и все наши грехи, подчистую, списаны будут!! А, посему, валяю конкретно по делу с церковным золотом из большевистского общака...

Банда и бабёнки притихли «намертво», внимая плану главаря.

Глава 4

Февраль, 1922 года

После плотного обеда Ильич вплотную приступил к делу:

– Алло, Феликс Эдмундович, как у Вас там обстоят дела, батенька, с «инквизицией» попов и экспроприацией церковных богатств?

– Доброго здравия, Владимир Ильич! У нас всё в порядке. Ночью приступили к проведению операции в Москве, в Питере и по всем провинциям. К полуночи церкви были блокированы нашими людьми, и к этому часу в большинстве храмов работа завершена: церковные ценности нами изъяты и свозятся на указанный Вами склад Гохрана. Попы попали в тюремные кельи, а прочие толпы мракобесов разогнаны силой оружия, впрочем, немало из них оставили на паперти свои трупы. С их трупами мы управились не в три дня, а в три счёта, хотя и было их «бессчётное количество», рвами и траншеями мы их обеспечили, а дальше пусть сами «шуруют» в свои ады, раи и чистилища! Все монастыри теперь тоже в наших руках и превращаются в подходящие тюрьмы, так что можно сказать: во всех монастырях теперь только наш устав! Любого верующего теперь можно под такой монастырь подвести, а уж бывший Соловецкий для них хуже ада, там даже их чертям тошно станет!! Я же в этом церковном деле неукоснительно соблюдаю Ваш приказ, Владимир Ильич: «Главное – это не дать возможности попам проявить милость и помочь голодающим Поволжья и других регионов страны. Их милость к массам была бы для нас как кость в горле! Кому пряник, а кому кнут – это нам решать, а не им!»

– Да, да! Эту работу, Феликс, необходимо проводить архирешительно!!! Никаких сомнений и поблажек!!! Это есть наш атеистический урок религиозным «маловеерам» в нас и наше священное дело!!! Они должны крепко-накрепко поверить в нашу силу, решительность и убежденность, убедившись в них (более чем Фома неверующий в воскрешение Христово) на собственном горьком опыте и боли своих ран!! И откуда будут живы их «бессмертные» душонки, они должны крепко помнить нашу бескомпромиссную непримиримость к их вероучению, и свято верить в нашу окончательную победу над ними и их влиянием в массах. А для этого необходимо проявлять наибольшую, наивысшую жестокость, ибо наше зло в настоящем – это наше добро для будущего! Тогда как сегодняшними добренькими делами и помыслами вымачивается дорога в завтрашний ад! Рай же коммунизма оправдает перед лицом истории всё, кроме порочного малодушия и порочной мягкотелости! Больше жёсткости духа и рук!! Жёсткостью и жестокостью дел вымостим дорогу в наш Рай, дабы не увязнуть по дороге к нему в собственных соплях и слюняйстве! Всякое противодействие нам со стороны церковников, – с упоением продолжал вещать Ильич, – есть контрреволюция, есть преступление против масс! Архипопов будем судить публично от имени масс, и пусть сам пролетариат, то бишь рабочий класс, распнёт эту свору морально, а мы накажем эту свору реально, и орудиями казни куда более прогрессивными, чем их любимый крест. Все остальные мракобесы должны быть перевоспитаны на Соловках, за бывшей монастырской оградой, ибо клин клином вышибают! Каждый, от мала до велика, кто участвовал в церковном шабаше против нас, должен получить там свою порцию воспитания в духе большевизма, да такую, чтоб занозой в душе сидела куда как крепче, чем гвозди в распятиях! Это должен быть жестокий, но необходимый для них урок! Это их свято место, для них пусто не будет, по крайней мере, до полного их там перевоспитания. А если они все туда не уместятся, что вполне естественно, то действуй по принципу Прокрустова ложа, но в отношении их численности: лишних клади на кладбище.

– Именно от такого «Прокрустова ложа» и будет прок, Владимир Ильич! – поддакнул Дзержинский. – У этих церковных «циркачей» будут и трупы и трупы!

– А знаете одну поучительную историю, батенька? – продолжил свои наставления Ильич. – Как-то Станиславский зашёл в церковь и, увидев представление попа, заорал: «Не верю!!!» Тут поп-подлец стал играть свою роль в церковном богослужении в таком религиозном экстазе и так убедительно, что даже Станиславский уверовал в Бога! Вот и мы свою роль должны играть так, чтобы массы нам верили во всё, а не слугам Божиим! В этом и заключается всемирно-историческая роль нашей партии! И если театр начинается с вешалки, так и мы свою игру начнём с того, что развешаем на фонарях всех этих святейшеств и святых отцов, с преподобными матушками! Пусть с фонарных столбов своими святыми нимбами светят – электроэнергию нам экономят. Замечательнейшая электрификация всей страны получится! Не дрейфь, Феликс, провала не будет, исторические подмости и не такой тяжкий грех выдерживали! Ври, не краснея, что церковные ценности изымаются для помощи голодающим Поволжья, а попы – жирные жопы, для них и выеденного пасхального яйца пожалеют! Для попов, что голодающие Поволжья, что бедные церковные мыши – всё одним миром мазано! Вот оттого-то они готовы удавиться, или, скорее, удавить, но помочь чем-либо ни-ни, «Боже упаси!!!» А ведь в их хамских храмах не скорлупы от яиц, а золота и драгоценных камней куда больше, чем в пещере Аладдина! Это вам не сказочное золотое яичко, и стоит несравненно дороже всех пасхальных яиц Фаберже! Обменять за кордоном не шило на мыло, а горы церковной безвкусицы на горы вкусного продовольствия – вот спасение голодающего Поволжья! Так что: «Бей попов, выноси всех святых с драгоценными окладами – спасай Поволжье!!!» – это насущная жизненная необходимость и священный долг сознательных масс в лице силовых органов! Вот что должны усвоить массы, забыв «Отче наш» и прочую религиозную сивуху!

– Красные от стыда не краснеют, Владимир Ильич! К чёрту всю дешёвую мораль Христа! А попам таких чертей зададим!! Пусть попы, мягко говоря, в попу проваливают со своей моралью! В общем, Соловецкая клоака им для того и предоставлена! Любой иной чёрт пусть будет с ними, а вот их «жёлтый дьявол» будет наш! Ибо попы попами, а ВКП (б) – это пуп земли и неба!

– Я доволен, что ты это понял, как следует!

– Понимать Вас как следует – это наш священный партийный долг, Владимир Ильич!!

– Усилите охрану ценностей на складе! Энтузиазм в отборе ценностей у врагов важен, как важен и отбор самих ценностей – их сортировка, но архиважно и порядок с их охраной!!

– Я заверяю Вас, Владимир Ильич, в том, что у нас сам Бог ничего не сопрёт, чёрт его поберет!!

– На чёрта надейся, а сам не плошай! – предостерёг его Ильич.

– Слушаюсь, товарищ Ленин!

– Держи меня в курсе этого дела, Феликс. Желаю и требую успеха!!

Ильич возвратил на место телефонную трубку, встал из-за стола и в холерическом порыве прошёлся по кабинету: от стола к окну и обратно. Ему явно не сиделось на одном месте, даже таком величественном как место председателя Совнаркома. Взяв со стола, из стопки книг, свою любимую книгу немецких народных сказаний о проделках плута и пройдохи Уленшпигеля, Ильич грустно улыбнулся. Он всё чаще с тоской вспоминал свою конспиративную жизнь – жизнь романтическую, до предела заполненную запретными и оттого жгучими и сладостными политическими страстями. Эти страсти проявляли себя в попытках сокрушения тогдашних устоев государства и частных жизней его послушных граждан, в попытках сделать всё наоборот, не так, как угодно официальным властям. Привычка к переустройству общественной жизни, перемене (обновлению) всего вокруг себя, кроме себя самого, привычка играть судьбой – есть неутолимая жажда романтики. Он пытался искать эту романтику в работе председателя Совнаркома, в строительстве чего-то нового: новой экономической политики, новой национальной политики и так далее, но всё чаще из всего этого получалось или хорошо забытое старое, или никчёмная ерунда. Нет, всё это было не то, о чём мечталось, всё это было

неинтересно до скуки зелёной! Манил иной размах, иной масштаб и характер деятельности, тем более что разрушать и низвергать в мире было ещё много чего.

«А там, глядишь, всем миром и дом построим, общий для всех коммунальный дом!» – вспомнив об общем доме, Ильич слегка поморщился. «Нет, „Общий дом“ – это понятие вызывает какие-то негативные ассоциации, оно стоит в общественном сознании в одном ряду с такими понятиями как „Дом призрения“, „Сумасшедший дом“ или „Жёлтый дом“, „Дом терпимости“ или „Публичный дом“. Ещё бы! Ведь история человечества пока не имела положительного опыта строительства таких общих всенародных домов, которые бы соответствовали понятию коммунистического общежития или, попросту, коммуналки! И поэтому все прежние понятия общего дома, „Дома для всех“, рисуют порой в воображении столь мрачную перспективу, чуть ли не Горьковское „ночлежное дно“, даже у такого „Кремлёвского мечтателя“ как я!! Но пусть бездарные символисты-злопыхатели назовут коммунистическое общежитие хоть „Общественной пещерой“, но под моим руководством массы всемирного пролетариата её, образно говоря, в любом самом прочном монолите выдолбить сумеют! Недаром англичане говорят: „Мой дом – моя крепость!“ В нашей наипрочнейшей крепости будут все! Пусть тогда попробует кто-то сказать: „У него не все дома!“ У меня все и всё будет дома!! Такой великой крепости коммунизма никакой осёл, гружённый золотом не страшен! Впрочем, угнетённые массы колониальных стран согласились бы и на мировую хижину на развалинах дворцов. На деле же, первым этажом Всемирного дома коммунизма станет создание Союза Советских Социалистических Республик, которое мы оформим в декабре этого года. А для того, чтобы этот расширяющийся Союз ассоциировался с чем-то прекрасным, провозглашён он будет в Большом театре и, вдобавок, прекрасное здание бывшего Благородного собрания будет названо Домом союзов, хотя там и будет общественный центр профсоюзов СССР. А вот „домами“ империалистов станут могилы и склепы! Лучшими же комнатами нашего дома станут нынешние дома отдыха, курорты и санатории; дома ребёнка; детсады; интернаты и дома престарелых; дома и дворцы пионеров, культуры, спорта, бракосочетания! К лучшим комнатам этого дома можно будет, по праву, отнести пятизвёздочные гостиницы; театры и кинотеатры; цирки и зоопарки; публичные библиотеки; рестораны; универсамы и, разумеется, любой мой кабинет!»

Глава 5

Февраль 1922 года

Рано утром, к складу Гохрана, куда свозилось всё ценное церковное имущество, подъехал серебристый «Роллс-Ройс» и, следом за ним, грузовик, в кузове которого находилось трое «красноармейцев». Из «роллс-ройса» вылезли Серёжка Барин и Яков, а малоприметный шофёр Костя Маленький, на которого и вовсе никто не обратил внимания, остался в машине. Яков был одет в элегантный костюм «тройку», сверху которого было накинуто распахнутое пальто. Голову главаря банды венчала кепка, а ноги были обуты в добротные ботинки. Серёжка Барин же щеголял в потёртой кожаной куртке, перетянутой португеей, галифе защитного цвета, заправленные в истоптанные сапоги, и лихой краснозвёздной фуражке. Сразу было видно, что этот тёртый калач – комиссар, не знающий покоя, тем более что многозначительное выражение его лица и сильно потёртая кобура его маузера указывали на его постоянную и активную заботу о благе народа.

Охранявшая складские помещения рота гепеушников, мигом построившись в шеренги, застыла по стойке смирно. А подбежавший начальник охраны, взяв под козырёк, отрапортовал Якову: – Великий вождь мирового пролетариата и председатель совнаркома товарищ Ленин!!! Охрана конфискованных церковных ценностей очень счастлива приветствовать Вас на нашем революционном посту!!! Наш пост бдительно несёт охрану складских помещений, и конфискованное у врагов имущество находится в полной сохранности! К нашему посту враг и на выстрел не посмел приблизиться!! Наш пост готов к исполнению всех Ваших новых приказов и распоряжений!!! Докладывал Вам начальник охраны комиссар Сапожник.

Яков взобрался в кузов грузовика, и, по-ленински картавя, произнёс речь перед жаждущей его слов, как манны небесной, охраной складских помещений: – Я приветствую вас, дорогие мои соратники по нашей борьбе с международным империализмом, голодом и мракобесием; борьбе за светлое и справедливое будущее – за коммунизм!!! Тяжело нам было здесь, в России, разбить оковы, сковывающие тело трудового народа, такие как царизм и капитализм. Но архиважно разбить ещё и оковы народной души, разбить оковы народного разума, такие как поповщина и чертовщина, а также и боженька! Пресловутого же боженьку следует разбить не только на иконах и крестах, но и в темноте народной души! Китайцам трудно найти даже чёрную кошку в тёмной комнате, особенно когда её там нет, но архитрудно для всех нас найти и уничтожить, воображаемого тёмными массами народа, боженьку в потёмках их душ, тем более что его самого и во всём белом свете днём с огнём не сыщешь, ибо его, в натуре, вовсе нигде нет!!! Да, нет ни на том, ни на этом свете, ни в каких угодно потьмах!! Да и, вообще, чёрт его знает, что он собой представляет в больном воображении каждого из народных масс! Наш-то народ всегда любил ходить туда, неизвестно куда, и приносить то, неизвестно что; вот и нахваталась чёрти чего!! Однако, мы – большевики, всё сможем отыскать и разрушить до основания, нет для нас, батеньки мои, невыполнимых задач!!

Яков пристально оглядел неотёсанные частоколы гепеушников, выстроившихся у его ног, и с пафосом продолжил: – Я убеждён, что вы – бойцы революции, разбившие внешние цепи рабства, поможете тёмным массам разбить оковы глупости их тёмных душ, и переполнить образовавшиеся пустоты этих народных душ светом идей коммунизма!! Я рад очередной раз убедиться в том, что вы делаете это твёрдой профессиональной рукой революционера! Вам ли бояться пачкать свои руки в крови мракобесов?!! Их кровавая глупость не заразна для вас, если твёрдо следовать к своей великой цели и не менять ни цели, ни пути! Настоящему революционеру море крови по колено! Настоящему большевику горы трупов по ...! – Яков сделал весьма красноречивый жест рукой пред фанатичными взорами бойцов. – А любое дело, даже такое,

в котором другим нужны умные, светлые головы, вам и по плечу, и по зубам!! И тем более там, где раскисает слюняйская гнилая интеллигенция, которая вам и в подмётки не годится, вы способны пройти, как нож сквозь масло, как острый штык сквозь нательный крестик! – ободрённый вниманием благодарных слушателей, продолжал вещать Яков. – Конечно, несознательным массам их цепи очень нравятся, тем более что многие из этих цепей, как видите, золотые! – Яков указал рукой на склад с церковными ценностями. – Но, товарищи, золотые цепи – это самые страшные цепи рабства, они не ржавеют от слёз и пота своих жертв, более того, дураки эти цепи жадно берегут, и, потому, эти оковы никогда у них не изнашиваются. Мы же «перекуём» эти цепи во множество полезных вещей! Мы сокрушим последние тюрьмы, где царит рабство души, и массы, навсегда покинув церкви, освободятся затем и изнутри. Вы им в этом поможете, а кто из них нашему делу всю свою душу не отдаст, тот «богу душу отдаст»! В этом состоит долг и честь сознательных масс – солдат мировой революции! Чёрному интернационалу попов, от Красного интернационала рабочих и крестьян: красную смерть на миру! Да здравствует великая революция духа, революция культуры!!!

В ответ на эти слова раздалось громовое: – Ура-а-а-а!!! Да здравствует Ленин!!!...

Переждав бурный всплеск эмоций, Яков сообщил:

– Основной частью церковного золота расплатимся с границей. Это не беда, что международные империалисты вставят там себе золотые зубы вместо своих зубов и клыков, выбитых здесь нами. Когда начнётся мировая пролетарская революция, мы им и золотые зубы выбьем! А пока на конфискованное золото закупим там продукты питания для наших голодающих масс, машины и оборудование для наших заводов и фабрик, и ещё многое другое, что производит наш братский рабочий класс, то есть пролетариат в Англии, Германии, США. Отдадим же капиталистам обратно их жёлтое дерьмо, а возьмём наш рабоче-крестьянский продукт труда. Как говорится, отдай Богу божьи души, кесарю – кесарево сечение, а дьяволу – деньги и золото! Да, всё его золото, кроме наших «золотых рук», «золотых голов», «золотых и пламенных сердец»; кроме наших червонцев и «золотого сечения» наших красных пятиконечных звёзд! – сострил Яков и строго предупредил: – И не забудьте, товарищи, что наиболее ценные произведения искусства – это достояние народа! Мы его сохраним для наших потомков в музее Московского Кремля. Отберите на складе настоящие художественные ценности и погрузите их в этот грузовик, он доставит их по месту назначения. И в дальнейшем поступайте так же! Желаю вам коммунистических успехов в труде! Наша глобальная цель – коммунизм! В него мы точно попадём любыми средствами, используя все виды орудия и оружия! Прицел взят верный!! Салют, товарищи!!! И пусть насмерть подавятся, чёртовы империалисты, своим дерьмовым золотом, ибо жадней эта свора даже царя Мидаса!!! Так-то вот, батеньки!!!

Под неистовый рёв глоток и бешеные аплодисменты прослезившихся от восторга краснозвёздных бойцов, Яков слез с грузовика и, махнув рукой гепеушникам, укатил на «Роллс-Ройсе». А Серёжка Барин, вместе с комиссаром, всё ещё находящимся под оглушительным впечатлением от встречи с «товарищем Лениным», тщательно осмотрел и отобрал наиболее ценные, с его точки зрения, церковные вещи. Рота краснозвёздных ротозеев отнятую у церкви и отобранную «экспертом» золотую церковную утварь, рубины, бриллианты и другие драгоценные камни торжественно погрузила в грузовик. И, под охраной переодетых в красноармейскую форму уголовников, доверху наполненный драгоценностями грузовик, с Серёжкой Бариним и лихим шофёром, покотил своей дорогой. Начальник охраны остался с Серёжиной распиской и поручением дальнейшего отбора подобных ценностей из вновь поступающих, с целью их дальнейшей транспортировки в Кремль этим же грузовиком в следующие его заезды.

Спустя два часа, Держинский, захвативший для инспекции на этот склад, начал разговор по телефону с Ильичом, из кабинета начальника охраны склада. Ильич в это время находился на отдыхе в Горках, но Феликс нашёл нужным побеспокоить главу правительства по поводу «его» распоряжения об отборе и перевозке в Кремль художественных ценностей: лучшего

из всего того ценного, что было экспроприровано у церкви; а также о неизвестной судьбе этого рейса. Во-первых, «Железный Феликс» полагал, что важно «загнать» продажным империалистам (у которых за очень большие деньги можно купить что угодно, даже мировую социалистическую революцию) все ценности без разбора – «всё равно, после мировой социалистической революции всё будет наше, так какого чёрта сортировать?!» А во-вторых, грузовик с церковным золотом и сопровождавшей его охраной уже должен был быть в Кремле, но каким-то мистическим образом, без единого выстрела, пропал в городе, если и не посреди белого дня, то посреди светлого утра.

– Это непременно какие-то поповские фокусы, которые мы непременно разоблачим! Сейчас идут розыски. И будь эта пропажа хоть у Бога за пазухой, или у чёрта на куличках, она будет найдена!! – заверил Феликс.

Удивившись удивлению Ильича по поводу «его» распоряжения, Феликс доложил ему о произошедшем ранним утром. До Ильича дошло, что некто, сыграв его, его же и переиграл! Вторая волна мыслей подсказала отгадку: – Ну, он ещё у меня доиграется, гад: и кошелёк, и жизнь отдаст Яшка – сволочь!!!

От этого восклицания прозрел и Дзержинский:

– Ах, так это та сволочь, что тормознула Вас в январе 19 года, и срулила на одном из Ваших «Роллс-Ройсов», оставив Вас в... на дороге! Этот кошелёк с большой буквы! Лихач стрёмный!!

– А какова его речь в подробном изложении? – поинтересовался Ильич, и, выслушав подробное содержание речи Якова, которое пять минут назад доложил Феликсу восхищённый ею начальник охраны склада, резюмировал: – Ловко оправдал нашу акцию, прохвост!! А как на его речь реагировали эти «ангелы-хранители»?

– Его речь привела их в бурный восторг и страстное воодушевление, которое продолжается и поныне!

– Вот потому-то охранники и не должны знать, что это был подставной балаган. Пусть с восторгом служат делу мировой революции. Пошли в дополнение к ним спецгруппу, и когда мошенники вновь позарятся на складское золото и драгоценные камни, то, на обратном пути, спецгруппа, без лишнего шума, должна захватить их.

– Владимир Ильич, думаю, что не лишним будет об этом балагане не знать и товарищам из ЦК и политбюро, пока этот бандит не будет пойман, дабы никто из них не посмел усомниться во всеилии карающего меча партии и надёжности её щита. А когда поймаем, можно и сообщить им об этом подлеце и его подлости, ибо свершаемая нами кара – наш самый надёжный щит от всякого рода сомнений и искушений, которые, если в души закрадутся, то на многое антипартийное станут способны побуждать! Ублюдки украли у нас золота и драгоценных камней: соборов на пять – шесть, по сравнению с общей массой золота и драгоценных камней изъятых и изымаемых нами из «Божьих дворцов», это незаметно. А если они ещё раз за золотом и камнями туда сунутся (что, скорее всего, не произойдёт, нюхом чую: не такие они глупые звери, чтобы на ловца бежать), то у себя в застенках я их свинцом сполна нагружу, а если и не сунутся – всё равно, рано или поздно, он их догонит. Живыми ли, или мёртвыми, но всех их, даже из-под земли достану! Ни один нигде от чекистов не скроется!!

– Согласен с тобой, Феликс, в том, что незнание об этом балагане пойдёт товарищам из ЦК и политбюро только на пользу, пока «балаганная труппа» не провалилась. Но ты должен не на словах, а на деле, найти и арестовать этих наглецов! Это дело партийной, моей и чекистской чести!!! Да, здесь похищенные драгоценности не столь важны, в конце концов, церковного золота, оставшегося в наших руках, не на одно стадо золотых тельцов может хватить, а драгоценных камней осталось куда больше, чем находится в коронах ещё недобитых нами монархов. Ты чувствуешь, что эти звери не столь глупы, чтобы опять вернуться к складу, а моя интуиция сейчас подсказывает мне, что они достаточно умны, чтобы оставить пустым склад,

и в дураках засаду!! И думаю, что истина лежит здесь не посередине, а на уровне моей интуиции. Так что, на самом деле, свози всю оставшуюся «золотую телятину» и ценные камни в Московский Кремль, здесь легче будет обеспечить их учёт и контроль, и сподручней будет из этого сырья такого «телятню» создать, который всю мировую империалистическую стаю заботит!! – в шуточной форме приказал Ильич, и затем серьёзным тоном добавил: – Но следи, чтобы проходимцы у нас алмазный фонд, Оружейную палату и весь Гохран не спёрли!! За музеями тоже лучше приглядывай, а то за границу загнать весь этот антиквариат не успеем, как сами по миру пойдём с протянутой рукой. А это ныне недопустимо! Кровь из носу и кровь из врагов, а недопустимо! Запомни: германское золото обеспечило нашу Российскую пролетарскую революцию, а золото из России должно обеспечить мировую социалистическую революцию!! Обеспечить наш мир!!! Архиважно, также, из церкви дух вышибить, чтобы от христианской веры, в конце концов, и духа не осталось, ни надежды, ни любви!!! Как, впрочем, и от иной чуждой нашей идеологии «опиумно-сивушной» заморочки! Нужно использовать для этого все средства и силы: репрессии и воинствующий атеизм. Религию мы от государства отделили, а воинствующий атеизм есть политика нашего государства, без государственной поддержки он бессилён! Без нашей поддержки, он – чёрте что, а с поддержкой, он дьявольски силён!! Необходимо, чтобы к десятой годовщине Великого Октября, со смердящим религиозным духом прошлого удалось справиться полностью, на подконтрольной нам территории. Дабы весь мир узнал, что мы – большевики и есть истинные и непобедимые израильтяне, ибо мы всегда боролись с Боженькой, и мы его победили в России!! И он должен быть разгромлен за рубежом окончательно, как кичливый Наполеон!!! Это послужит дополнительным моральным стимулом пролетариям всех стран, как к победе в мировой пролетарской революции, так и к построению на Земле мирового коммунизма, взамен призрачного рая, или слабоумной, идиотской нирваны!!! Ведь даже наш малограмотный Будённый миллионов Будд стоит, ибо он просветлён революционным огнём и «просветил» им не один стоявший на его пути монастырь! Только тогда, когда от Божьих храмов в душах масс не останется камня на камне, только тогда будет построен прочный коммунизм! Да, так вот: наказывать тебя за нынешний промах не буду, ибо, несмотря ни на что, надеюсь, что тебе, в конце концов, удастся их поймать. Да и надеяться-то в этом деле больше не на кого, но постарайся, чтобы эта надежда не умерла вместе с тобой, а сбылась при твоей жизни! Когда же поймаешь всех этих негодяев, разрешу похвастаться перед товарищами, и сам похвалю! Желательно, конечно, чтобы ты их поймал до наступления коммунизма, ибо при коммунизме всё это драгоценное дело просто обесценится! Но если они до коммунизма у нас ещё горы этого драгоценного дерьма нахапают, то я тебя самого, батенька, с обычным дерьмом смешаю! Да, и не забудь о коммуникативных девушках из коммутаторской, ибо разговор-то наш получился «не телефонный», – напомнил Ильич.

– Не забуду! «Светлая память» им обеспечена! – с тенью чертовски чёрного юмора заверил Дзержинский.

– Ну, ладно, хватит рот разевать и уши развешивать, а то золото провороним, и камня на камне не оставят нам от драгоценностей проворные гады! Свози драгметалл и драгкамни в нашу Кремлёвскую цитадель, и лови этот оборзевший криминал! – закончил разговор Ильич.

Тем временем, грузовик с церковными ценностями выехал за пределы города и, немного проехав по лесной дороге, остановился у охотничьего домика. Ценности сгрузили в заранее подготовленный для них погреб домика. Обеспечив себе прочный фундамент, Яков и его молодцы сели за стол, и, по случаю удачного дела, крепко выпили и плотно закусили. Банда основательно залегла на золотое и каменистое дно, и «загудела» словно пчелиный улей. Так «распыляя» драгоценное дно, они и «прогудели» около двух золотых для себя годков. Но, когда уже казалось, что буря ОГПУ их миновала, пришла малява от Анны, о том, что Сарру «замели». «Замели» её в январе 1924 года, и начало года грозило стать концом жизни банды, ибо если развяжут Сарре язык, то он до банды доведёт! А навсегда укоротить ей язык банда

никогда не решалась, поскольку хитра была шельма и высоко летала, могла и мёртвой отомстить: заранее, если что, наводку для ОГПУ в надёжном месте и надёжных руках оставив. Только и была надежда у банды, что все следственные органы Сарра в мудаков сведёт и ночной бабочкой от них упорхнёт.

Глава 6

Август 1922 года

В этот тёплый солнечный денёк Ильич отправился на охоту, ловко ускользнув от своей личной охраны, ибо безумно обожая охоту, он терпеть не мог, чтобы кто-то стал свидетелем его промахов в любых делах и даже развлечениях. Если же удача на охоте ему изредка улыбалась, а охотничий трофей был слишком тяжёл, то охранники, по сообщённым Ильичом координатам, находили его трофей и, торжественно, приносили в усадьбу, к ногам хозяина. Но Ильич посылал часть охраны за своим трофеем и в тех случаях, точнее говоря: закономерностях, когда его трофей был лишь на словах. И охранники, боясь гнева Ильича, за то, что не нашли якобы убитого им медведя, приносили ими убитого медведя, выдавая его за искомый трофей Ильича, а Ильич «милостиво не замечал подмены». Шкуру убитого им медведя Ильич никогда не делил, а забирал себе целиком, как и все иные трофеи, ибо его сильной и цельной натуре любой делёж был «не по нутру», он мог пойти на делёж только под реальной угрозой потери всего. Охрана же получала от хозяйки суровое наказание за недосмотр за Ильичом: с молчаливого согласия хозяина, она посылала горе-охранников не «куда подальше», что было бы раем для них, а в места не столь отдалённые, или весьма отдалённые. Охрана заменялась часто, ибо столь же часто сбегал от своей охраны Ильич – дока в разнообразных видах надувательства даже выдавших виды людей! Дабы сбежать незаметно, он не брал с собой даже верных собак.

«Практика уже многократно подтверждает, что мои побеги со всех сторон выгодней, чем „отправлять в расход“ охранников, если они станут свидетелями моих промахов – это был бы излишний расход, а точнее: не доход казне. Нет, пусть уж лучше они за свои промахи в охранной работе, поработают в концлагерях в качестве зеков, да поучатся охранной работе на примерах тамошней охраны! Пусть учатся, учатся и учатся! Даже если этим профанам потребуется век там жить и век учиться – нет проблем! Потому что долгосрочная и архинадёжная моя охрана – эта та, которая охраняет меня от неблагоприятных масс, находящихся в местах для концентрации всей этой сволочи с гнилым интеллигентским душком и преступной малосознательностью. Ведь к стабильной безопасности мы идём самым недолгим и безопасным путём: тотальным превентивным нападением на наших реальных и потенциальных врагов – это наш лучший шаг к нашей лучшей защите, а затем следует или уничтожение врага на месте, или, что хуже для него, но лучше для нас: его дармовая работа в концлагерях. Красная Армия, военноморской флот, ОГПУ, милиция и концлагеря свою работу знают, они – моя лучшая охрана! А „обложившей“ меня самого охраны мне не надо! Но что подделаешь, если даже лучшая моя охрана бессильна спасти меня от излишней и назойливой заботы вечно паникующей Нади! Она навязывает мне под видом личной охраны своих соглядатаев, как видно, мнит, что на охоту я хожу за деревенскими девками, или боится, что променяю её на более сексапильных, чем она, кикимор или Бабу-Ягу. Надька – безнадёжная дура, понять не может, что в памяти народной я должен оставаться безошибочным вождём, словно непромахивающийся вожак стаи! Массы должны понимать, что мои изречения об ошибках и их исправлениях относятся к ним, а я не выделяю свою гениальную исключительность из правила, лишь из скромности и необычайно требовательного к себе отношения! Свидетелей иного быть не должно, они даже более опасны для государства, чем „Свидетели Иеговы“!! Ну, да ничего! Для меня и личная охрана – не преграда! А уж о какой-либо опасности для меня в лесу и речи быть не может, ибо от своих человекообразных врагов я архизащищён, а никто другой мне и подавно не страшен, ведь нет зверя страшнее, чем человек, и нет человека могущественнее, чем Ульянов-Ленин!! В сравнении со мной, волчья стая – это зайчата лопухие, сосунки безобидные, заячий помёт! Да и вообще: волков бояться – в лес не ходить, смерти бояться – не жить!!» – думал Ильич,

проворной походкой, с ружьём на плече, шагая по чудесному подмосковному лесу. Воздух, наполненный солнечной энергией и запахом хвои, переполнял энергией Ильича, а сказочная красота окружающей природы привела его к мысли о Капри. О, Капри! О, пьянящее море у твоих берегов! Ильич, слегка захмелев от головокружительной сладости воспоминаний «давней выдержки», остановился на зелёной полянке, под раскидистой сосной. Рядом с деревом возвышалась огромная куча муравейника, и казалось, что он кипит, как Тульский самовар, работой сотен тысяч своих обитателей. Ильич, прищурившись, с интересом стал разглядывать это яркое проявление жизненной энергии. Он был политиком, а не мирмекологом, и поэтому взглянул на это явление с общественно-политической точки зрения, но под несколько иным углом, нежели Соломон в Притчах, и совсем не так пессимистично, как пророчествовал Герберт Дж. Уэллс в рассказе «Царство муравьёв».

«Вот из кого эволюция могла бы сотворить идеальное общество людей, будь она чуточку «разборчивей», – с досадой подумал Ильич, и продолжил свои рассуждения вслух перед муравьями, словно речь на митинге перед народом: – Впрочем, муравьи, как видно, более совершенная ступень эволюции в направлении организации работы сообщества, дисциплины и КПД, нежели люди! Муравьи доказали это не на словах, а на делах, а форма муравья оптимально соответствует своему внутреннему содержанию! Активная трудовая жизнь муравьёв генетически обусловлена, и служит всеобщему благу родного муравейника, его процветанию и процветанию окружающей природы. А человек, осознав необходимость, перекладывает её на шею другого человека – ещё не осознавшего необходимости, чтобы не осознавший делал всё необходимое, для удовлетворения потребностей осознавшего. Поэтому-то Спиноза и Маркс с Энгельсом называли необходимость свободой, для осознавших и познавших эту необходимость, и, можно сказать, хомутом для не осознавших. «Божественная» же свобода не для мира сего! А так как бытие определяет не только сознание, или его отсутствие, но и направление эволюционного изменения живых существ, то мы создадим для масс такие условия жизни, что их эволюционное развитие пойдёт в нужном нам направлении. Организовать массы и добиться автоматизации навыков их работы до степени организации и исполнения работы в муравейнике – вот наша наиважнейшая задача! Только такой общественный строй покажет более высокую производительность труда по сравнению с империализмом! Да будет государство-муравейник, основанный на тотальной дисциплине труда! Для достижения этой цели, мной уже было проявлено немало творческой смекалки, и затрачено много сил, и ещё немало предстоит потрудиться, прежде чем движение курсом на коммунизм примет необратимый характер. Труд же, создавший из обезьяны человека, очевидно, не был творческим, а был по обезьяньи подражательным, то есть жалкой и искажённой копией настоящего труда. Иначе говоря, искажённой копией создания идеального человека – человека коммунистической формации, описанного в трудах классиков марксизма-ленинизма! Оттого-то так много недоделок и такое обилие обезьяньих рудиментов во внешнем облике и психике человека! Марксизм-Ленинизм же – это новейшее направление эволюции человечества. Вначале, мы пролетарской революцией создали базу государства-муравейника, защитили и оградил её от напастей извне, а немного погодя, ликвидируем нэпманов и кулачество (кулачным правом сильного), как класс – последний недобитый класс не в меру «сознательных» паразитов. А затем, всепобеждающая логика развития марксистско-ленинской новейшей эволюции, из человека-обезьяны, человека-свиньи и даже «нелюди», создаст человека-муравья, по своему трудовому долгу (трудовой дисциплине) и КПД. И если, в результате новейшей нашей эволюции и социальных экспериментов, человечество и впрямь совсем превратится в рабочих муравьёв, значит облик рабочего муравья – самый идеальный облик жителя коммунизма – жителя, в котором всё прекрасно, и которого по праву можно назвать: чело века коммунизма!! Это несравненно лучше, чем перерождение человечества по пророчеству Г. Уэллса в элоев и морлоков, описанных в его фантастически популярном романе «Машина времени». Наши планы реалистичны, они не сродни

мифу о том, что Зевс создал трудолюбивый народ из муравьёв! И я об заклад готов биться, что жителям города Мирмекий было столь же далеко по КПД до муравьёв, как и до научного коммунизма! А наши планы атеистичны и научны – без преувеличений и, хотя и манят, но без маниловщины!! – продолжал грезить вслух «Великий мечтатель». – А то некоторые вообразили себе жизнь сладкую и твердят: «Семья – это ячейка общества», будто это сотовая ячейка полная мёда, а они сами – только и будут летать с цветка на цветок, как пчёлы, и жрать, как трутни! Это мечты, оторванной от земной жизни, рождённой летать в несбыточных мечтаниях пархатой интеллигенции, на деле распространяющей лишь гнильцу и паразитов! А вот муравьи сами тлю и пасут, и доят, а тлетворного влияния не распространяют. Человек-муравей, это звучит гордо! Трудягу муравья воспели в крылатой басне: Эзоп, Лафонтен и Крылов!!! Но мы не будем соловья баснями кормить, а, засучив рукава, окажем всестороннюю помощь эволюции революционными метаморфозами с человечеством, дабы она не «забуксовала»! О, это будет прогресс хоть куда! А государство – что надо! Воистину, рабочие муравьи напоминают могильщиков империализма, а сам муравейник – его могилу!! А близится время, когда весь Земной шар станет могилой империализма и всеобщим муравейником!! Всемирный муравейник труда непременно будет построен, ибо из всей классификации людей, мы оставим в живых только рабочий класс – от него более короткий эволюционный путь до рабочих муравьёв. Именно рабочих муравьёв, а не муравьёв-рабовладельцев, муравьёв-паразитов, тропических муравьёв сельвы, движущихся голодными ордами, – нет, вся эта мура подлежит истреблению и будет нами истреблена как эксплуататорский класс. Конечно, можно было бы и всех людей уничтожить, чтобы они не мешали истинному челу века – рабочим муравьям жить и трудиться, но это было бы по-свински, надо предоставить, хотя бы рабочим, условия для исправления не могилой, а эволюцией! Рабочему классу не страшны никакие жертвы на этом пути, он всё преодолет. А жертвы неизбежны, они необходимы для естественного и искусственного отбора лучших, и лучших из лучших – тех, кто достоин такой жизни в едином трудовом муравейнике! Нестрашны и необходимы жертвы и этому трудовому муравейнику – прообразу грядущего мирового, чтобы слишком жирно не было, а было всё так, что Великий Лунарий и подвластное ему общество померкли бы в сравнение с ним, как меркнет Луна при восходящем Солнце!!

Отойдя на пару шагов от муравейника, Ильич направил ружьё и, «снайперским выстрелом», поразил дробью, пусть и не левиную, но изрядную долю рабочих муравьёв.

«А ведь, пожалуй, такое идеальное государство у этих насекомых существует только потому, что их царица-матушка „зрит только в корень“ и не суёт свой нос не в свои дела!» – как вспышкой, при выстреле ружья, озарила мысль голову Ильича и тут же погасла.

Главной потребностью каждого члена коммунистического общества станет потребность в общественно полезном труде!!! Непрерывно удовлетворяя эту растущую потребность, мы добьёмся того, что других потребностей у них не останется, ибо и отдых – это переход с одного вида деятельности на другой. Питаться и размножаться они будут не Святым Духом, а Священным Духом Марксизма-Ленинизма, воплощаемого ими в продукты их трудовой деятельности. Этот Универсальный Дух будет и побуждать их к общественно полезной деятельности, и контролировать своевременность принятия пищи, подобно своевременной заправки автомобилей, и следить за исполнением всего их жизненного расписания. Такова великая сила гипнотического внушения этого Духа!!! Мировая социалистическая революция и мировая эволюция масс, вдохновляемые этим Духом, приведут нас к желанной цели!! Это так же точно, как точен мой выстрел!! – словно дробью, «пальнул» словами Ильич, удовлетворённый метким попаданием в муравейник из тульского ружья и тем, что одним выстрелом удалось поразить столько движущихся мишеней, да ещё с расстояния, с которого они кажутся не больше блохи подкованной Левшой. Ильич перезарядил ружьё, и смело вошёл в чашу леса, напевая немудреный куплет: «Эх, мутация, нужна мутация, нужна мутация – для мудаков!» В след ему, из дыры муравейника, как из жерла пробуждающегося вулкана, повалил дым, но запах разгорающегося

пожара подействовал на Ильича ещё более возбуждающе, чем аромат леса. Горячее желание охоты, отнюдь не за грибами, буквально распалило Ильича, и он, как матерый хищник, взял верный след.

«Первобытный инстинкт охотника меня не подвёл, а вывел на крупную цель!!» – чуть было не закричал от радости Ильич, когда послышался треск веток, и метрах в двадцати от него, из речной ложбины показался старый, толстый, грязный кабан. «Теперь бить без промаха на убой!!» – отдал сам себе мысленный приказ Ильич. Сдерживая порывы возбуждённого дыхания, прицелился и, подряд из двух стволов, выпалил по кабану. Две пули, сдуру, угодили в задницу кабану. Кабан, истошно завизжав, бросился, напролом, в лесные дебри. Подбежав к месту его старта, Ильич увидел яркий кровавый след, оставляемый раненым животным. Стремительной летящей походкой, Ильич стал преследовать свою недобитую жертву. Пройдя около часа по кровавому следу, словно по скоростному шоссе, он вышел на большой луг с копной соломы на краю. Сразу за лугом простиралось вдаль скошенное поле, а сбоку от поля, виднелась кособокая деревушка. В густой траве кровавый след плохо просматривался, и Ильич принялся петлять по лугу, пристально вглядываясь в траву-мураву, принохиваясь к искомым следам, и прислушиваясь к дальним шорохам, с обострённым вниманием русской борзой.

– Ты погляди, какая свинья! Хряк паршивый!! – неожиданно услышал он визгливый старушечий крик.

Из-за копны соломы вышла старая, словно живущая со времён царя Гороха, крестьянка в цветастом платке, алом сарафане, в белый горошек, и с граблями в руках.

– Где?! Где хряк?! – воскликнул Ильич, лихорадочно перезаряжая ружьё и быстро вращая головой.

– Да ты же хряк и есть! Чтоб глаза твои бесстыжие повылазили! Куды ты, боров, прёшь?! Всю траву у меня вытоптал окаянный!! Мало того, что большевики – зараза этакая, весь хлебушек отобрали, так теперь и травы нема!!

Ильич побледнел, снял с головы кепку и рукавом куртки стёр с лысины капли пота.

– На башке у тебя пустырь, знать и в башке пусто, вот потому-то ты здесь пустырь и вытоптал! – продолжала браниться старуха.

– Сволочь мелкобуржуазная!! – хрипло прокричал, словно вороном прокаркал, Ильич. – Стрелять и перестрелять всех вас надо!!

Он хотел ещё крепче обосновать свою мысль, но старуха, не слушая его и потрясая граблями, прокричала: – погоди, гад, вот позову мужиков, они тебя навеки утихомячат!!

Ильич похолодел от ужаса, оглянулся по сторонам и, вскинув ружьё, грохнул из правого ствола, словно совершая правое дело, в алый сарафан, в белый горошек. Старуха, охнув, повалилась боком в копну, а горошек её сарафана стал исчезать на глазах, окрашиваясь алой кровью, и, вскоре, весь сарафан приобрёл цвет нынешнего государственного стяга. Ильич, ещё раз оглядевшись, извлёк из своего кармана коробок со спичками и, дрожащими руками, стал поджигать копну. Сухую солому охватило пламя, а Ильич, изредка оглядываясь, поспешил скрыться в чаще леса. Неожиданно, он увидел продолжение, потерянного было, следа кабана. День ещё только разгорался, и, поэтому, удостоверившись, что кровь на земле – это кровавое продолжение его пути-погони, Ильич, с увлечением, продолжил шагать по кровавому следу. Шагал он под «барабанную дробь» отнюдь не «стукачей», а «кузнецов своего счастья» – больших пёстрых дятлов.

Лишь к обеду, свято им чтимому, счастливый охотник возвратился в усадьбу, принеся на своём охотничьем ремне двух отупевших от жира тетеревов, и успокоил Надю:

– Великий вождь мирового пролетариата нигде и никогда не заплутает, а достигнет поставленных целей живым и невредимым!!!

Глава 7

Август 1922 года

В кабинет тихо проскользнула ближайший секретарь Ильича – Лидия Фотиева.

– Владимир Ильич, – раздался её вкрадчиво-лебезящий голосок, – к Вам пришёл посетитель. Товарищ прибыл из Германии, и утверждает, что Вы с ним хорошо знакомы.

Фотиева протянула визитку гостя. Ильич мельком взглянул на фамилию посетителя и оживился:

– Срочно пригласите его войти!!

Через минуту, в кабинет вошёл молодой, тридцати с небольшим лет, мужчина, одетый в серый, мышинового цвета, поношенный костюм. Вошедший был среднего роста, спортивного телосложения, с энергичным блеском глаз на эмоционально-подвижном лице. Тёмно-русые волосы аккуратно подстрижены, косая чёлка скрыла левую половину лба. А над верхней губой рта – эротического вида усики, напоминающие кустик волос над большими половыми губами половозрелой девушки. Быстро пройдя кабинет и приблизившись к Ильичу, мужчина протянул руку. Взгляд его бесцветных глаз выражал немое восхищение.

– Рад нашей встрече, Адольф! Какие новости Вы привезли мне из Германии, батенька? – улыбаясь, спросил Ильич, крепко пожимая протянутую руку.

– Хайль Ленин!!! – выкрикнул Адольф, справившись, наконец-то, с горловой спазмой, вызванной сильным эмоциональным возбуждением от встречи со своим кумиром. – Я прибыл к Вам как к фюреру немецкого рабочего класса, геноссе Ленин!! Я прибыл к Вам за советами и приказами к действию! Я гарантирую их неукоснительное исполнение в Германии!! Ибо Вы – вдохновитель и гарант всех наших побед!!!

Ленин покровительственно обнял Адольфа.

– Передайте немецким товарищам, что я верю в самый передовой и сознательный немецкий рабочий класс!! Только он, не на словах, а на деле, способен создать новый разумный порядок не только в Великой Германии, но и в остальном не столь великом мире!! Именно новый рабочий порядок новой Германии будет служить образцом и базовой основой для создания единой рабочей организации всего мира! В этом я вижу историческую миссию немецкого рабочего класса, в этом его назревающая всемирная гегемония!! И пока мы у власти, а это всерьёз и надолго, мы не допустим, чтобы германские рабочие оставались на задворках истории, куда их затолкала эта паршивая империалистическая свора – Антанта. Договор в Рапалло, Адольф, это только начало нашей помощи вам. Мы окажем вам всестороннюю, в военном отношении, помощь, такую, как подготовка военных кадров и финансирование программ развития Германской военной мощи. Первоочередная задача немецкого рабочего класса: взять всю полноту власти в Германии в свои крепкие руки, наша задача – помочь ему в этом!! Долг ведь платежом красен! Германия помогла нам, большевикам, взять власть в свои руки в октябре 17, мы же поможем Германии освободиться как от внутренних врагов её рабочего класса, так и от внешних врагов. Подчёркиваю, наши цели едины – это установление во всём мире всеобщего социалистического рабочего порядка, порядка – столь присущего порядочной германской душе; это воспитание у всего мира дисциплины свойственной немецкому национальному характеру! Только такой порядок и такая дисциплина явятся прочным оплотом построения мирового коммунизма. И, разумеется, гарантом такого установления, воспитания и построения, станет всемирная гегемония немецкого рабочего класса, как учителя и наставника, как старшего брата для остального рабочего класса всего мира, и как полновластного хозяина над «нерабочими» массами всего мира!!! Активно проводите пропагандистско-агитационную работу среди рабочих, создавайте из наиболее сознательных и крепких – вооружённые рабочие

бригады. Активно привлекайте молодёжь к революционной работе, широко используя юношеский максимализм, бескомпромиссность и бунтующие против буржуазной ханжеской морали агрессивные подсознательные стремления. Создавайте из этих белокурых и бедокурых бестий мобильные ударные отряды штурмовиков, способных пройти, как нож сквозь масло, через мягкотелые массы обывателей и задрипанной интеллигенции, прокладывая нам дорогу к власти. Да и, в конце концов, разве немцы – потомки всепобеждающего Зигфреда и всесокрушающих вандалов – это не нация идеальных солдат?! Плох тот немец, который с детства не мечтал бы быть солдатом с «маршальским жезлом в ранце»! Он его более достоин, чем Бонапартовский солдат! У кого в Германии не забарабанит радостно сердце и не потянется рука к оружию, когда прозвучит призыв к реваншу?! Если таковые немцы и найдутся, то в качестве покойников или совсем разложившейся прослойки интеллигентиков, попов, да среди малой части обитателей «Домов умалишённых». И вправду, кто из германских рабочих, молодёжи, солдат и матросов устоит, чтобы не встать под наши боевые знамёна, когда поймёт, какая великая историческая миссия предназначена немецкому народу?! Никто не устоит! Ибо национальная гордость – это великая объединяющая сила, тем более что проявление этой гордости совпадает и с их материальной заинтересованностью в жизненно важном расширении жизненного пространства нации. Вы победите, Адольф, если будете держаться нашей цели твёрдо и непоколебимо! Победите тех, кто имеет другие цели, или трусливо шатается в идейных направлениях, к каким партиям они бы ни относились. Победите любую болезнь своей партии, если будете регулярно очищать свою партию. Ибо каждая партия будет гнить и распадаться, если не проводить её чисток от всякого мусора, даже если это рабочий мусор, и прочего излишнего балласта, ведь любой жизнеспособный организм, дабы не захиреть, должен выводить из себя отработанный материал – говно. Впрочем, все чуждые нам партии эта процедура уже не спасёт, так как они сами состоят уже сплошь из дерьма! Другое дело – мы с вами!! Я убеждён в победе рабочего класса Германии, залогом этого служит не только наша победа в России, но и то, что Вы окажете победе германского пролетариата закономерную помощь, мой друг! Я чрезвычайно ценю Ваши организаторские способности и ораторское красноречие!!! Я рад, что, следуя моему совету, Вы возглавили национал-социалистическую немецкую рабочую партию Германии, чтобы ввести в заблуждение мировой империализм и нанести ему неожиданные и неотразимые удары!!!

– О, main Gott!!! Я постараюсь оправдать Ваше ко мне отношение и доверие, Genosse Ленин!!! – воскликнул воодушевлённый Адольф. – Я всегда прислушиваюсь к Вашим мудрейшим советам, и следую Вашим гениальным историческим указаниям!!!! Вы – мой внутренний голос, Вы – мой Гений побед!!! Я несказанно счастлив, что имею честь не только слышать Вас, но и видеть, ведь один раз увидеть – лучше, чем сто раз услышать!!! И хотя мы виделись с Вами не один раз, Вы для меня по-прежнему есть ненаглядный образец и неиссякаемый источник мудрости и сил, к которому хочется припадать и припадать – утоляя жажду знаний и уверенности в успехе Великих дел!! Вы – более, чем Один-Вотан-Водан!!! Мне не забыть, как ловко Вы меня проучили в шахматной партии, сыгранной нами в Вене в 1909 году! Ещё бы! Вы ведь способны свергнуть не только всех обычных королей, но, если захотите, то «в два счёта» за шахматной доской свергнуть и шахматного короля – Капабланку!

– Его свергать не буду, ибо моя должность уже несравненно выше, чем его! Пойдёмте-ка, батенька, я угощу Вас настоящим обедом, а не жертвами пешек и фигур! Вы ведь проделали нелёгкий путь, небось, брюхо от голода волком воет, да и устали как собака?! – с отеческой заботой и непосредственностью, предложил Ильич.

– Благодарю Вас за приглашение, Genosse Ленин! Ваше ко мне отношение снимает с меня всяческую усталость, и наполняет кипучей энергией к борьбе с врагами! Я, с волчьим остервенением, готов сожрать с потрохами всех врагов!!!

– Да нет же, батенька, сейчас у нас иная пища для желудка – здесь к столу дерьмо не подают! А это дерьмо, то бишь врагов, мы уничтожим иначе! – скорректировал меню Ильич.

Они прошли в столовую. Прислуга поспешно накрыла стол.

– В знак нашей дружбы, проверенной годами, я привёз Вам Ваше любимое Баварское пиво «Августинерброй», – сказал Адольф.

Ленин поощрительно кивнул головой и, смачно причмокнув губами, произнёс:

– Что великолепно, то великолепно, батенька!

В это время слуги подали к столу Баварское пиво в больших глиняных голландских кружках. Вслед за ними в столовую вошла Крупская. Ленин обратился к ней:

– Узнаёшь гостя, Надюша?!

– Ещё бы! Для кого-то Вы – Шикльгрюбер, для кого-то – Гитлер, а для меня – милейший Адольф Алоисович!!! – воскликнула, обрадованная дорогому гостю, Надежда Константиновна. – Вы для нас самый приятный сюрприз! Вы – наша вера, надежда и любовь!!! Я знаю, что Вы не только прекрасный политический актёр и чудесный писатель, но и гениальный художник, и архитектор, и, надеюсь, что скоро весь мир по достоинству оценит все Ваши художества!!! – с пророческим пафосом, произнесла Надежда Константиновна, и не ошиблась. Уже в 1937 году весь мир созерцал его великое творение в «Гернике». Сам Пабло Пикассо, на вопрос гитлеровского офицера: «Это Ваша работа?», и ткнувшего пальцем в картину «Герника», ответил: «Нет, это ваша работа!» Подтвердив тем самым, что главным автором этой работы был великий «художник», «ваятель» и «архитектор» – Адольф Алоисович (Алоизович) Гитлер.

Польщённый такой высокой оценкой его разносторонних дарований, полученной им от незаурядной Надежды, Адольф вскочил со стула и, галантно пожимая протянутую ему Крупской руку, с пафосом произнёс:

– У меня нет слов, фрау Крупская, чтобы выразить мою к Вам благодарность за предоставленный мне кредит решимости, надежды и любви! Так что я постараюсь выразить Вам эту благодарность своим делом! Обещаю сыграть свою политическую и геополитическую роль достойно Вашего внимания и похвалы! Всем же моим политическим врагам, зубоскалящим по поводу моего внешнего сходства с Чарли Чаплином, я устрою настоящий массовый повальный Сардонический смех, в изначальном значении этого выражения. Они у меня, гады, «посмеются»!!! – искренне и твёрдо пообещал Адольф.

Пожелав мужчинам, чтобы сбылись все их тосты, Крупская вальяжно удалилась в опочивальню, а хмельной запах знаменитого Баварского пива «Августинерброй» уже наполнил столовую до краёв.

Сдув пену, Ильич отхлебнул из кружки, посмаковал ароматную жидкость и, проглотив её вместе с обильной слюной, произнёс:

– Вот лучшее лекарство для революционера! Это эликсир его вечной молодости, источник его жизненных сил, источник его мировоззрения и оптимизма, а, главное, это служит основой и опорой его решительных действий! Эта опора куда качественней и атлантов и Антанты, ибо более могуча, чем все моря и океаны вместе взятые!!! Да, батенька, ведь Баварское пиво, которое, кстати, шнапсом, как кашу маслом, не испортишь – это источник не только Баварской революции и Баварской советской республики, но бери глубже и шире, я бы сказал, что сам Великий джинн мировой революции, как и призрак коммунизма, был выпущен из германской пивной бочки!!! Ты посмотри, сколько настоящих путчистов и революционеров мирового уровня, но отнюдь не мирного, взошло на германских пивных дрожжах, да все!!! Диоген-киник, тот дурак влез в бочку, а мы из неё, можно сказать, вылезли, да ещё как!!! Был бы жив Пушкин, он воспел бы это явление лучше, чем князя Гвидона!!!

«А некоторые думают, что пиво пьют одни лишь сыкуны-трусы. Дураки! Да мы их одной мочой замочим больше, чем это делали: кобыла Гаргантюа, Пантагрюэль и Гулливер!!!» – подумал Адольф, жадно внимая словам Ильича.

А Ильич не утихал:

– А какие великие революционные бури зждутся на 40 градусах и, притаившись в бутылках и стаканах с русской водкой, закипают затем в крови их осушающих! Это тебе не буря в стакане воды, отнюдь нет! Знай себе, хлебай энергию рабоче-крестьянской социалистической революции, в которой без полбанки сам чёрт не разберётся! А если смешать энергию русской водки, созданной великим химиком Менделеевым, с энергией германского пива, то такой ёрш будет покруче всех акул мирового империализма и тех китов, на которых их мир держится!!! Ещё Маркс с Энгельсом в один голос твердили, что человек не пьющий вина, ни на что путное неспособен! А я добавлю, что не пьющие ерша (смеси водки с вином или пивом, а в Германии это смесь шнапса с вином или пивом) неспособны на самое великое: на мировую пролетарскую революцию!!! Неспособны на этот риск и победу, и победу отнюдь не призрачную!!! Да, Адольф, смешение этих сил, этого топлива внутреннего сгорания в народном чреве, даст нам невиданный доселе разгул мировой революции, ибо рванёт, как миллиарды тонн тротила, и запылет Земной шар, как Солнце!!! Можно сказать, что ёрш сделает Великого джинна мировой революции поистине всесильным!!! Эти ершовые силы даже самого робкого мещанина сделают ершистым, да таким, что сам «в бутылку полезет» и любого трезвомыслящего буржуа зубами за горло возьмёт. Ибо это тебе не легкомысленный хмель французского шампанского, который быстро выветрился из продувных голов парижских коммунаров и французского пролетариата, когда дело дошло до настоящих революционных и контрреволюционных бурь и кровавых схваток с надравшейся коньяком французской буржуазией и снюхавшихся с нею прусскими интервентами. Хотя не следует забывать, что французское шампанское (вино), британское (то бишь шотландское и ирландское) виски и немецкое пиво – это три источника и три составные части марксизма, именно их смешение и вылилось у Маркса в данное учение, и стало течением общественно-политической мысли!!! А добавление к этой смеси русской водки, породило учение марксизм-ленинизм в моей голове, коим я столь благополучно для себя разрешился!!! А вот если к этому коктейлю ещё джин добавить, который реально могущественней сказочного джинна из волшебной лампы Аладдина, да напоить им массы, тогда их архисумасшедший азарт борьбы охватит!! Это тебе не квасной патриотизм разыграет в массах, а крепкий революционный интернационализм в душах бродить будет под пролетарско-популярный риторический вопрос: «ты меня уважаешь?!» От такого коктейля, пьяного угара в стократ больше, чем от бренди, а душой не сбрендишь пока пьян!! Ого! Как от этого коктейля кровь в жилах забурлит, а из врагов хлынет! В сравнение с нашим коктейлем, «Кровавая Мэри» грудным молочком покажется! – продолжал откровенничать, спьяну, Ильич. – Вот занюханная интеллигенция лишь для своего удовольствия кокаин нюхает, да опиум курит (но мы-то ей «прикурить» всегда дадим), большевистская же партия сумела партии кокаина и морфия направить на переворот сознания Балтийских матросов, ради Октябрьского переворота! Религиозная же «сивуха» – это помои истории! А героиновый героизм бонвиванов бледнеет в сравнение с бордово-красным пьяным героизмом масс! На борьбу массы поведёт «зелёный змий», соблазнив их яблоком раздора, коим плодоносит геральдическое древо международного империализма, и это древо они обломают и искоренят! Но не следует путать «зелёного змея» с «зелёной феей» – абсентом. Абсент же («нефритовый цветок») пьют и им же ссут унылые радетели чистого, то бишь чистоплюйского искусства – «искусства ради искусства»; а там, им кажется, рукой подать и до чистогана, но мы-то поддадим им коленом под зад!! Ведь нам-то нужен массовый соцреализм!! Боясь революции, Николашка II с 14 года ввёл «сухой закон», но и самогона, вместе с Германским кокаином и морфием, хватило, чтобы всё вылилось в революционные мочилочки!! Я же «сухач» отменять не стал, чтобы сладко было пить, ибо запретный плод сладок, а в купе с нашей идеологией и пропагандой – это самый допинговый коктейль для масс!! А после наших массовых всемирных побед, массы окончательно

подсядут на наш самый сильный наркотик – «Научный коммунизм», и будут в зависимости лишь от него!

Ильич промыл себе глотку большим глотком пива и продолжил разглагольствовать, взахлёб: – Адольф, голубчик, тьфу, ястребок ты мой неистребимый! Помни, что для профессионального пламенного революционера «счастье – это борьба», так говаривал Маркс! Но борьба не классическая (французская, точнее: греко-римская), а борьба самая вольная – драка без правил, где все средства хороши ради победы! Это наше реальное счастье, потому что потрясающе интересна наша неизбежно победная борьба, и потому что особо смачно само предвкушение победы, и потому что, достигнув окончательной победы, революционер перестаёт быть революционером, становясь качественно иным человеком, да и человеком ли вообще?! Ведь настоящим-то человеком может быть лишь настоящий революционер!!! Но и без победы над врагом обойтись нельзя! Я имею в виду окончательную победу над ним. Либо мы его, либо он нас!! Да так, что страшно подумать!! Играть с врагом в кошки-мышки – опасно! Недооценивать врага нельзя! Его слабость может стать его силой! Маркс нас уже предупреждал: «Сила женщины – в её слабости!». А международный империализм – это такая паскудная блядь, это такой опасный трансвестит, который может многих соблазнить, заразить, охмурить и под каблуком держать! Нет, уж лучше Пиррова победа над ним и пир во время чумы, чем тризна по нам, или подкаблучное существование. Этому нас с тобой учит история, а мы преподаём её урок современникам. Кстати говоря, и из классической политической борьбы можно перенять разнообразную массу архиеффективных болевых приёмов! Например, из римской античности не грех перенять массу полезного опыта правления, и кое-какие символы власти (Византийские не в счёт), и символы единения масс. Ведь были там достойные подражания классические примеры приёмов борьбы с врагами, и были достойные лавровых венков победителей, борцы с массой врагов. Нашего внимания достойны не только Август и Траян, но и Гай Юлий Цезарь, и даже Тиберий, Калигула, Нерон, Домициан, Коммод, Каракалла, Элагабал, Максимин II Даза (с которым у тебя есть внешнее сходство) и прочие цезари. Пусть многие из них пали в жестокой борьбе с врагами, но их бесценный опыт борьбы и их ошибки, как и опыт, и ошибки их врагов – вот наш учебник борьбы, учебник власти!!! Желаю тебе достигнуть замечательных успехов в борьбе за наше общее дело, Адольф! Пусть всегда у нас будут в арсенале все средства для успешной борьбы с врагами, и, однажды встав, тысячу лет будет стоять трудовой Третий рейх – прочно и безотказно, как наши с тобой причиндалы!! А когда победим всех реальных врагов, будем, для интереса, бороться с врагами воображаемыми, и да вовеки не иссякнет счастье жизни нашей – её смысл и любовь!! Воистину: майн Готт – майн кампф!! Ты, как и я, рождён для этой великой борьбы, Адольф! Ведь ты такая глыба!! Такой матёрый человечисше!!!

– Товарищ Ленин!! – захмелев от пива и разомлев от тёплых чувств к Ильичу, воскликнул Адольф. – Мой фюрер!! Разрешите, от имени немецкого рабочего класса и от себя лично, Вас поцеловать!!!

– Ну что же, я ведь не восточная девушка, можешь поцеловать, хоть куда! – с усмешкой, промолвил Ильич.

– Спасителю Германии от благодарных германских племён!! – воскликнул Адольф и слил свои уста с устами Ильича.

– Адольф, – выдал из себя Ильич, после смачного поцелуя, – держи не менее тесную связь с Муссолини. Это наш парень, мой лучший итальянский ученик и верный последователь! На Бенито можно и нужно опереться в нашей общей борьбе. Он – настоящий мужик! Неслучайно он сказал: «Вожди должны быть мужчинами, а толпа остаётся женщиной, впечатлительной, падкой на красивые зрелища». Замечательные слова настоящего супермена с колоссальной революционной потенцией, такой любому Казанове и Дон Жуану сто очков вперёд даст! Догонит и ещё даст!! Да, Адольф, мы друг без друга и друг против друга обречены на развал и гибель. Мы вместе – это новый мировой строй масс, дружно шагающих в коммунизм. Мы

должны быть вместе, но на определённом расстоянии, дабы не задевать друг друга в яростной битве с врагом – международным империализмом. Мы должны атаковать врагов все вместе, с разных сторон, окружая и истребляя их. Только так, будучи всегда и во всём заодно, мы достигнем желанной цели – попадём, что называется, прямо в десятку, сжав кольцо окружения врагов и истребив их, и, чуть было, не задушив друг друга, от радости, в дружеских объятиях!!!

Вдохновлённое лицо Ильича вдруг исказилось ностальгической грустью, и он со вздохом, и с горестной интонацией произнёс: – Эх, Адольф, если бы ты только знал, как мне не хватает здесь замечательных германских рабочих и во всём чистоплотных германских крестьян!! Что толкового можно вылепить из этой российской грязи и слякоти?! Лишь скверный российский Голем, да и только!! Эх, Адольф, мой милый Адольф! – завыл Ильич, роняя слёзы из выпученных глаз в свои непромокаемые усы. – Вот тебе горький пример: до нашей революции, здесь, где мы находимся, было имение Рейнбота. Здесь был, в то время, великолепный пруд, в котором разводили превосходных карпов! Здесь было процветающее сельское хозяйство, дающее обильные урожаи! Плоды хозяйствования были налицо, но, к сожалению, отнюдь не наше – не лицо коммунизма, первой или второй стадий развития. И вот решил я, на свою голову, на этой бывшей рейнботовской базе создать образцовую для всей России сельскохозяйственную коммуны, с образцовым коммунистическим трудом – коммунизм в отдельно взятом селе!!! Хотел научить крестьян прогрессивным методам труда! Хотел привить им навыки коллективного хозяйствования! Хотел на практике доказать, что производительность труда коллективных сельских хозяйств, будь то совхозы, или колхозы, намного производительней труда всех куркульских хозяйств вместе взятых. Но, увы, как показала практика – этот чёртовский критерий истины, уровень коллективной жизни крестьянских масс не выше уровня жизни навозных жуков. Разделив между собой, в драке, рейнботовское имущество – всё, до последнего бота, участники новоиспечённой коммуны спокойно засунули руки в карманы свои и чужие, и, что самое обидное, запустили свои руки в государственный карман! На всё это им рук хватило, и до всего этого руки дошли, а вот позаботились ли они о благосостоянии государства Советского?! Как же! Держи карман шире!! Даже латышские рабочие вывезли отсюда в Прибалтику сотни возов рейнботовского добра, вот так за добро злом заплатив. А что с них взять?! От добра добра не ищут! Мы отнесли к ним с добром душевным, а потом глядь: и даже своих добротных штанов не сыскать!! А тем временем, пруд совсем запустили, и он превратился в зловонное болото, и всё хозяйство, можно сказать: засосало в трясины! Увы, это полный экономический и идеологический провал!! Не вышло из моих затей ни преуспевающей сельскохозяйственной коммуны, ни рентабельного совхоза, ни высокосознательных сельхозработников. Этот крах сельскохозяйственной коммуны ещё более глобален, чем крах строительства «Вавилонской башни»!!! И коммуна, и совхоз «Горки» стали образцом бескультурия и бесхозяйственности. Горы хлама и мусора – это могильные холмы моего образцово-показательного идеала! Эти лапотники сами говорят: «Было богатое и благоустроенное имение, а теперь падает всё дело!» Несмотря на все мои старания создать из этого сброда коллектив хозяев, пекущихся о деле, на деле ни хрена, ни редьки не выходит!! Да и российские рабочие в деле развития социалистического самосознания недалеко ушли от крестьян, вот почему мне так хочется послать их куда подальше! Кулаками-то махать они все мастера, особенно во время бунтов и революций, но палец о палец не ударят в деле строительства социализма!! Лишний раз я убедился в том, что без немца нам нельзя и шагу ступить на пути строительства социализма!!! Да-да-да-да-да-да-да-да... – в очередном приступе дадаизма задакал Ильич, раскачиваясь телом вперёд и назад.

– Да-да-да-да-да-да-да-да... – в такт ему поддакивал Адольф.

Так продолжалось битый час! Вдруг Ильич замахнулся тяжёлой пивной кружкой и, багровея в лице, заорал: – У, прусак поганый!

Адольф, от неожиданности, испуганно прикрыл голову руками и оцепенел, а Ильич, с размаху, грохнул кружкой по столу, и, пьяненько хихикая, приподняв кружку, показал пальцем на раздавленного рыжего таракана. И, не переставая хихикать, ухитрился парой ударов кружкой прихлопнуть ещё и пару чёрных тараканов.

– Так вот мы их всех паразитов толстопузых, в сюртуках, фраках, сутанах и прочих их модных шмотках, раздавим! Эти б... буржуи, клерикалы и аристократы думают, что они неистребимы как тараканье племя, но наша мировая революция для них будет куда как похлеще, чем дихлофос для тараканов!!! – исторг из себя злорадный восторг Ильич.

Тут и Адольфа разобрало. Пиво и моча ему в голову ударили и закипели в ней. Вскочил он ногами на стол и стал недобитых тараканов давить, как будто дикий ритуальный танец исполнять перед предстоящей охотой. Глядя на то, как он куролесит, Ильич развеселился: – Посуда бьётся к счастью! – кричит. – А ну, давайте-ка, батенька! Давайте-с! Вот так, вот так, вот так!!! – выкриками и хлопками в ладоши подбадривал он Адольфа.

А у Адольфа изо рта пенная слюна пошла, руки и ноги свастикой заплетаются.

– Ух, аристократы ползучие, клерикалы вонючие, буржуи паскудные!!! – захлёбываясь слюной, орёт Адольф. – Ух, блядское семя, дождётся вы у меня!!!

Летят осколки тарелок, ругань, вой. Струится вонь. Но вот, поскользнувшись на бутерброде, Адольф слетел со стола, вниз головой, на восторженного Ильича, и сразу всё стихло.

Однако Ильич себя видит. Видит, как погожим днём, прихватив с собой ружьишко, смело идёт он по лесной тропе. Вокруг него ни души. Ильич остановился и внимательно огляделся вокруг себя. Вот то самое место, где вчера он прекратил преследование раненого им кабана, соблазнившись более лёгкой добычей. Теперь, обнаруженный им кровавый след кабана, вновь пробудил в крови Ильича азарт преследователя. Ильич, по-кабаньи напролом, преодолевая все препятствия из веток деревьев и кустов, устремился вслед за кабаном. Преследование продолжалось довольно долго. Неожиданно, он увидел под огромным, в семь обхватов, дубом деревянную рубленую избу. Кровавый след вёл в избу. Ильич в недоумении обошёл вокруг неё и прислушался. Стояла гробовая тишина. Он прикладом толкнул закрытую дверь, она со скрипом распахнулась, и на порог, зевая, вышла старуха. Ильич, с изумлением, узнал в ней ту самую старую каргу, которая вчера кричала на него на поляне, и которую он метким выстрелом заставил замолчать, казалось навеки.

– А, старый знакомый к нам пожаловал! – ласково проговорила старуха. – Извини уж, что накричала я давеча на тебя, да старость-то она всем в тягость! Ну, заходи уж, коль принесло тебя.

– Так я, что же, значит, не попал в тебя как следует?! – воскликнул поражённый неожиданной встречей Ильич. – И даже, чёрт побери, не ранил?! – разочарованно протянул он. – Как же это? Неужели померещилось?!

– Да попасть-то, как следует, попал, не переживай! Если не пулей в меня, так сам ко мне! Хоть я и не Надежда твоя, зато я вроде твоей Великой идеи – бессмертна, и меня ни пулей, ни штыком не взять! Разве что Великой любовью! – промолвила она и ехидно захихикала. – Да цела я, цела, как плева девственницы, а там естественные дыры!!! – завизжала старая карга, когда Ильич принялся её ощупывать сверху донизу, пытаясь удостовериться в целостности и неврежденности вредной бабы.

– Ну что, удостоверился, Фома-неверующий?! Пулю-то ты «послал за молоком», но не в мои молочные железы, и не в меня, хотя я – кровь с молоком!! – с самодовольством сказала она, когда Ильич закончил обследование.

Ильич, с досады, сплюнул себе под ноги и вошёл за старухой в избу.

«Уж не метаморфозы ли это?! Не превращение ли старухи в кабана и обратно?! В политике-то оборотней на каждом шагу чёрте сколько! И здесь чёрт знает что!» – подумал он, войдя

в избу и не обнаружив, и не уловив там признаков преследуемой им жертвы – ни кровавых следов, ни её специфического запаха.

В избе пахло целебными травами, было чисто и уютно. Четыре небольших окошка наполняли её светом со всех четырёх сторон. Большая белая печь в углу, а посередине избы стояла деревянная бадья с прозрачной голубой водой. Ильич сел на лавку возле стола и окна, и отёр ладонью пот со лба.

– Кабанчик твой у меня в печи, – молвила старуха, – как поспеет, так я тебе его к столу и предоставлю.

При этих словах, Ильич уловил запах поспевающего блюда, и удовлетворённо кивнул головой, обрадованный тем, что вот теперь-то новоиспечённая жертва его охоты не ускользнёт от него.

– Ладно, скажи, сколько тебе надо за усердие, столько и дам! Казна у меня от этого, надеюсь, не отоцает, – предложил старухе Ильич.

– Да на кой мне деньги?!

– А чего же ты хочешь за услугу?

– Э, да уж мне-то, милок, всего хватает на жизнь! Мне-то многого теперь уже не надо! – проворчала старуха. – А то ведь, если свои желания плодить, да размножать, так они ей-ей до разбитого корыта доведут! Нет уж, дудки, с меня хватит!!

– Вот оно – воплощение идеалов коммунизма!! – с улыбкой, молвил Ильич. – Эх! кабы все были такими сознательными и неприхотливыми, он бы реально, окончательно и бесповоротно воплотился в жизнь масс!!

– О коммунизме не беспокойся, он непременно настанет, – серьёзно глядя в глаза Ильичу, сказала старуха.

– Ого! Да ты, матушка, видать убеждённая коммунистка! – воскликнул Ильич и заливи-сто расхохотался.

Для того, чтобы испытать хозяйку на идейную прочность, Ильич тут же высказал крамольную мысль: – Нет, бабуся, коммунизм – это утопия! Я-то уже в этом убедился на своём горьком опыте! Это такой, матушка, идейный омут, который с головой захватывает, затягивает – за всё хватаешься, хапаешь всё, что под руку попадётся – хапугой становишься, а как практического дерьма хлебнёшь, так и вовсе сам дерьмо-дерьмом становишься! Какой уж там коммунизм?! Уже до его построения весь строительный материал растащили, и совесть абортировали! Эх, не видать мне, видно, коммунизма, как своих ушей!!

– А ты в воду погляди на утопию, мил человек, – предложила старуха, указывая рукой на бадью.

Ильич заглянул в бадью и, вместо своей саркастически ухмыляющейся физиономии, увидел какие-то скопления звёзд. Увидел их столь же ясно, как будто смотрел в небо, в ясный день, со дна глубокого безводного колодца. Звёзды образовали собой различные геометрические фигуры, и плавно перемещались по ним.

– Что это? Астрологический прибор? – спросил Ильич.

– Что бы ни было, ты в воду гляди – сам всё увидишь, – ответила старуха.

Вдруг одна из звёзд вспыхнула ярким белым светом, и тогда все другие зримые звёзды, повинувшись команде своего светофора, плавно изменили своё движение и образовали новые фигуры построения. Свет звезды всё усиливался и, постепенно, на водной поверхности, как на кинополотне, появились картины с изображением того, что называется коммунизмом второй ступени развития. Ильич воочию узрел всеобщее материальное и духовное благополучие масс, при полном отсутствии какой-либо их эксплуатации. Всю эту информацию он прочёл по лицам людей и их внешнему облику, и ухитрившись заглянуть в душу каждого из них – заглянув им в глаза – зеркала их душ.

«Да-а-а-а! Всё это выглядит даже более правдиво, чем работы в духе социалистического реализма в живописи, скульптуре, кинематографе, театре и литературе! Это явно произведение коммунистического реализма!! Похоже, что всё это – чистойшей воды, правда!!! А место, похоже, – похорошевшая Москва!» – подумал Ильич.

Вскоре видение исчезло – как в воду кануло.

– Когда же всё это произойдёт на самом деле? – поинтересовался у бабки Ильич.

– Считай круги на воде, мил человек! – ласково ответила старуха.

Ильич насчитал 500 круговых волн в бадье и сообщил этот результат хозяйке.

– Вот через 500 лет всё это и произойдёт на самом деле, то бишь желанный вами коммунизм наступит, как пить дать! И это отнюдь не вилами на воде писано, и я тебе не заливаю! Это дело отнюдь не пустопорожнее! – принялась объяснять старица. – Но для этого надо изменить у каждого из подавляющей массы людей его внутренний мир, а такие изменения произойдут только при изменении расположения реальных небесных светил в соответствующий этому событию строй, и движении этих реальных небесных светил в соответствующем направлении. Ибо из-за всеобщей взаимосвязи вещей в мире, перестроить свой внутренний мир души самому также трудно, как самому перестроить небесные светила, тут и массы народа пупки надорвать могут и ноги протянуть от таких глобальных масс. Для народных масс хуже попытки такой перестройки звёздной системы своими силами – это невыполнимая задача и невозможная утрата жизней, а символические пятиконечные красные звёзды навечно воссияют лишь на их могильных обелисках. Сама же естественная звёздная перестройка, хотя и не обойдётся без катаклизмов, но до второго всемирного потопа коммунизм ждать не надо. Потоп – он позже настанет, вот тогда-то коммунизм и станет утопией, – поучительно закончила старуха, на которую, похоже, не бывает прорухи.

– Чертовщина какая-то, – заметил Ильич. – А впрочем, о необходимости изменения мира говорил ещё Маркс: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его», – процитировал он основателя научного коммунизма. – Да, поверю своим глазам – коммунизм действительно наступит весомо и основательно, как медведь на ногу или на ухо. Но мы не можем сидеть и ждать, когда полноценный коммунизм (в отличие от первобытного, военного и прочих) придёт и наступит на нас – ожидая его окончательного пришествия, как второго пришествия Иисуса Христа. Нас-то к тому времени из могил никто не вытащит. Мы сами должны массы подогнать, по всем параметрам, под полный коммунизм. «Палеозоологические» находки, типа: «Познай самого себя – и ты познаешь мир», «Измени самого себя – и ты изменишь мир» – это всё допотопная субъективно-идеалистическая болтовня. Познав себя, можно познать только свой внутренний душевный и душный мирок, да его телесную оболочку, а вот изменив всё бытие и окружающий, часто заедающий, быт, мы изменим и себя, и общественное сознание. Диктатура пролетариата и РКП (б) – как руководящая и направляющая сила – вот точка опоры и рычаг, с помощью которых я переверну мир!! Да, батенька, тьфу, бабуся, власть мы взяли в свои руки и удержали её, благодаря краснзвёздному движению масс, но для того, чтобы прочно построить полный коммунизм, тут на звёзды не обопрёшься – Вселенная-то расширяется, ибо звёзды бегут врассыпную. Бегут они с допотопных времён, после Большого, можно сказать революционного, взрыва, словно крысы с тонущего корабля. Ненадёжные и нестабильные они для нас попутчики – сами меняются, почти по Гераклиту, и нам изменяют! А потому, только дисциплина и контроль над ней – призванные регулировать психическую жизнь масс в нужном направлении и удерживать их в рамках коммунизма – вот наши надёжные скалы эпохальной длины, со Сциллами и Харибдами для празднично болтающихся в «океане» перемен. И так, всё зависит от выбранного правящей партией пути и средств реализации её планов. А какое средство наиболее эффективно и поголовно действенно в скорости продвижения масс по указанному партией пути? Так вот, не языком нужно трепать, а кнутом этих шкурников, бичом – по их пустым бараньим головам и тол-

стым свиным задницам, да покрепче!!! Так, чтобы пыль столбом стояла на этой грешной земле, а массы, сломя головы, неслись к плодородной почве коммунизма!! Только так их на пастбище коммунизма загнать можно и пасти там вволю, – вволю выговорился Ильич.

– Да ты бы сам откушал, мил человек, – промолвила старуха, подходя к печи. – А то ведь уже давно жареным пахнет!

– Да ну его к свиньям, кабанчика! – отмахнулся Ильич.

– Ну не хочешь кабанчика, так отведай другого блюда – выбор-то у тебя большой!

– А что там у тебя ещё имеется в наличии? – поинтересовался Ильич.

– Всё, что тебе угодно! Все твои общественно-политические, военные и экономические трофеи. Начнёшь с молочных деток?

Старуха подняла заслонку печи, и у Ильича потекли слюнки от вида и запаха аппетитных подрумяненных младенцев. В животе у него дико заурчало. Проворно подскочив к печи и схватив валявшуюся у печи на полу вилку, Ильич ткнул вилкой в хрустящую корочку первого попавшегося трупа ребёнка и вздрогнул от пронзительного визга: – Ой-ёй-ёй!!! Ай-яй-яй!!! Володя, Володенька – очнись, голубчик!!!

Ильич открыл глаза. Он навзничь лежал на полу, голова его покоилась под сапогами Адольфа. Ильич стряхнул с себя сонное оцепенение и, вместе с ним, обутые в сапоги ноги Адольфа. Крупская помогла Ильичу подняться. Шатаясь, он взглянул на тело Адольфа, распостёртое на полу, животом вниз – задницей вверх. Голову же Адольфа Ильич не увидел – вместо неё было пустое место. Сколько ни вращал Ильич своей умной головой, буйну голову Адольфа он так и не увидел.

«Куда же она, чёрт побери, подевалась? Ни на столе, ни под столом... А ведь этот парень не был безголовым, как многие... В таком бардаке ничего сразу не найдёшь, а голову запросто потеряешь!» – подумал Ильич.

– Надюша, голубушка, пусть прислуга наведёт здесь порядок!

Вскоре прислуга принялась приводить в порядок столовую и Адольфа, светлая голова которого, пробив менее прочный, чем она, пол второго этажа, свисала на длинной шее, вместо люстры, с потолка первого этажа. Пока Адольфа вытаскивали из дыры и ставили на ноги, Ильич поинтересовался: – А который час?

– Половина восьмого утра. Вы же всю ночь бражничали, – ответила Крупская, укоризненно покачивая головой.

– Баварское пиво стоит того, Надюша! Тем более самое лакомое в Германии – «Августинерброй»!!! – хитро улыбнувшись, молвил Ильич.

– Как самочувствие, Адольф? – поинтересовался он у пришедшего в себя кампаньона-компаньона.

– Готов к любым передрягам, геноссе Ленин! – бодро отрапортовал Адольф, вскинув руку в пионерском салюте.

– Ну-с, батенька, рад за Вас! С такой головой Вы любые стены прошибёте, любые препятствия преодолёте! Но пожелаю Вам впредь обходиться без провалов, сколь бы эффектными они ни были.

– Имея такой мощный оплот в Вашем лице, и опираясь на ваши фундаментальные научные знания и гениально-глобальные идеи, я никогда не провалюсь, ибо обещаю Вам идти только дорогой указанной Вами и ни шага в сторону! Провалиться мне на этом месте, если вру!! – поклялся Адольф.

– Молодчина!! Ты не покатишься вниз по наклонной, отнюдь нет! Вверх – к вершинам коммунизма, тебе предстоит идти по трупам врагов, но с нашей помощью и страховкой. Однако и сам будь осторожен, не соблазнишься культурной и цивилизованной мишурой империализма – не угоди собою в пасть врагам. Ибо их культура и цивилизация – это лишь тонкий слой лака на теле тираннозавра, ковырни ногтем – и предстанет животное!!! – предупредил Ильич.

– Когда я слышу слово культура, я хватаюсь за парабеллум! – заверил его Адольф.

– Никогда не выпускай из рук оружия! «Насилие – повивальная бабка истории», – так нас учил Маркс. История ежеминутно творится и рождается в массовых муках на наших глазах, а ты – один из главных перспективных инструментов насилия в моих руках, исторически архиважный инструмент, а отнюдь не архивный!!! – наставительно произнёс Ильич.

– Я польщён Вашей высокой оценкой моей личности, геноссе Ленин, и жажду исполнения всех ваших желаний!!! – встав на вытяжку и щёлкнув каблуками, ответил Адольф.

– В тот же день, идейно подкованный Адольф, отбыл в Германию, исполнять свой революционный долг.

Глава 8

1923 год

– К тебе ходоки припёрлись, Володенька, – просунув голову в приоткрытую дверь кабинета, произнесла Крупская.

Ильич скорчил гримасу отвращения – страшнее противопехотной мины.

– Знаю, знаю, Володенька! Эту шелупонь уже третьи сутки к тебе не пускают, но это такие пройдохи!!! Их в двери, а они в окна! Да ещё возмущаться себе позволяют, негодяи! В прежние времена, дескать, даже к покойникам уважения больше было: на третий день, с почестями, доставляли их туда, куда им положено, а тут – третьи сутки живых людей томят! Уж я их по-хорошему уговорить пыталась, жена легендарного вождя всё же, так что реноме коммунистического великодушия поддерживать должна. «Так ведь народные массы, – говорю, – всегда покойников больше уважали, чем живых людей, и говорили о покойниках либо хорошо, либо ничего! А советская власть мнением народных масс очень дорожит, и потому покойников очень уважает: хоронит всех налево и направо, и во много раз больше, и во много раз быстрее, чем империализм! А вот за такие ваши слова, советская власть вас всех в два счёта схоронит! Почестей вам захотелось?! Вот вас сейчас к памятной стенке поставят и, залпом, из ружей по вам „отсалютуют“! Ну что, вас это устроит?!» А они упёрлись, как ослы, и долдонят: «Хотим, чтобы перед смертью нам Ильич грехи бы отпустил, да исповедовал бы нас, да благословил!!! В него, батюшку, токмо и веруем!!!» Я же им талдычу: «Ильич – это вам не Илья – пророк и не поп какой-нибудь, чтобы грехи вам отпустить. Он вам каждому грехов только добавить может, дабы их количество перешло в коммунистическое качество – в качество твёрдого ленинца!» А они, хоть умри или убей, всё своё твердят: «К батюшке Ленину хотим!!!»

«Это что же, они сюда как в магазин ходят?! Хотят, чтобы я им партию грехов, а то и греховную партию отпустил, как продавец товар отпускает?! Да, пожалуй, ещё и за спасибо?! Нет, ни в коем случае нельзя будет паспортизацию крестьянства проводить, а то они, будто саранча на посевах, в города ринутся! Нет уж, пусть не по городам шныряют, а уровень развития сельхозпроизводства вперёд и вверх продвигают! Даже в нашем родовом имении „Кукушкино“, крестьянам не куковать и не яйца по чужим гнёздам подбрасывать позволялось, а надлежало „золотые яйца“ в господскую корзину класть! Дед мой их на это выдрессировал, и матушка моя им спуску не давала! И я, ей-ей, всё крестьянство крепко-накрепко за яйца возьму!!!» – подумал Ильич, и хотел уже было связаться с Дзержинским и перепоручить ему заботу о ходоках: – Ничего, Феликс быстро этим гулящим ноги поотрывает, да головы пооткру... – начал было Ильич, но тут его внимание привлекло забавное, с его точки зрения, обстоятельство: лучи солнца, проникавшие сквозь окно, освещали голову трофейного оленя, прибитую к стене, но освещали таким образом, что тень от ветвистых рогов отбрасывалась прямо над просунутой в дверь головой Надежды Константиновны.

– Оказывается, что не только любовные трофеи рога наставляют!! – давясь смехом, прокашлял Ильич.

– Что с тобой, Володя?! – удивилась перемене его настроения Крупская.

– Всё нормально, Надюша! Впускай ходоков, чёрт с ними! Только окна прикажи открыть, а то от доходяг, небось, духом прёт как от залежалых покойников, в отличие от ходоков по бабам!! – распорядился Ильич.

Буквально через минуту, проворная прислуга распахнула в кабинете Ильича два окна, и в дверь ввалились три деревенских мужика. Мужики выстроились рядом у стены и, сняв шапки, трижды отвесили Ильичу поясные поклоны.

Благодарим тебя, отец родной, что приютил нас на время у себя, и желаем тебе крепкого здоровья и долгих лет жизни!!! – не трио, а громогласным хором грянула бородатая троица в лаптях, ветхих штанах и рваных телогрейках.

«На термитов-разрушителей они гораздо более похожи, чем на трудяг муравьёв!! И на навозных жуков они гораздо более похожи, чем на разумных людей!» – подумал Ильич.

– Откуда, мужики, и куда путь держите? – поинтересовался он, изображая на лице черты радушного хозяина.

– Из деревни мы «Ленинки», что прежде, от рождения, «Дурновкой» наречена была, Воронежского уезда, – представился седовласый ходок. Двое других, более молодых, утвердительно кивали головами в такт его словам. – А шли вот к товарищу Ленину, за словом и разумением. Уж ты, крестник наш деревенский, подсажи нам, как жить-то теперича. Раньше-то нам всё по херу было, одним словом: Дурновка была, а теперича мы у тебя в крепостных, так оно или нет?! Вот мы к тебе с этим вопросом и пожаловали, уж ты не обессудь, барин, голытьба мы тёмная!!!

– Вот это-то и хорошо, батеньки мои, что голытьба! Недаром ведь говорят: «Гол как сокол» и «Гол, но сокол»!! Достойное сравнение и с пробивным орудием, и с гордой птицей!! А скажите-ка, соколы вы мои, как у вас там с кулаками, да с подкулачниками, да с середняками дела обстоят? – живо поинтересовался Ильич.

– У нас в Дурновке, тьфу, в Ленинке их отродясь не водилось, а вот в соседних сёлах они нам под руку попадают! У них, гадов, всё есть! И поля у них паханы, и животина дородна, и урожай богатые, а им – куркулям, видишь ли, всё мало! Мы-то от добра, добра не ищем, мы-то добро ищем, потому как у нас его нет! А они-то всё потеют над тем, чтобы всё своё добро ещё улучшить, да приумножить!! Смотришь на это безобразие, и аж злоба за душу берёт – когда же подавятся псы?! Совсем уж с жиру сбесились!!! Помещиков-то мы за этакое безобразие попёрли на самом деле, в отличие от сказочного Божьего изгнания из рая Адама и Евы, за и даром нам не нужный плод! Так вот, помещиков-то попёрли, так с кого ж теперь бедноте, да голытьбе добро взять, как не с этих вот шкурников?! От господского-то добра уже ни фиги не осталось, не смогло оно полностью восполнить и заменить причинённого нам господского зла!! Обидно слушать и дразнилку: «обманули дурака, на четыре кулака!!!» Раскулачить всех кулаков надо, дабы не обманывали!!! – «разошёлся» старый ходок, под утвердительные кивки сопутствующих оборванцев.

– Вот, вот!! Верно рассуждаете, батеньки! – ещё больше оживился Ильич, не пытаясь удержать себя от злых шуток, с львиной долей истины, облачённых в форму наставлений: – И в этом деле советская власть для вас опора! В этом деле мы наведём-таки государственный порядок. У нас будет: от каждого – по способностям, каждому – по труду! Вот вы говорите, что кулак и подкулачник-середняк – его подстилка, они трудолюбивы, и способны добро добывать, вот мы их общественно-полезным трудом обеспечивать и будем, а они нас – добром! Ну, а для того, чтобы их любовь к труду не остыла, мы им жару, как следует, зададим!!! Особенно в северных трудовых лагерях!!! Может быть кто-то, по наивности, думает, что принцип социализма не применим к дуракам, дескать, а с дураков чего взять?! Они ведь все, как есть, голытьба! Работа-то дураков любит, а они её – нет, в отличие от умных, которые её любят, а она, не отвечая им взаимностью, спорится в их руках и головах. Но и у дураков, в советском социалистическом государстве, будут свои места! Как известно, руководящие указания может отдавать даже любая обезьяна! Вот мы на руководящие должности дураков и поставим, они-то руками тыкать, махать, да запускать и распускать их, да разводить ими в стороны, одним словом: руководить, умеют! А так как на дураков не обижаются, и они в любой мутной воде руки умоют, то это просто прирождённые идеальные руководители страны!! Так пусть же на руководящих государственных постах они свои способности и проявляют, такой государственно-значимый труд им и по нраву, и по плечу, а не по херу!!! Ведь и в русских народных сказках,

отражающих исторические чаяния народных масс, балда, дурак и лентяй всегда, в конце концов, брал верх над умниками!

Ильич мечтательно прищурился, всмотрелся, вслушался абсолютным музыкальным слухом в недалёкое будущее, и пророчески изрёк: – Мы рождены, чтоб сказку сделать былью! Как говорится, из песни слов не выкинешь! Мы осуществим эту вековую народную мечту. Тем более, что дураков у нас несказанно больше, чем умников, просто-таки изобилие!! Ведь дураков, как известно, не сеют и не жнут, а они сами рождаются. Две беды царской России: дураки и дороги, после Октябрьского переворота станут-таки достоинствами красной России! Дорога у нас одна и самая верная – большевистская дорога в социализм и коммунизм!! С дураками же у умников сладу не будет, а уж дураки-то умников к рукам приберут! У нас ведь, батеньки вы мои, советское государство, после массовой коллективизации сельского хозяйства и индустриализации народного хозяйства, станет гигантской фабрикой, а население – кто наёмными рабочими и работницами, кто принудительными, кто служащими. Кто способен производить материальные и духовные блага, тот будет производить, а кто не способен это делать, тот будет руководить, принуждать, контролировать, распределять, охранять. Администраторы – это наш тип советских рабочих-директоров, которые будут работать не покладая рук: руководить людьми и производством, контролировать и распределять материальные и духовные продукты труда других. Вот работа для болвана! Вот так при социализме и придётся вам поработать, а уж при коммунизме вам – дуракам, всё по херу будет, то есть всё до «лампочки Ильича»!! Так как к тому времени умники настолько усовершенствуются в работе, что станут роботами, по терминологии Карела Чапека, и по привычке, как по программе, сами всё сделают без вашего руководящего контроля! А вам только и останется, что, знай себе, брюхо набивай, да морду кому угодно! Как говорится, «Кончил дело, гуляй смело!» Вот такая вот жизнь для вас советской властью запланирована на долгие годы вперёд!

Выслушав Ильича, старик почесал затылок и не сдержал своего восхищения: – Эге, как оно здорово-то!!! Ни в сказке сказать, ни пером описать!!!

Оробевшие было молодые ходоки, увидев, что их старший товарищ чешется, осмелели и принялись чесаться в разных местах своих тел, отнюдь не для того, чтобы обнаружили татары, а усиленно выгребая занудных вшей.

– Всё это мной и Марксом давно и доходчиво было сказано и написано к радости вашего брата, батеньки мои, и на горе и беду врагам вашим и нашим!! – с усмешкой отреагировал Ильич на детское восхищение старика. – Ну, а молодёжь-то деревенская как себя ведёт? – поинтересовался Ильич.

– Все парни в города попёрли! – буркнул старик.

– Так, хорошее пополнение для классового гегемона и руководящего звена! – с ехидной ухмылкой одобрил Ильич.

– А девки валом валят в городские проститутки, все трассы и тротуары облепили! – дополнил информацию молодой ходок.

– И это замечательно! – в чертовски весёлом настроении воскликнул Ильич. – Работа на панелях и дорогах советской страны – это работа на магистральных, перспективных направлениях развития общества. Это необходимые шаги на пути к коммунизму! Распутные путаны – это ваш авангард, ведомый продвинутой большевичкой Александрой Коллонтай! Но этот авангард отнюдь не устаканится «стаканом воды», и не ограничится бурей в стакане, и в бутылку не полезет! Ибо все советские дороги сойдутся-таки в генеральную линию большевистской партии – путеводную нить клубка, неминуемо катящегося к коммунизму! – заверил ходоков Ильич. – Гордитесь собой и нашей родной большевистской партией, и себя в обиду окольцованным и оперстнённым кулакам, да «золочёным» середнякам (небось, мнящим себя «золотой серединой»), не давайте! Ишь они, какие многояйцевые Фаберже нашлись! Но скоро мы их рабочим молотом огреем, а вы, со своей стороны, серпом им по «золотым» яйцам, да косою

по горлу и по шее, да вилы в бок! Не беспокойтесь, тюремных ходок у вас от этого не будет, тюрьма и сума будет светить сельским буржуа, а нам с них – нужная сумма! Хоть ты – крестьянин, но не будь христианином, и, если кулак ударит тебя по одной щеке, не подставляй другую, а плюнет в глаза, не говори, что божья роса, но постарайся первым его растоптать и оплевать!! Знаю, знаю, это вы умеете! Так что передавайте привет моим деревенским крестникам, да скажите им, что товарищ Ленин непременно их в большие люди выведет! И все они не крепостными, а моими красными боярами станут, на высоких руководящих постах в партии и правительстве, у нас-то даже кухарка сможет управлять государством!

– Ох, спасибо тебе, товарищ Ленин! Не чета ты прежним-то товарищам прокурора, прокурорам и судьям!! Обсудил и рассудил всё в нашу пользу!! Ей-ей спасибо тебе, кормилец ты наш!!! Благодарствуем тебя от лица всей голытьбы Рассеи!!! – наперебой благодарили ходоки. – Вот прими, батюшка, гостинец от нас, не побрезгуй и не обессудь! Для тебя, родимый, старались!!! – с этими словами, старик протянул Ильичу шматок солёного свиного сала – единственное, что он вытащил из засаленной котомки.

– А это что тут торчит? – поинтересовался Ильич, ткнув пальцем в середину шматка.

Старый ходок подслеповато прищурил глаза и, поковыряв ногтями в сала, извлёк из него два передних зуба.

– Ах, мать твою так!! – вскричал старый обормот и пояснил историю находки: – Сальца-то у нас в деревне отродясь не водилось, сами хуже свиней живём, тут не до жиру, быть бы живу! Потому-то мы сальцо это у хохла-кулака из соседнего села для тебя отобрали. Зашли, стало быть, к нему в хату и подарок для тебя, батюшка, требуем. А он визжит как свинья недорезанная и врёт как сивый мерин: «Нет уже ничего! Ничего уже не осталось! Всё ваша советская власть подчистую вымела! Вот только один кусок сала для малых детей и сохранился. Вам отдам – их последних крох жизни лишу». Мы хоть и глупы, но не как сивый мерин, ибо не кастраты, и хер забили на его слова! Но когда я, стало быть, только руку к куску протянул, как кулацкий сын – малец-сорванец, с криком: «Хоть подавлюсь, а не отдам!!», словно кот прыгнул к салу, и ну его в рот себе запихивать! Еле успели мы изловчиться и поймать его, а как поймали, так и бац его по башке, и хрясть ему по зубам, а потом уж и кусок изо рта вырвали. Вот он своими зубами- то в сала и насорил, змеёныш! Ежели не подох ещё, так будет знать, как на советскую власть рот зазевать, да зубы скалить!

– Ну что же, товарищи, благодарю вас за подарок! Трофей, добытый в бою с неприятелем и вырванный прямо из глотки злостного классового врага, имеет особую цену! В гражданскую войну мне мои боевые товарищи дарили отбитые у неприятеля города. О, какой это был чудесный бальзам, пролитый на мои душевные раны!!! Так пусть же этот кусок сала, станет символом наших новых побед над внутренним врагом!!! Верю, что в грядущих широкомасштабных битвах с ним, у нас всё пойдёт как по маслу и даже лучше!!! Нам, чем жирнее, тем лучше!!! Заваренную нами кашу, жиром не испортишь, тем более жиром наших врагов – слопаем, за милую душу!!! – со слезами умиления в голосе, произнёс Ильич, а затем, озорно сверкнув глазами, распорядился: – Ну а теперь, батеньки, ступайте-ка в прихожую, вас там угостят чайком, чтобы вы и впредь во мне души не чаяли!!!

Для ходоков, опьяненных счастьем встречи с Ильичом, и Ленинский чай показался куда лучше привычного самогона!

Глава 9

За пять минут до нового 1924 года, дверь в залу, где вокруг новогодней ёлки была собрана вся детвора близлежащего совхоза «Горки», распахнулась, и перед заспанной детворой предстал Ильич.

– Дедушка Мороз! Дедушка Мороз! Ты подарки нам принёс?! – заверещала вмиг оживившаяся детвора.

Ильич, хитро прищурившись, внимательно разглядывал архизабавную толпу осаждающих его детей, одетых во что попало! В том числе и в то, что попало из вещей под руку их родителям, когда они грабили помещичью усадьбу. И в то, что было этими крестьянами добыто с большой дороги в светлое будущее человечества, по которой пытались удрать от возмездия «Их Светлости», «Их Сиятельства» и многие прочие светские люди, в том числе и многие светлые головы гнилой интеллигенции.

– Дети, поздравляю вас с успешно наступающим, в направлении коммунизма, Новым годом! А ну-ка, грянем Ура-А-А!!! – оглушительно прокричал Ильич.

– Злые морозы приносят детям простуду и сопли, а добрый Дедушка Мороз подарит детям вкусные подарки!!! – что есть мочи, прокричал настырный карапуз.

– Дедушка Мороз! А где подарки?! Давай подарки!!! Давай!!! – наседала на Ильича неугомонная рать.

Проворные детские ручонки сновали по карманам его пиджака, жилетки и брюк. Дотошные следопыты тщательно осматривали Ильича с ног, до головы; обнюхивали, ошупывали, прислушивались к урчанию его пищеварительного тракта.

– Сам, небось, всё сожрал, гад! – с досады закричал вихрастый смышлёныш. – В ОГПУ его надо сдать, там из него всё вытрясут!

– А как звать-то тебя, хлопец? – спросил Ильич у находчивого малыша.

– Петькой кличут, – буркнул задира.

– Так вот, Петька! Так вот, Пашки, Машки, Маруськи и Дуськи!! Всем ребятам и девочкам нужно знать и помнить: раньше новогодняя ёлка изображала райское дерево – древо изобилия, а Дедом Морозом считали Николая Чудотворца и Угодника. А все вместе они были символами бредовой веры в Боженку. Это были и галлюцинации, проистекающие от духовной сивухи или духовного опия!! Потому что выдуманный Бог и святой Дед Мороз настоящие чудеса творить, не способны! Настоящие чудеса под ёлкой творит дедушка Ленин, партия большевиков и советская власть!!! Советская власть – это поистине волшебная власть! Каждый раз под Новый год ждите от неё радостей, подарков и хорошей еды!!! И всё это она предоставит вам на новогодней ёлке с пятиконечной красной звездой, концы которой – это красивые концы вашим бедам и мучениям!! Вот эта ёлка, с «венценосной» звездой коммунизма на макушке – это символ советской власти и проявление её фактического, подлинного благосостояния!!! Сейчас коммунизм для вас не за горами, он здесь – в «Горках»!!! Не верите?! А вот смотрите!!!

Ильич хлопнул в ладоши и, в тот же миг, прислуга втащила два мешка с подарками. Дети прыгали и визжали от радости, как матросы и солдаты революции, после провозглашения большевистских декретов в 1917 году. Из первого мешка прислуга извлекла маски и новогодние костюмы, в которые тут же стали наряжать детей, после чего, те же умелые и щедрые руки стали раздавать детям кусочки сахара и леденцы, извлекаемые из второго мешка. Вкусив сладостей, «зайчики», «лисички», «волки», «медведи» и «птички» стали весело кружить, прыгать и порхать вокруг ёлки. Они выражали такой захватывающий дух восторг, будто из «Горок ленинских» попали прямо на «Американские горки». Особенно умиляли Ильича звучавшие здесь хулигански задорные пионерские песни.

Ровно в полночь, в праздничную залу вошли не сказочные снегурочка и Баба Яга, а Крупская и Фотиева.

– С наступившим Новым годом, который радостно обновит твою жизнь, Володя! – наклонясь к уху Ильича, интимно прошептала Крупская и протянула мужу бокал французского шампанского «Вдова Клико».

Ильич поднял вверх бокал и воскликнул: – Всем шампанского!!!

Расторопная прислуга поспешно принесла в залу несколько ящиков с бутылками французского шампанского и, наполнив им всю находящуюся в здании посуду, раздала её детворе. Головокружительный запах шампанского и звуки блаженного чмоканья десятков ртов наполнили залу. Праздник продолжился с новым азартом. Дети пели, плясали, пили и, со скоростью пробок, вылетающих из бутылок шампанского, носились по зале.

– О таком счастье детства, раньше не смели и мечтать детские сказочники! Братья Grimm, Шарль Перро, Коллоди, Андерсен, Гауф, Гофман, Пушкин – мне видятся их пляшущие тени в этом хороводе, в этом водовороте детского счастья, детской новой жизни!!! А ныне живущим: Киплингу и Чуковскому, такое и не снилось, а если ныне и снится, то в кошмарных снах зависти!!! Выпьем за это новое счастье этих детей Советского Союза!!! – с пафосом, произнесла Фотиева, наливая Ильичу из бутылки шампанское, в его опустевший было бокал. А затем, чокнувшись с ним посудой, не опасаясь, что может «чокнуться» умом, она жадно осушила свой фужер. – Наша жизнь и смерть, наши умы и сердца принадлежат Вам, и нашей партии, и нацелены на глобальный коммунизм!!! За Вас, Владимир Ильич, за нашу партию, за нашу великую цель – мировой коммунизм!!! Это ныне для нас триедино!!! Так выпьем на троих и троекратно, за это славное триединство!!! – добавила она, добавляя шампанского Ильичу, себе и Крупской.

К часу ночи всё шампанское, отданное детям, было выпито ими до дна. Запивая приторно сладкоречивые тосты Фотиевой, окосевшей от шампанского, словно зайчиха, Ильич выпил столько, сколько хотел.

– Берите себе закуску и шмыгайте по домам! – обращаясь к детворе, скомандовал Ильич, начавший уже заметно терять правильную ориентацию в пространстве.

На выходе из залы, из принесённого в тот же миг третьего мешка, каждому ребёнку выдали по одной копчёной или вяленой вобле.

Качающейся походкой, Ильич вышел на балкон. Рядом с усадьбой виднелся одетый в богатое снежное убранство, по-новогоднему «сказочный», лес. И в свете ленинских окон, было хорошо видно, как возле этого чудесного леса происходило более чем сказочное сражение: голодный «заяц» носился за голодным «волком», пытаясь вырвать у него из лап соблазнительную воблу. Одни «лисы» убежали, спасая свою скудную долю от «медведей», другие преследовали «медвежат» поменьше, надеясь полакомиться их горьковато-солонатовой долей. Небольшая «куропатка» лихорадочно поедала рыбу, стараясь унять свой волчий голод и не дразнить ею, уже обглодавших своих рыбин до костей, но не насытившихся, других представителей забавной «фауны». А вот «заяц» и «медведь», плечом к плечу, отбивают атаки разъярённых «снегирей», «синиц» и «журавлей». То там, то здесь возникают водовороты яростных схваток и стремительные потоки бегств.

– Надюша, Надюша, рыбонька моя! Посмотри, голубушка! – обратился Ильич к подошедшей к нему Крупской. – Экая умора, а?! Они же все голодны, как дикие звери, и пьяны, как свиньи!! Смотри, вон те «волки» от «зайцев» прямоком в лес побежали прятаться, да как бегут-то проворно!! На лошадях за ними не угнаться!!

– Сколько это зверьё ни корми, а оно всё равно в лес смотрит! – пробурчала Крупская.

– Такой бег не на каждой охоте увидишь!!! – продолжал восторгаться Ильич. – Так бы взял ружьишко и от души пострелял по ним!! Да и всыпать, как следует, дробью всем этим хулиганам, руки так и чешутся!! Ей-ей подмывает!!! Неси-ка, голубушка, мне ружьё!!!

– Ой, Володенька, не уподобляйся ты императору Коммоду, здесь тебе не солнечная Италия. Зайди-ка лучше в дом, а то, того и гляди, простудишься! Вон ты как от азарта и шампанского на лютый мороз наплевал и начхал, а мороз – эта штука коварная – тебя самого радикулитом подстрелить может! Да ну их, к чертям!!! Днём на охоту сходишь, как проспишься! – убеждала Крупская, раззадорившегося было Ильича, уводя его, под руку, с балкона в дом.

– Эх, когда вернусь с Капри, то под Новый год, по старой Германской традиции, выряжусь злым солдатом Гупрехтом, высеку детвору розгами и соберу в мешок – вот потеха-то и умора будет!!! – размечтался Ильич.

Глава 10

Январь 1924 года

После лютых морозов, выдался-таки в канун «Крещения Господня» погожий денёк в +1 градус тепла, и Ильич счёл это обстоятельство большим плюсом к охоте. Его упрямо, словно волка, влекло в лесные дебри, в жарком предчувствии своей достойной цели. Лыжами наш герой не пользовался, небезосновательно полагая, что в чаще лесной лыжи путались бы в ногах и случались бы лажи в собственных глазах, и с собственным телом. Снега под кроной деревьев было не слишком много, и, привычно обнаружив кабаньей след, Ильич самоуверенной пружинистой походкой начал преследование своей возможной жертвы. В этот раз в поиске ему сопутствовал огромный успех! Очень крупный секач рылся под раскидистым дубом. Приблизившись к кабану на расстояние в двенадцать шагов – пригодное для дуэли на пистолетах между двумя благородными особами, Ильич отдышался, привалился левым плечом к клёну, взвёл курки и поднял ружьё на уровень глаз. Хитро прищурившись, быстро «взял на мушку» кабана, столь же быстро, как опытный рыболов ловит на мотыля гольца, и, нажав на спусковые крючки, грохнул из двух стволов, сам издав при этом дикий ликующий вопль. Пули-дуры вновь попали в зад кабану, как вожжа под хвост коню. Кабан взвизгнул и бросился драпать через кусты. Ильич, не мешкая, погнался следом за ним, пытаясь «повиснуть у него на хвосте», и надеясь, что этот сегодняшний выстрел не станет «псу под хвост»!! Как те, предыдущие, после которых, тот кабан, показав зад Ильичу, удрал от своего преследователя.

Вскоре Ильич выбежал к лесной реке, вода в которой замёрзла до дна. На противоположном берегу реки были хорошо видны следы преследуемого кабана. Торопливо скользя, то на ногах, то на заднице, по льду, Ильич перебрался на тот берег реки. Но заросли кустов на том берегу были гуще и их сопротивление более упорным: сучки, колючки, обломки веток – прямо-таки норовили впиться в глаза Ильича или ободрать его как липку! Прутья, как щупальца гигантских спрутов, пытались опутать Ильича с ног до головы, а он старался проскочить между кустами, с наименьшими для себя потерями и ненужными «приобретениями». И лишь тогда, когда Ильича уже чуть было окончательно не заклинило в зарослях, он решил, что на этом кабана свет клином не сошелся, но для него, Ильича, свет клином может сойтись навсегда в этой дремучей и непролазной чащобе!! Дабы избежать этого, Ильич решил прекратить погоню.

«Придётся возвращаться через заднепроходное отверстие» – с грустью подумал Ильич. И скрепя сердце, и скрипя обломками наста под ногами, повесив за спину ружьё и слегка «повесив» нос, он повернул обратно, сквозь проделанный в его рост проход в кустах. При этом он бросил, с досады, свои перчатки, словно дважды пытаясь вызвать на дуэль своего обидчика – кабана, столь нагло и безответственно показавшего ему зад.

«Увы, так и не удалось мне повторить пятый подвиг Геракла, который загнал в глубокий снег Эриманфского кабана и пленил его! Но может быть, ещё удастся настрелять кентавров?!» – с горькой иронией подумал Ильич. А выйдя вновь на лёд реки, он перешёл на сарказм, помянув и Гераклита: «Эх, Гераклит Эфесский – Гераклит „Тёмный“, знал бы ты, что, не разбив льда, хотя бы палицей Геракла, в ледяную реку вообще не войдёшь, но теперь уже по причине её скованности! Да и входить в такую реку не пожелал бы и „морж“! Это там – в высокоразвитых странах Европы и Америки многое непрестанно течёт своим быстрым чередом, а здесь – в России, многое промёрзло и льдом сковано. Здесь, у многих, жизнь – сплошная сосулька! А вот насчёт огня, Гераклит для нас актуально прав! И выходит, что и черти: Парвус и Троцкий злободневно и надолго правы в том, что мы должны, не страшась потопа, полностью растопить лёд Российской жизни мировым революционным пожаром! И пусть этот

огонь, это полымя горит-полыхает сотни лет, как костры в каменном веке, но несравненно жарче!! Да, мировой перманентный пролетарский революционный пожар растопит даже вечную мерзлоту Российской лени, испарит её через испарину масс, и как реки вливаются в море, так и растаявшие от жарких чувств народы, вольются в океан счастья! А уж я-то научу массы ловить себе рыбу в его мутной воде!! Да такую рыбу, что в сравнение с ней, прежние мечты масс о молочных реках и кисельных берегах им жалкой фигнёй покажутся!!! А первым „ледоколом“, сумевшим расколоть ледяной застой Российской жизни на пути к океану народного счастья, был мой крейсер „Аврора“, с помощью которого мне удалось, и „наколоть“ и расколоть инертные массы! О, моя Аврора-Эос – прекраснейшая богиня утренней зари!! Воистину, ты стала богиней зари новой эры человечества!!! И воистину, античные мифы куда прекрасней и желанней нам – марксистам, чем мифы библейские. Неслучайно, Маркс обожал античную мифологию, и ставил в пример древнегреческую мифологию, как недосыгаемый образец мифотворчества. Мифы же нужны массам как воздух! И только для нас – большевиков, нет ничего невозможного!! Мы не только достигли недосыгаемого прежде образца, но и превзошли его в искусстве своего мифотворчества и в сказочной грандиозности своей архимечты, которую воплотим-таки в ошеломляющую реальность бытия! Наш научный коммунизм – это величайшая научная фантастика, это плод величайшего ума, и истинный плод познания добра и зла! И хотя он не с древа, но то, что мы посеём с его помощью, то мы и пожнём!!! Что же касается библейских рассказов, то они не только опиум, сивуха и утопия. Так переход евреев, ведомых Иисусом Навином, через Иордан, и переход через Иордан Илии и Елисея, как это описано в библии, – ложь чистой воды!! Такая же ложь, как и переход евреев, ведомых Моисеем, через расступившиеся воды Красного моря. Такая же ложь, как хождение Иисуса Христа по водам моря Галилейского как посуху!! Если бы он по Мёртвому морю шёл, так это куда ни шло! Хотя, такие пройдохи, как он, всегда сухими из воды и выходили, но только в переносном смысле. Ну а уж бурные реки революционной жизни масс, тем более никому не по силам остановить, и никто не избежит мокрых дел, не замочив и врага, и по локоть своих рук в его крови!! Зато, какая безбрежная перспектива дел, для наших отморожков и мокрушников!!!»

Ильич не успел пройти и четверти ширины реки, как его голубые мечты были прерваны внезапным появлением перед ним свирепого вепря! Кабан, завершая круговой манёвр, выскочил из-за поворота реки и, перекрыв собой, обратный путь Ильича через уже проделанный проход в чаще кустов, атаковал своего бывшего преследователя, не менее грозно, чем рыцари Тевтонского ордена атаковали «свиньёй» войско Александра Невского!! Ильич не успел воспользоваться ружьём для отражения стремительной атаки противника. Не решился он и на рукопашный бой на льду реки, достойный битве на льду Чудского озера. Не решился он и на такое скользкое дело, как бегство по льду, на своих двоих, от четырёхногого противника с пулями в заднице, пулей несущегося на него. А уж о капитуляции и помиловании не могло быть и речи. Зато в тот же миг, Ильич, сломя голову, прыгнул, как заяц, в гущу прибрежных кустов и ёлок, и с невероятной силой и ловкостью попытался прорваться сквозь них к виднеющимся неподалёку высоким деревьям.

«Смываться надо!» – как вода в сливном бачке, забурлила просторечная мысль в голове Ильича, и эта задняя мысль, которую он своим инстинктивным действием успел было обогнать на старте, вырвалась истошным криком наружу: – Смываться надо!!!

«Но не по реке, и не растекаясь болтливой мыслью по аллегорическому дереву, а мышью или белкою по дереву реальному!!!» – как белка в колесе, завертелась в его голове следующая мысль, успевшая его настичь, но вот и её как ветром сдуло, но «спасительный маяк» был уже замечен.

«Окрутил! Вокруг копыта меня обвёл, подлец!! Ты погляди, какой жуткий вираж заложил, негодяй!! Похлеще „Мёртвой петли“ Нестерова! Похлеще, увы, для меня!! Но нет уж, батенька, мы пойдём другим путём! Нам – напралом, напрямик!! Сверлом, но не в штопор!!» –

вихрем проносились мысли в голове Ильича, когда он, драпая во все лопатки, проявлял весь свой недюжинный талант проходимца, отчаянно протискиваясь сквозь плотные ряды молодой поросли ёлок и кустов. Ветки хлестали его по физиономии, как добропорядочные барышни хлещут по физиономиям нахалов, впрочем, доставалось и телу! Вскоре Ильичу стало казаться, что его пропускают, как провинившегося солдата, сквозь строй, под шпицрутенами. Теперь в голове Ильича рефлекторно бились мысли: «Вот так ёлки-палки!! Вот так ёлки-палки!!... Вот так наколол, гад!!»

Наконец, Ильичу удалось продрасть к более пригодному для бега молодому березняку, и до ближайшей могучей сосны оставалось совсем немного. Петля между берёзками, Ильич рвался к своему «спасительному маяку», не надеясь ни на какие «спасательные соломинки». А кабан нёсся за ним как танк, сбивая и подминая под себя молодую поросль деревьев, и неумолимо настигая беглеца.

«На какого-то ловца и зверь бежит, а тут он – гад, за мной припустил – сам стал ловцом, а меня, как волка, загоняет! Загнанный зверь опасен, да только не я! Я для него не более опасен, чем загнанная лошадь! Хорошо ещё, что впереди меня ждёт спасительная цель, а не засада! А ещё этот Эдька Бернштейн раскаркался: „Движение – всё, конечная цель – ничто“, – побегал бы вместо меня, сволочь, и канул в Лету! Подонок, оппортунист, ревизионист, ворон ошпаннный!» – метались мысли во взмыленной голове Ильича. «Нет, кабан – это отнюдь не „лучшее – враг хорошего“, а мой наихудший архивраг!!!»

Перед высокой сосной, Ильич, в диком отчаянии, проявил завидную сноровку и, в виртуозном прыжке, уцепился за её нижний сук, а с него, «вьюном», взобрался на ветку повыше, и оказался вне досягаемости вепря. Ружьё, в качестве «трофея» сильнейшего, валялось в шести шагах от спасительного для Ильича дерева, на лесном «поле боя». Во время бегства, Ильич ружья не бросил – не до того было, и, колотясь за его спиной, оно лишь подстёгивало его дополнительным стимулом, но перед этим прыжком и ради этого прыжка, ему удалось сбросить его с плеч долой. И вот теперь, Ильич сиротливо переживал его отсутствие у себя и присутствие в недосыгаемой близости, как одноногий калека переживает отсутствие своего костыля, без которого далеко не уйдёшь. То, что кабан не смог бы использовать ружьё против него, будь оно даже заряжено, Ильича отнюдь не успокаивало. Сгоряча, забывшись, Ильич хотел было метать бисер слов перед свиньёй: – Товарищ! – начал он свою речь с импровизированной трибуны, пытаясь найти общий язык с кабаном, но, спохватившись, сплюнул. Но, увы, это был отнюдь не высокомерный плевок, а, всего лишь, слюнявский жест отчаяния! Да, его идеи, овладев массами, становились материальной силой доходившей, порой, до свинства, но смел ли он мечтать, чтобы они обессилили кабана?!

– «Да плевал я на тебя с высокого дерева!» – как говаривают у нас в массах! Тамбовский волк тебе товарищ, а уж такой «важный гусь», как я, свинье, к сожалению, не товарищ и даже не господин!! И шёл бы ты, ко всем свиньям!!! – надрывно простонал, проявляя-таки свободу слова, Ильич.

«Но сколько же времени мне – питомцу имения „Кокушкино“, придётся здесь „прокуковать“?! Увы, карманные часы мне этого заранее не подскажут! Сижу, как гусыня-лебедь на своих яйцах в гнезде. Если это так же долго будет продолжаться, то чёрти что высижу, а яички-то, при этом, полопаются! Ох, нет круче боли, чем боль в паху! Да ещё, не дай Бог, какая-нибудь „свинья“ или свинтус „красного петуха“ пустит по лесу, вот тогда такой же „аппетитный“ вид буду иметь, как и продукты производства крематория! Ох, не хочу я – еретик, Богоугодной свечой запылать! Одна надежда, что зимой лес не запылает, да и то слабая, ибо наш огонь может запылать в любое время года: и кстати и некстати – по законам подлости! В отличие от сошествия святого огня в Иерусалиме, в Кувуклии, на Православную пасху. Но меня-то только истинно-революционное пламя не обжигает, и горю я им – великий грешник, непрестанно, как грешник в аду, но во благо себе и массам! Однако этим пламенем вепря

не испугать, в отличие от моих идейных врагов. Ему-то, тупорылому, и на мировой революционный пожар начхать!!!» – лихорадочно думал Ильич. «Эх-эх-эх!!! Вот даже браунинга у меня при себе нет. И даже охотничьего ножа нет под рукой. Надька где-то всё это припрятала, чтобы на охоту не ходил. Ружьё с патронташем и патронами я отыскал тайком, а оружия ближнего боя найти не удалось, а вот сейчас бы стодился для этой брани бельгийский браунинг. Пуля – она хоть и дура, да дуракам и дуррам частенько везёт, авось и пристрелил бы вепря под собой!» – сгоряча, как сдуру, сам себе мысленно жаловался Ильич, по-бабьи горестно вздыхая. «Надька не могла ружьё, патронташ с патронами, браунинг с боекомплектом и охотничий нож выбросить, ибо хотела сохранить их для истории, как экспонаты боевой славы охотничьих баек об Ильиче, наряду с чучелами убитых якобы мной лесных гигантов. Всё это сохранит, дура набитая, а меня ей-ей потеряет! Ну, что ты тут поделаешь?! На Бога я не надеюсь, а надеюсь, что чёрт не выдаст своего воинствующего безбожника, свинья не съест, и даже кабан-секач не слопаёт! Хотя эти свиньи – что хохлы – живут по принципу: „Если всё не съем, так хоть покусаю-понадкусываю, чтобы другим не досталось!“ А этот гигантский „свинтус“, попадись ему только на клык, от меня и ошмёток не оставит, для истории!!! Но не дождётся он – „Ньютон свинячий“, чтобы я спелым яблоком пал!!!»

Упёршись в ствол сосны руками, и свесив ноги с ветки, как две сопки из носа, Ильич постарался, таким образом, придать своему телу малоаппетитный, и более того: отталкивающий, тошнотворный вид. Отчаянно смердя и портя воздух как можно больше, горе-охотник, с зелёной тоской заключённого, проступившей у него пятнами на белом как мел, от страха, лице (удачно мимикрируя цветом лица с зеленью хвои и шапками снега на ней), наблюдал, со своей колокольни, за поведением кабана. Кабан не был верхоглядом, и принялся коренным образом устранять свои проблемы на пути к желанной цели. Его клыки и пятак обнажали и подрывали корни сосны, на ветке которой сидел Ильич.

– С сосной меня свалить хочет, или с насыпи достать?! Увы, не много мне чести от того факта, что ничего не боятся лишь идиоты, а я вот боюсь! Ну, на кой чёрт, я, как одичавший хохол, погнался за этим диким толстым салом?! Салом, которое всем чертям назло или насмех, но харей страшней, чем плакатное «Чудовище мирового капитала» Вовки Маяковского! А оно нашло во мне крайнего украинца, и давай преследовать, по пятам, приключением на мою, не столь жирную, задницу! До других деревьев мне не достать, будь ты хоть воздушным гимнастом. Видит око, да зуб неймёт и руки коротки!!! – в голос выл и ныл Ильич. – А ещё говорят, что у лжи короткие ноги. У младенца они короткие, да он не лжёт, а истину и правду вещает. А у меня ноги длиннее, чем у кабана, но не столь длинны как у жеребца, и не столь коротки как у зайца, но сколько ни прикидывай, и ни измеряй, а вепря в беге, окончательно и бесповоротно, обставить не смогу, ибо в ногах правды нет! А у меня и в башке её нет, коль ум короток, – вот и влип! Дурная голова ногам покоя не давала, и вот чуть до покойника не довела! Я нещадно эксплуатировал себя и массы на выработку адреналина, вот теперь и расхлёбываю «прибавочную стоимость» этой авантюрной эксплуатации. Эх, надо было брать пример с иудеев и мусульман – не связываться со свиньями! Эх, хотя как этого можно было избежать, когда в обществе сплошные массы этих «тупорылых» – свинья на свинье и свиньёй погоняет! Да и среди иудеев и мусульман свинства с избытком! А ведь я – марксист, других учил: «жить в обществе и быть свободным, от этого общества, нельзя». И многие у меня учились, учились и доучились! А теперь вот я и сам пример явил в подтверждение сих грустных мыслей. А так как свобода для людей есть осознанная и познанная ими необходимость, то та цитата означает ещё и то, что полностью осознать и познать всю необходимость, стоящую перед обществом, нельзя, ибо процесс человеческого познания бесконечен, а любое общество малосознательно и подвержено животным инстинктам! Всякое общество стихийно непредсказуемо – ещё более непредсказуемо, чем природные катаклизмы! Да в гробу я видел такую свободу, как осознанное и задом познанное торчание на сосне! – с велеречивостью велиара, лил Ильич словесный понос, пыта-

ясь заглушить и отбить приступы животного страха. – Ох, как не достаёт мне сейчас революционной или контрреволюционной метаморфозы, той, что превратила бы меня в птицу, или крылатого ангела, или чёрте кого, лишь бы сохранила мне жизнь, сознание и возможность удрать! Эх, кабы мне кабан лишь дрозда задал, а не самого задрал! Я ни «совой», ни «жаворонком», ни «голубем» не был. Не был и «орлом», но и рождённым ползать, тоже не был! Можно сказать, что был я и «буревестником», и «ястребом». А что я представляю собой сейчас?! Помню, что, по восточному гороскопу, я – «лошадь». По зодиакальному – «телец». Согласно друидам, моё дерево – орех. Но, если «конь» я, то «Троянский конь»! А, если «телец», то «Золотой телец»! Но вот «разделают под орех» меня отнюдь не языком, а кабаньими резцами! А всё потому, что я, в сравнении с кабаном, проявил себя, как баран, осёл и лопух! Вот и «получу на орехи», коли не языком, а делом улизнуть не сумею. Не утка же я подсадная, чтобы здесь торчать, и не больничная «утка», чтобы в меня испражнялись все, кому приспичит!! – как мог, старался ободрить себя Ильич. – Что же мне, малодушно повеситься на шарфе и болтаться, как болтался на виселице никчёмный болтун – мой брат Алексашка?! Конечно, повеситься, как Иуда – лучше, чем быть распятым, как Иисус Христос. Но хуже некуда, чем быть «опущенным» и «замоченным» вепрем, как падла! Это не просто «в грязь лицом», здесь не только и кровью не отмоешься от позора, но примешь позорную смерть! Нет, неохота так кончать охоту! Ведь избежать смерти – лучше, чем принять её, какой бы она ни была: красна на миру, черна, бела или грязна... Игорь хоть и рубил сплеча: «Лучше ведь убитым быть, чем пленным быть...», подразумевая Святославское: «Мёртвые срама не имут», но сам сбежал и от смерти, и из плена.... Я тоже не желаю, ни в дураках, ни в мёртвых оставаться! Я пока мыслю, следовательно, пока существую, но большинство немыслящих предметов будут существовать дольше меня, если я не придумаю, как мне сбежать... Как будто на кол меня посадил, гад тупорылый, чтобы я окошел. Неужели, дело – труба?! Нет, дело – ствол, жаль не ружейный, а сосновый! Но лишь бы для меня не стал он деревом яда и смерти – Анчаром! Пусть станет деревом жизни, ибо добро и зло я уже познал, а о хорошей жизни лишь мечтал! – как будто тост изрёк Ильич, стараясь поднять свой дух, вместо бокала. – Я более чем уверен, что это мои дикие предки: человекообразные обезьяны и «первобытные коммунисты», сожрали всех динозавров и мамонтов (Мамонтовы и Мамантовы не в счёт), а меня – величайшего из всех гомосапиенсов, пытается сожрать какой-то дикий кабанишка! Это ли не издевательство истории, не её ли истинная ужасная физиономия, не её ли людоедский оскал?! Это я-то – воинствующий безбожник, безбожно глуп и слаб, даже в борьбе со свинством и свиньёй?! Это ещё как сказать!!! Эх, булыжничком бы «пролетарским», свинье в темечко садануть! Хоть не в каменном мы ныне веке, но «оружие пролетариата» и поныне весьма актуально. Особенно высокоэффективным оно могло бы быть с высоты моей «баррикады»! Патронов-то у меня два десятка, да голыми трясущимися руками нихрена не настреляешь, это всё равно, что «сигареты стрелять» или «стрелять глазами». Отделение от двустволки и браунинга, привело меня, или, по крайней мере, моё тело, к отделению от большевистской партии, и составило мне наихудшую партию с кабаном. Да, отчубучил он, учудил!! Хорошо ещё, что кабан – это не Михаил Топтыгин, или, попросту, Мишка-«Подобный Богу», для евреев-жидов – стреляных воробьёв. Лазать по деревьям он не умеет, но копать мне яму научился. Эх, кабы сам туда и попал безвылазно! И на старуху бывает проруха, рухну на него как несчастье на голову! Всей массой себя и дерева его пришибу! Эх, кабы дерево на него, а я на дереве, а не наоборот!! Нет, падать – это всегда, для высокопоставленного человека, архиплохо, гораздо лучше удержаться! Этой твари на шею не сядешь, и ножки не свесишь!! Из двух стволов его не завалил, а третьим и вовсе промахнуться можно, ибо Бог любит трицу, но не меня, кабану он куда больше шансов на победу дал! О, чёрт побери, куда только девался от страха, мой воинствующий атеизм?! Охота пуще неволи?! Охота сбежать из заточения на сосне, да страх смерти пригвоздил мой зад к сосне, как будто заколотили крышку гроба.... Вот тебе и «желать – лучше, чем обладать», – как бы, ни так!!! Побег из пальца

не высосать, желаемое за действительное не выдать! Кабан – не глупая ворона, своего не упустит!! Неужели, дело – табак?! Не может быть! Я курить-то давно бросил, никакой никотин меня не соблазнит и не убьёт, как лошадь! Я с молодости был молодцом и, бросив курить, стал «строить куры», а позже – ломать империализм и строить путь в социализм, и всё более-менее успешно, без одышки – и ломал, и строил... И что теперь?! Погибнуть в лесу, как пал Иван Сусанин?! Но, скажут: «тот завёл в дебри врагов, а этот – свою страну». Нет, Данте, побывав в аду (не говоря уже о чистилище и рае), прославился на века, и сумрачный лес был ему в этом не помеха. Конечно, только с посторонней и потусторонней помощью он выбрался из передрыг, мне же выпала опора на себя, да на ветку-рычаг. Но я ещё поверну эту ситуацию в свою пользу, и куда быстрее, чем перевернул Россию организацией революционеров... – голос Ильича, то ревел белугой, то – медведем, то выл сиреной, то – по-бабы. Внезапно, словесные излияния прекратились, ибо Ильича кольнула мысль, что кабан понимает его мысли вслух, и способен разобраться с ним по понятиям. На кой же чёрт, продолжать «дразнить гусей»?! Теперь мысли Ильича роились в его голове, не вылетая крылатыми фразами наружу. Но от этого роя ему не становилось сладко, а только жалило и ядом жгло: «Жаль, что я не иллюзионист, как его там, на «Г»? Гудини, кажется, хотя я сам сейчас в полном «г»! А мне хватило бы быть сейчас как Кио, чтобы исчезнуть с кабаньих глаз долой, почище «человека-невидимки»! Или хорошо бы быть не Ильичом, а Ильёй-пророком, и умчаться на огненной колеснице! Или иметь хотя бы его чудесный плащ! Эх, быть бы мне вроде Франциска Ассизского, или святого Сергия Радонежского, или святого Сильверстра и уболтать, и смирить дикого зверя!!! А, иначе, мой конец может стать скорым, дерьмовым и коротким, как хвост этого вепря. Впрочем, можно ожидать и долгого, как его хер, конца! Надо же, какую «козью морду» показал этот подлый «свинтус»!! Волка ноги кормят, а кабан, чем попало питается: всякую падаль жрёт, так что же он ко мне привязался?! Что же я ему – последняя падаль?! Не сказал бы, чтобы мне, как бодливой корове (то бишь быку, мчавшемуся в бой не на красную тряпку, а за красным знаменем), Бог «рогов» не дал. Дать-то дал, да ещё каких!! Да ещё каких «рогов» Надька мне наставила – Моисей бы позавидовал!! А что толку?! Кабана-то ими не забодаешь и не испугаешь! Но, нет!! Падалью я не стану! Не дождётся!! Пусть дерево моё (эта «корабельная сосна») – не «Дерево свободы», воспетое Робертом Бёрнсом. Возможно, это и не «дерево познания добра и зла». Безусловно, что это не моё «родовое древо», и не индийское «древо желаний», и не «мировое древо», и не «Новогоднее древо», и не «Майское древо». Но если это и не «дерево жизни», то и не смертельный для меня «Анчар», а памятник мой нерукотворный!!!»

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.
Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит... —*

как из пушки по воробьям, «пальнул» Ильич Пушкинскими строчками, вспугнув двух синиц, сидевших на макушке дерева. А те, в свою очередь, успели обгадить его – с испугу; но даже эхо не поддержало его поэтический выпад. И тут Ильич вспомнил другие строки у классика:

*«Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолей,*

*Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе, и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный;
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которые также тут,
Зеваючи, жильцов к себе на утро ждут, —
Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...»*

«Впрочем, нет! Меня вся эта „пегасия“ не коснётся, вся эта „евтерпомания“, да „эратомания“ не по мне! Меня другие музы обслуживают – партийные и сочувствующие, и их будет гораздо больше девяти. И даже противно вспоминать тот стих Пушкина, где он малодушно сетует, что его ничтожество за гробом ожидает, то бишь в могиле. Слухи о моей смерти всегда будут слишком преувеличены, как и слухи о моей жизни. Но тело моё примат моей души (сознания), не рассыплется во прах, а останется вечной опорой моей великой души, великого духа и гениальнейшего мышления! Ну, я же не „мыслящий индюк“, чтобы после глубоких раздумий в суп попасть, а в данном случае – в кабаный желудок! Накось дулю выкуси! Моя дуля – его условная доля! – как мог, подбадривал себя Ильич, вновь и вновь. – Меня должны найти, меня должны спасти!!! Я – Великий вождь, а не моська! Меня трудно не заметить, даже тому, кто не замечает, подчас, и слона!! Должны-то, должны спасти от пасти вепря и прочей напасти, но за этой людской холуйской сволочнёй нужен глаз, да глаз и твёрдая рука. Нужен контроль и учёт, нужно, чтобы они учили, что им всем не поздоровится за своеволие и разгильдяйство! Их разгильдяйство, тупость („тупорыльность“) и безответственность, и, в итоге, опоздание, может стоить мне жизни! Но, если я до них доберусь, то это будет стоить им жизни! Свора товарищей моих, мать вашу! Сколько там на часах? Скоро час дня – 13 часов. Что это – „чёртова дюжина“?! „Чёртов час“?! „Час пик“?! „Смертный час“?! А, может быть, „Добрый час“ и „Звёздный час“?! Час-то обеденный, но не для кабана ли?! Клыки обломает!!! Дух мой крепок, а опора тела, отнюдь не „липовая“, вверх вознеслась, и корни пустила вглубь не на словах, а на деле! А кабану такого дела в жизни не провернуть, не сокрушить, не подкопаться... Пусть деревья я не посадил (только врагов), сына не воспитал, дома не построил, а мне этого и не нужно, итак, всё хорошее в стране – моё, а всё плохое выпало на долю моих врагов!! И так будет во всём мироздании! Да, при коммунизме всё будет бесплатно, но это не означает, что за всё заплатит бес, за всё жестоко заплатятся наши враги!!!» – мечтал надеждой окрылённый, но не крылатый Ильич. «Коммунизм – это больше, чем импотенция и фригидность, это нирвана!!! Только отсутствие всяких потребностей и желаний, есть полная мера их удовлетворения в окончательной форме и, по сути!!!» – не хуже Сиддхартхи Гаутамы прозрел Ильич, но закрыл на это глаза, дабы не спутать нирвану со смертью, и, с воодушевлением, запел попури:

*Вставай проклятьем заклеянный
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов...
Вихри враждебные веют над нами,
Тёмные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас ещё судьбы безвестные ждут...
Служил ты не долго, но честно,*

*На благо родимой земли.
И мы – твои братья по делу,
Тебя на кладбище снесли.
Твой враг над тобой не глумился,
Кругом тебя были свои.
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиные очи твои....*

Ах, свинтус треклятый!!! Мало того, что «надул» меня, так ещё и «вздуть» рвётся! Подлая свинья мне могилу харей роет! Но я, словно непоколебимой скульптурой на памятнике своём, удержусь до прихода товарищей! Узнаешь, подлец, на кого попёр! Как говорится, не лезь со своим суконным рылом, да в калашный ряд! Узнаешь почём конфетки, бараночки... и фунт лиха!! Эх ты, чёрт побери! Я своими речами могу массы гипнотизировать, зомбировать и управлять ими. Моё слово значит для масс несравненно больше, чем Слово Господа Бога, а перед кабаном, я сам, как кролик перед удавом! Этого толстокожего ничем не пронять, тут не только словами дрыстать станешь! Вроде бы нахожусь выше него, а такое впечатление, что под ним... – опять упал духом Ильич. – Эх, ма! Неужто без сучка, без задоринки здесь не обойтись?! И соломку стлать тут было бы бестолку... Моих самых мощных рычагов – рычагов власти, увы, нет под рукой!! Как организацией революционеров, я перевернул Россию, так меня теперь вознамерился перевернуть, перекатить и растерзать дикий кабан, своим пятакон и клыками. Это тебе не Чернышевский с его «Что делать?», который меня всего перепахал, этот вепрь меня в безжизненную пустыню способен вытоптать! Я «смазывал» колесо истории кучами Германских и прочих грязных денег, а кабану хватит для этого и своего сопливого неразменного пятака! Да, нет у меня под рукой привычных рычагов воздействия на врагов, но голь на выдумки хитра, и лысые – тоже!! Кабан работает на себя, а время – на меня, и время его осилит! Не он время убьёт, а оно его! Хорошо, что опора моя опять-таки не «липовая»! Нет, убеждаюсь, что это и впрямь моё «дерево жизни», и оно прочнее всякой там «нити жизни», и не только мойрам-паркам, но и троим кабанам, было бы слабо пресечь жизнь мою! Да что там троим кабанам, это было бы слабо и Святой Троице!!! Зато, моя жизнь, более любого «древа смерти» и «леса смерти», чужих жизней пресекла, античным мойрам-паркам на зависть! И с тобой, кабанчик, я разделаюсь за трапезным столом!» – на хрупких крыльях надежды запорхала эта мысль в голове Ильича. Но, вскоре, председатель Совнаркома своим задом почувствовал, как тает и рушится «фундамент» под его ранее незыблемым «столпом». «Дерево жизни» Ильича безнадежно качалось, ещё безнадежней и беспомощней для него, чем будь оно грот-мачтой тонущего корабля, с его персоной на её вершине. Ветка, на которой сидел Ильич, напоминала ему палку-скакалку, подобную тем, на которых деревенские мальцы резвятся-скачут по дворам. Хотя она и была значительно толще тех палок, а оседлавший её Ильич походил вблизи, скорее, на дубину стоеросовую, чем на мальчика-удальца. Правда, сейчас Ильич и предпочёл бы быть несъедобной дубиной, чем съедобным мальцом. Но, равнозначно не пожелал бы он кабану, ни приятного аппетита в поедании вождя мирового пролетариата, ни того, чтобы кабан им подавился. Это дурная голова ногам покоя не даёт, а умная голова Ильича сама находилась в беспокойстве, но попусту ногами не болтала.

«Это моголы и персы увлекались сооружением укрытий на деревьях. На дереве пил вино и писал поэмы поэт Анвари, а мне вот писать-ссать охота, и не бумагу чернилами марать, а самому обмараться придётся! Когда я ухаживал за Инессой Арманд, я сожалел о потере волос на своей голове, и терял голову от любви к страстной брюнетке. А теперь вот кабанья щетина сама к моей голове хочет подобраться и окончательно лишит меня головы!» – печально подумал Ильич, и решил-таки ещё раз попробовать поделиться мыслями и чувствами с кабаном. – Ну что ты прилип, как банный лист к заднице?! Как будто я тебя не пулями в задницу ранил,

а стрелой Купидона в сердце! Жаль, что из-за эволюции я не могу в образе человекообразной обезьяны разобраться с тобой, как самец с самцом, а вынужден в образе и подобии Господа Бога терпеливо взирать с высоты! Но не буди во мне зверя, гад, иначе ты пожалеешь!!! – возвысил голос Ильич, и умолк, едва не захлебнувшись слезами. Кабана же его мольба-угроза не остановила, и уже через несколько минут Ильичу казалось, что палочка-выручалочка-скакалочка, под его задницей, превратилась в необъезженного скакуна! Но он посчитал ниже своего достоинства следовать пословице: «Терпи казак, атаманом будешь!» А осознание того, что руки у него, хотя и не из жопы растут, но отнюдь не лучше мешающих плохому танцору ног; и долго не удержат «поводьев», и не усидеть в «седле», а если и удержишься, то с минуты на минуту «скакун загнанный» падёт, с собой на погибель увлекая – осознание всего этого, вызвало у него панику: – Помогите! Спасите!! SOS!!! – издал пронзительные вопли Ильич, сам себя оглушив. – Э-э-эх! Кому-то жизнь – копейка, а мне смерть «светит» пятаком, да ещё и кабаньим!! Э-э-эх! Я бы этот пятак любому, за любые деньги, в придачу, отдал!!! – малодушно закричал великий вождь. – Да чёрта с два, кто-нибудь здесь пятак этот возьмёт, или разменяет, или поменяет! Зверь-то вон какая глыбы! Какой матёрый кабанище!! Сам любого по лесу разматывает! Хотелось быть орлом, а падать придётся решкой! – с горечью, произнёс он, не добившись ответа на своё воззвание. – Даже то, что он не хватает меня за мой длинный острый язык, – мне, что мёртвому припарка! Нет, про меня не скажешь, что я «ни жив, ни мёртв»! Да, я не ем, не глух, не нем!! «Чому я ни сокил?! Чому ни литаю?!...» – соловьём запел свою «лебединую песнь» Ильич, «накуковывая» себе свои, как видно последние минуты жизни, а в конце песни «пустил петуха»! Но песня отнюдь не окрылила солиста, и «не взяла за душу» кабана. – Эх, мать моя! Да и воробьём мне стать было бы и к месту, и ко времени! – проклюнулась мысль в лысой голове Ильича, с которой свалилась шапка-ушанка, и форма его макушки напоминала тупой конец яйца неспособного к крылатому полёту страуса. И хотя сердце Ильича билось с частотой сердца воробьиного, но крылья его фантазии во всём явно уступали крыльям воробья. И оттого страх капканом сковал и скрючил тело Ильича в три погибели. Раз за разом, его прошибала «медвежья болезнь» и, вдобавок, моченедержание, при котором он, что есть мочи, испускал обильные потоки мочи на «горячую голову» кабана. Кипящие струи мочи и испражнений, не успевающие охладиться в полёте из-за отсутствия мороза, только ещё больше распалили зверя, подвигая его на «мокрое дело» (отнюдь не в евроталете), и на это, часто скупому на слёзы, слюни, сопли и сперму Ильичу, было не наплевать!!

– Кручусь как блядь на шесте! Хоть сквозь землю провалились от стыда! Но ведь не провалишься, не спасёшься! Каким путём теперь не иди – один хер, и выше хера не прыгнешь! Таков он – круговорот ошибок в человеческой природе, который мне боком вышел, и как смерч меня сюда зашвырнул – кому спираль в развитии, а мне – удавка! На сей раз не отвертеться и не отбрыкаться от летального исхода жизни своей. Вот где собака – то зарыта была, и мой гигантский талант – моя гениальность со мной зарыта будет! – воскликнул Ильич, глядя на какие-то выкопанные кабаном кости. Выкопанная же кабаном яма, отнюдь не походила на колодец чистой воды, но и на безвылазную ловушку для вепря она тоже не походила. Как видно, этот землеройный гений оставляет себе выходы из ям. А непокрытая, но воспалённая голова Ильича искала приемлемый для себя выход из данной ситуации. Из ситуации, в которой он мог ходить, но лишь под себя!

«Сначала нужно ввязаться в бой, а там видно будет!» – болтал Наполеон Бонапарт, а я вторил ему и ввязывался. Он жизнь свою кончил скверно, и мне, как жопой чувствую, хана! Как на иголках сижу, и не только сосновых! Вот так приколот меня кабан, словно бабочку коллекционную, чтобы затем наколоть на клыки! А хотел ведь я быть превыше хана Бату, но даже спасительного батута подо мной нет! Ну да ладно, во всём нужно искать положительные моменты. Утопающий хватается за соломинку, а я хотя бы за целый ствол!! – растекался мыслями по древу Ильич. – Сижу на ветке, так пусть уж лучше она будет для меня не скамьёй

подсудимых, не тюремными нарами, а высокой трибуной. Но я не глупая ворона, кабан не хитрая лиса, слово – оно не воробей, но и не кусочек сыра – ущерб от моих слов мне не будет, а душу облегчает, эй становится легче даже находясь в теле. Хотя и жаль, что слова мои его не ранят, не убьют, и даже если клыки и зубы его заговорить не удастся, то обгажу его и словом, и делом с ног до головы и выше! Ну не моська же я, лающая на слона или караван! Отнюдь нет! Слава Богу, что я не Дон Кихот, но чертовски жаль, что я не Геракл, не Ланселот, и даже не вечный жид – Агасфер! А ведь грехов на мне намного больше, чем на бессмертном грешнике Агасфере, но мои грехи – увы, смертные! Да и жадностью я сполна превзошёл и скупого рыцаря и Плюшкина!! Но кабан-то – не свинка-копилка, и даже не детская свинка, хотя и эта свинка может окончиться для взрослого летальным исходом в мир иной. В общем, эта клыкастая тварь для меня отнюдь не подарочек Новогодний! Ну что тут поделаешь, если год свиньи, согласно восточным расчётам, кончается ещё не скоро, и трудно продержаться до той поры, когда эта тварь хозяйничать прекратит и «сюрпризы» устраивать. И даже если у моих полевых калмыцко-ламаистских родичей свинский год уже и прошёл, то в этом «заколдованном» лесу, как видно, законы иные – беспредел, да и только! Да, просчитался я, так просчитался!! Когда германцы следовали своему принципу, что войну выигрывают не генералы, а учителя, тогда они побеждали! Я, вождь и учитель мирового пролетариата, не доучил пролетарских недоучек до мировой революции, ибо из меня такой же толковый учитель и вождь, как и адвокат. Но провал этого грандиозного революционного дела, зияет несопоставимой бездной, по сравнению с моим провалом в адвокатской практике. А теперь вот мне грозит провал могильный или адовый! Эх, судьба моя – индейка, казалось-бы жирная нелетучая, а вон как я «залетел» – хуже глупой бабы! Курам на смех! Не было у бабы заботы, купила баба поросё! Ох, проруха, ты моя проруха – как на глупую старуху! Рухнет жизнь и тело, и оставшееся дело моё, мечты мои и планы! Да, вот так дал мне кабан просрать! Выходит, что я всю жизнь двигался: шаг вперёд, два назад, и всё через зад делал – вот и оказался в жопе, в полном дерьме! Как видно, не далеко ушёл от свиньи, в насмешку, способной стать даже могильщиком марксизма-ленинизма, похоронив его, вместе со мной, в отстойной яме!! Что в этом хорошего?! А я ведь считал: лучше меньше, да лучше, короче: «хорошего помаленьку!» – это ли не лозунг для скорейшего построения полуголодного коммунизма! А вон оно всё как обернулось: оставшееся жизненное дерьмо и зло на меня обрушились, и я в них по уши увяз, влип и напоролся на то, за что не боролся, но чему проиграл всё бездарно, как в картишки, как в рулетку в казино. Даже кабана «нагреть» не сумел, а вот он порвёт меня как Тузик грелку! – мрачно философствовал, будто филин на древе, Ильич. – Вот, блин, какую я вышку, хотя и не по юридическому делу, так за революционное дело получил, – зрел в корень глубокомысленный мудрец, и кабан ему был в этом не помехой, а явным помощником. – А ты хоть и не копилка, а злобы на меня накопил много, а я вот на тебя камня за пазухой не держу, а жаль, ибо рыло твоё кирпичка просит! Да, сердце моё не каменное, ум у меня хотя и философский, но мозг отнюдь не философский камень, и, тем паче, не камень иной. Нет камней и на моих зубах, нет их в желчевом и мочевом пузырях, нет и в почках. Даже выражение лица у меня вряд ли каменное, нет и запора в кишечнике – вот и льёт из меня, как будто на ногах не штаны, а рукава рек, или канализационные трубы, даже сапоги напором сорвало... Вот пришло время разбрасывать камни, то есть бросать их в кабана, ан нет их под рукой!! Не вовремя разбросал и забросал я ими кого ни попадя, под горячую руку, хотя и сам был не без греха. А ведь использовал для своих «снайперских» целей и камни «Вольных каменщиков», а не только пролетарские булыжники. Да и сам я был вроде того камня, который, оторвавшись от горы, сокрушил глиняные ноги колосса-истукана, в видении Даниила. Да, Российского колосса я сокрушил! А что: ломать – не строить, ума много для этого не надо, даже драгоценным быть не обязательно, хотя и без иностранных драгоценностей в этом деле не обошлось. А что толку теперь мне от собранных мной в Кремле поповских драгоценностей?! Кабан на них хер поклат! От них

мне столько же толку, как если бы я унижал пальцы бриллиантовыми перстнями-кастетами, которые не ношу, как и обручальное кольцо, из показной скромности. От бриллиантов-то сейчас даже меньше толку, чем от камней в часах, от которых, с минуты на минуту, кабан «камня на камне» не оставит! Ой, как бы оттянуть время наших с ним «объятий»! Остановкой механических часов здесь не обойтись, а «крыша» у меня поедет, и «башню» мне снесёт в прямых, а не переносных смыслах! Офонареть бы, остолбенеть, не рухнуть, а продержаться как «Падающая башня» в Пизе, как «качающийся столб» в Армении, как качающиеся минареты в Исфахане!!! Но, это лишь благие пожелания, коими вымощена моя дорога в ад, через топи моих дел. То в жар, то в холод меня бросает. Ума ни приложу: с чего начать? Что делать? Кто виноват? В политике для меня такие вопросы решать, что семечки щелкать, – плёвое дело! А тут думай, ни думай, но опять-таки вспоминаю о том, что индюк тоже думал, да как кур в ошип попал, а затем и в суп! А индюку-то, в моей ситуации, было бы проще «слинять»! Зато мне, увы, ясно, что будет и, увы, скоро, а потом – хоть трава не расти, итак, всё больём порастёт и небылицами. Плехаш называл меня гением упрощенчества, но что поделаешь, если истина всегда конкретна. Вот я конкретно и влип в передрыгу, конкретно попал в переплёт!! Увы, стрелка тут нет, а стрелочник тут вряд ли поможет – кабан не так глуп, как пролетарий: на подставу не клюнет, и «за двумя зайцами» не побежит. Видит, башковитый, кто есть кто и как решить проблему. Вопрос: быть мне или не быть? – решит, увы, кабан. Сколько раз и кто только ни пытался мне свинью подложить – не на одно стадо хватило бы, но с такой наглой доселе сталкиваться не приходилось! Эх, если бы, при этом, сбылось моё загаданное желание о спасении! Однако, нет сомнения, что эта свинья сама под себя любого льва положит! А может быть её кто-то на меня натравил, как травят собаками лис?! Она: и жирная приманка, и оборзевшая гончая, и беспощадный людоед – в общем, тварь, которая и из-под земли достанет! Говорят, что на победителях раны заживают быстрее, чем на побеждённых, и намного быстрее!! Толстокожий, толстосалый, толстозадый вепрь в жопу ранен, а ни кровинки своей не пролил, говнистая сволочь, зато мою кровь пролить хочет, и ничего другого ему от меня не нужно. Ну что за свинство?! Кошмар! Алкоголя бы мне, для храбрости, испить, моча-то как от пива льёт, а смелости не достаёт. Алкоголь был бы для меня, словно горючее для автомобиля или для самолёта! Без него я могу лишь слететь – полететь вниз вверх тормашками, а вот обогнать вепря без него духу не хватает. Ну, а если ещё и напиться, как свинья, так и вовсе никакой кабан страшен не будет! Будет и море по колено, и кабан по херу! Эх, отложил бы он свою месть на потом, ведь это блюдо вкуснее холодное, а пока оно горячо даже зимой. А там, чем чёрт не шутит, сам попал бы в холодец этот «молодец»! Возможно, поэтому он не рискует, и готов сожрать меня с потрохами, даже с горячей мстью в придачу! Ох да ох, эх да эх!! Это ведь надо же, народные массы у меня были на побегушках по всей огромной стране, а в этом проклятом лесу гадкий кабанище устроил мне позорные догонялки, словно я пацан сопливый, и у меня молоко на губах не обсохло и штанишки не высохли! А может здесь иная игра?! Неужели мне уготована роль Соловья-разбойника, а кабану – Ильи Муромца?! Сказка – ложь с намёком, а моя жизнь – пародия на народную русскую сказку и народные чаяния! Эх, как я растекался мыслью по древу в своих сочинениях, пытаюсь убедить даже «дубов» в правоте марксизма-ленинизма, если бы не это растекание мыслей и стечение обстоятельств, то суть всех моих разбухших сочинений уместилась бы в один томик-гномик, точнее: томик-троллик! Всё как назло! А злобная мощь кабана не в одну лошадиную силу! Такая мощь рытья поспорит с экскаватором! И вечную мерзлоту он разнёс бы в пух и прах! Несбыточным было бы здесь пожелание: «ни пуха ни пера!» Наверное, этому вепрю лишь «гранит науки» будет не по зубам, а обычный гранит он в два счёта сокрушит, под его резцами и алмаз не устоит. А мне вот и от нагрызенного «гранита науки» пользы не больше, чем от шлаков в моём организме. От обычной пыли было бы больше пользы, кабы её кабану в глаза пустить, но даже снежной на ветках сосны не осталось, а на ту, словесную, которую я пытался было пустить, ему начхать. Что же касается отходов моей жиз-

недеятельности, то это отнюдь не «песок из задницы» и не чистый фонтан, как у «Писающего мальчика» в Брюсселе, чем лучше продукты моей жизнедеятельности, тем хуже её отходы. А, возможно, организм мой распадается с выделением большого количества мыслительной энергии, мочи и дерьма. С кабана же – самой опасной для меня «торжествующей свиньи», мои слова, моча и дерьмо – как с гуся вода! Я одну яму залил, а он ещё две глубокие вырыл, и четвёртую без устали роет. Как ни крутись, а, чтобы утопить его, у меня отходов не хватит. Даже если бы, вдобавок, все слова мои стали поносными и дерьмовыми, а не, как обычно, серебряными и золотыми, и я, так или иначе, весь дерьмом изошёл, то и тогда бы меня на него не хватило. Я ведь, в этом смысле, не неисчерпаем, хотя и состою из немалого количества атомов, но не могу я изливать не убывая, подобно святым мироточивым иконам и мощам. А источника питания я здесь не имею, не грызть же ветку, на которой сидишь, и не самоедством же заниматься; сок (смолу) сосны не отсосать и её духом сыт не будешь, как и большевистским и свинным, а Святой Дух меня за версту обходит, после того как ему от меня досталось!!! Известно, что лучшее – враг хорошего, а вот кабан для меня, это отнюдь не лучший и не хороший враг, а имеющий большие шансы стать наихудшим из всех моих заклятых и смертельных врагов. Ой, не наступает у меня, пока, душевного умиротворения и не возрастает сила духа моего, а бойцовского характера не хватает даже на то, чтобы петушиться и зычно горланить. Небо мне с овчинку кажется, и, хотя, если приглядеться, оно безоблачное, но моё положение безоблачным не назовёшь – «тучи сгущаются» над моей головой! А, впрочем, ещё не вечер! Ещё не всё потеряно! «Всё хорошо, прекрасная маркиза! Всё хорошо, всё хорошо!!» – прозвучала в голове Ильича слуховая галлюцинация, и тут же ему показалось, что кабан нахрюкивает «интернационал»: «Весь мир насилья мы разруем до основания...». «Подкузьмил мне, «Кузьмич» свинячий, и ещё издевается!» – чуть было не поверил Ильич обману органов чувств, но уверовал в другую, пришедшую в голову мысль: «Нет, батеньки мои, это всё же не соратник-большевик, метящий на моё место, которое не меня красит, а я его, как петух насест, обгаживаю! А это, скорее, чёртов привратник, открывающий врата в преисподнюю! Хоть фигурально выражаясь, хоть матерно, но, по сути, так оно и есть».

Высоко в небе закружил и закаркал ворон.

В цейтноте Ленинской жизни после того, как сосна «пошла ходуном», у Ильича немели руки, ноги, спина, но голова, зад и «перед», и вправду, работали очень активно. Результаты активности нижней части тела не могла перекрыть или снизить и толстая ветка между ног. Язык и уста Ильича рекли быстро, всё быстрее и быстрее – перейдя на скороговорку и отводя душу, «ушедшую было в пятки», и как на духу. Ему хотелось быстрее облегчить душу, и не столько поносными словами, сколь изрыгая мучительную и горькую для себя правду. А после сигналов ворона, как последнего звонка на тот свет, язык и уста Ильича и вовсе стали изрекать столь же быстро, как некогда уста Мухаммеда перед престолом Аллаха. Не пустыми фразами пытался прикрыться Ильич, и не их метать, – он силился излить душевное беспокойство, страх и ужас, и получить умиротворение. Ильич рационально полагал, что, если уж перед смертью не надыхаться, так хотя бы попытаться выговориться перед этой жуткой неизвестностью. И, кроме того, он невольно допускал, что Гессе не соврал, и сила слова сильнее просто силы! Ведь какую «пургу гонят» порой даже слабые ораторы, а уж стремительный поток мощных правдивых слов, «золотых и серебряных», – всемогущ, ибо, и вправду, не в примитивной силе Бог, а в правде, а в нём и спасение. И чем больше правды, тем больше шансов на спасение. Так страх близкой смерти, подчас, и у воинствующих атеистов пробуждает надежду на Божье избавление и побуждает говорить «правду, одну лишь правду и ничего кроме правды!» И пусть у каждого своя правда, а, значит, и свой Бог, но лишь бы Он только дал шанс Ильичу, а уж Ильич ей-ей не оплошает и своего шанса не упустит! Вот тогда, и впрямь, победа будет не у того, у кого примитивная физическая сила, а у того, у кого правда, а точнее: у кого больше правды и шан-

сов, и сноровки. Но, пока, его слова кабану – что о стенку горохом, а его железная логика, пока не превращалась в разящий штык.

– Помню, стихотворец Надсон утверждал, что для него «нет на свете мук сильнее муки слова», что его слова бессильны, бледны и больны. А для меня, сейчас, сильнейшая мука – это мука невысказанности, а жажда – словесное облегчение! И слова мои да будут не бисером, иль жемчугом, перед свиньёй, а правдиво остры, да так, чтоб правда моя ей глаза-глазёнки свиные выколола, как выколола и пришила штыками тьму-тьмушую народа! Мне-то самому этого опасаться не приходится, у меня-то, вспомнил, глаз-алмаз! Вот только этот свинтус мне глаза мозолит, а точнее: я об его шкуру свои глаза в бриллианты обточил, но «камень с души» начинает сваливаться, и «гора с плеч» сползает, в результате тряски и душевного катарсиса, так что, нет худа без добра! Ну, кабан, я тебе ещё утру нос, то бишь пятак, не задавайся! Вот мне бы только задницу свою подтереть! Но чем подтереть? Не сопливым же кабаньим пятаком, а носовым платком тут не отделаешься. Массам мнилось, что иудеи деньги не отмывают, а подтирают свои задницы деньгами, и эти деньги запускают в оборот, к говну на деньгах липнет ещё больше денег и бумерангом возвращается к ним в руки, по пути разорив и лишив жизни многих гоев. То, что металлические деньги, даже с мочи, сами не пахнут «открыл» ещё Веспасиан, но говно на любых деньгах пахнет выгодой! Жиды-де не только бумажными деньгами подтираются, но выскабливают зад даже копейками, центами, пфеннигами... – всё к богатству и к их выгоде! Ох-хо-хо-хо-хо-хо-хо! Хе-хе! У масс лишь сны о говне – иногда к деньгам, а работа всегда до седьмого пота, а иудеи и на туалетную бумагу не тратятся, и, даже подтираясь в субботу, не они работают, а их деньги! Не глупы же они, как турки, чтобы подмываться водой! Выходит, не прав Гаргантюа, гусёнок – не лучшая подтирка?! А перст милой – не перст Божий, а подтирка для «пальцем деланных»?! Смех смехом, но у меня-то даже денег в карманах нет; на хер они мне нужны были?! Я-то ведь как при полном, для себя, коммунизме жил – все свои потребности справлял без денег, а способности проявлял о-го-го какие! Возможности мои были на зависть кучи капиталистов! А что теперь?! Да, ещё и ещё раз убеждаюсь, что не место красит человека, а человек место, вот я это место дерьмом так украсил для вепря, что его за уши не оттянешь, будто оно мёдом намазано, будто это свинский «Авалон», да и только! А для меня это обстоятельство страшнее библейского «Авадона»! Увы, это реальность, а не нас возвышающий обман! «Интеллигенция – это не мозг нации, а её говно!» – отвечал я Горькому, и судил об этом не по либеральной интеллигенции, а по себе, и вот сру теперь непрестанно, ею почкуюсь, можно сказать, или делюсь. Раньше мне подхалимы зад лизали, а всё иное, ненужное мне говно, я чужою кровью смывал, а теперь-то своею кровью своё родное говно смывать ой как не хочется! Уж лучше саками смыть, вертяться ужом на сковородке. Эх, словно не штаны на мне, а порты, у которых плещется море дерьма и сак. Хотя и не Сократ, но стократ в одном прав был Солон, коему, видимо, солоно досталось от жизни, и вторивший ему Крез: «Называть счастливым человека при жизни, пока он ещё подвержен опасностям... это дело неверное, лишённое всякого смысла». Вот и меня сглазили, хотя я и не суеверный человек. Впрочем, если кабан и не Кир, то ведь и о судьбе Креза есть разные сведения: от хороших, до плохих. Так что и у меня возможны варианты. Хотя, какие варианты?!

*Кому-то мир – театр,
А мне достался цирк.
Я в нём эксцентрик,
И не боле.
И жизнь,
Куда ни глянь,
Смеётся мне в лицо.
А смерть,*

*Печальнее Пьеро,
Звонки даёт
К расплате.*

Эх! Как меня с прозы жизни на поэзию тянет! Как некогда тянуло Нерона, а то и сильнее. Тянет-потянет, а вытянуть не может! Пархатому Пегасу такая Великая ноша не по силам, вот он меня выше произвольного самоуничтожения и памфлетности поднять и не может. Эх, кабы не кабан, с прозой-то я бы сам справился. Пусть адвокат из меня получился как из говна пуля, зато лучше всего у меня научно-политическая фантастика получалась, да и в постановках трагедий я преуспел, уже и до трагикомедий было рукой подать, и вот на тебе – эквилибрист в прямом смысле слова! Вот так номер! Вот так отмолил я номер!!! И эксцентричности в нём – хоть отбавляй! А ведь этот могучий бороз мог бы уже качающуюся и ходуном ходящую сосну свалить одним ударом, но он, садист, решил растянуть своё удовольствие от моего ужаса! Эх, перегнёшь ты палку, гад! Палка, она о двух концах, и сосна, когда рухнет, не менее чем о двух будет, а учитывая её корни и ветви, концов будет предостаточно! Надеюсь, что и тебе конец наступит в тот же миг, а я в «золотой середине» удержусь, или ближе к этому! Конечно, и в середине бывают изломы, но это не тот случай: ствол – не палка, а я – не «Николай Палкин»! Меня даже теоретически не сломить! Жаль вот только, что по ветке далеко не отползёшь и не спрыгнешь так, чтобы свинтус не заметил и не догнал. Досадно, что выше подняться по дереву, дабы, при падении его, упасть подальше от кабана, и, при удачном приземлении – возможном из-за веточной амортизации, успеть удрать, – хер получится! Ибо ветка под моим задом – это предел моих возможностей подняться выше, ведь это не карьерная лестница Страны Советов, а жутко качающееся дерево – более безнадёжное, чем Красная Россия в период интервенции и Гражданской войны, и руки мои трясутся от страха и напряжения, а ноги свела судорога, и они «клещами» сдавили ветку, но я терплю эту боль! «Гений – это терпение» – понял Бюффон, который не был казаком и не лез в атаманы, а сильно хромавший, но отнюдь не сравнениями, Тамерлан, что «храбрость – это терпение в бою»; а терпение и труд всё перетрут – это и народные массы заметили. А что уж тут говорить о моём умственном труде, до которого кабану непомерно далеко! Этот мой труд сотрёт его в порошок! Или, по крайней мере, серебряные (если не золотые) пули моих слов поразят этого округившего было меня оборотня, и тогда его хрюканье превратится в золотое вечное молчание! «Нет ничего сильнее и бессильнее слова» – писнул Тургенев, но самые сильные слова – у меня, и это отнюдь не недомыслие и хвастовство! Нет худа без добра: «избавил меня Господь от друзей в Сочельник перед Крещением, а с врагом я и сам справлюсь! Это не глас вопиющего в пустыне, ибо враг в верном прицеле! Я и один, если не в поле, то на полянке в лесу – воин, тем более один на один! Куда там Давиду и Голиафу до меня! Я не тугодумный и косноязычный эстонец, но и не тот, о ком твердят: «мели Емеля – твоя неделя!» Я не обладаю «золотым языком» жестов, но руководить могу так, что моя умная голова ни рукам, ни ногам масс покоя не даёт на пути строительства «дороги в социализм и коммунизм», а врагам одна дорога – на погост, и в вечный покой. Куда там Демосфену и Цицерону до меня?! В сравнении со мной – слишком мелковаты!!! Х... ваты!!! Масштаб моей деятельности впечатлит всех и вся!! Я – есмь Владимир, я владею миром, ну пока ещё не всем, а почти одной шестой частью земной суши! Но, когда овладею всем, тогда можно будет с полным основанием сказать: «каков хозяин, таков и мир!!!» Объективный мир, по крайней мере планета Земля, станет миром моей души! Это не субъективный идеализм – идиотизм, а объективная историческая закономерность и неизбежность. А потому не стану я от страха визжать, как свинья недорезанная! Не опущусь и до вопля городничего: «Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего...» «Шолом-Алейхем!!!» – скажут евреи, отдавая власть над миром мне.

Но тут духовный стержень Ильича качнуло, как сосну, и из глубины души «вытряхнуло» слова: – «Жизнь есть сон» – утверждал драматург Кальдерон. О, если бы только сон, но, увы, не только. «Мир есть комплекс моих ощущений» – дал маху Мах! О, если б было так, я б комплексы свои преодолел! О смертном сне умно рассуждал Гамлет, хотел забыться и заснуть, но не холодным сном могилы, Лермонтов. А вот мне до холодного сна могилы – рукой подать, и отнюдь не до сна обычного! Память же о глубоком сне от морфия меня не успокоит ни чуть. Компартия же без меня может погрузиться в кому, а не дойти до коммунизма! Покопаюсь ещё в себе, и, изменяя себя, попытаюсь изменить если не мир, то хотя бы ситуацию. А ведь я бы мог её не допустить, если бы не гонялся за бандитом Яшкой, а положил в мавзолей вместо себя внешне смахивающего на меня братишку Димку, а сам давно бы уже нежился на Капри, дающего и негу, и здоровье. Да, Капри – это не заразная земля русская, на которую я трачу своё лучшее удобрение: кал и мочу. «Жизнь – это игра в кости» – как говаривал Гай Юлий Цезарь, но боюсь я, что в этой игре с кабаном своих костей не соберу, а на кости чужие рассчитывать не приходится! Что и говорить, народная примета: «бьёт, значит любит» – это отнюдь не про нас с кабаном! Этот своего добьётся и меня добьёт! – душою дрогнул Ильич, его душа, как и тело, качалась вверх-вниз. – Неужели в этой яме дерьма, и будет моя тайная могила, охраняющая Москву от врагов, наподобие мифической тайной могилы Эдипа, охранявшей Афины от напастей?! Или и клочка не оставит от меня и моего эдипового комплекса кабан?! Уже все сосновые шишки слетели с этой сосны вместе со снегом, не набив ни единой шишки кабану, только я – самая крупная и непустая шишка, держусь на ветке, ибо катапультированием спастись не смогу. Иногда, от тряски, кабан двоится, троеится в моих глазах, но потом опять становится единственным и неповторимым. Хорошо, что это не сотрясение мозга, но плохо, что кабан и один за всех со мной расквитаться может. Впрочем, Уинстона Черчилля этот боров всё же напоминает, уж не он ли это, собственной персоной?! Нет, тому слабо оказалось меня свалить, а у этого зверя гораздо лучше получается, и почерк иной – размашистый и уверенный! Такой боров быка одним ударом свалит, а матадора-тореадора под красный стяг сплющит! А кто здесь позволил этому борову то, что не позволено даже Юпитеру и быку?! Что за свинская коррида?! Из какой такой корридо?! Если дуракам везёт, то гениев они везут на себе, и если не везёт – везут! Я «на коне», я – пикадор и архиматадор!! – воскликнул в гневе хозяин страны, и обрушил на буйную голову кабана несколько псевдоиспанских проклятий, которые, впрочем, лишь больше взбесили вепря.

– Да поймеет тебя Вельзевул – бес притондержателей, распутников и возниц! Хромой Бес тебе на четыре ноги! Баррабас, Белиал, Астарот – тебе на голову и в рот!!! «Испанка» тебя побери!!! Но тебе, свинтус, как видно, и на «испанку», и на чуму, и на холеру с тифом начхать?! Ишь ты, Наполеон Бонапарт какой выискался!!! Эх, морозца сейчас нет, оттепель проклятая, не политическая, так природная, а то я б тебя сейчас сосульками зашиб – сосунок ты херов! Не спермой тебя поливаю, но затрахал ты меня уже до жути! Да, я – не Соловей – Разбойник, но мне только свистнуть, и примчится вооружённый люд, чтобы убить тебя! Дождёшься ты своей, а не моей смерти, гад!! Сваливай отсюда, пока не поздно! Что, не понимаешь?! Эх, не понять, ни простить ты меня не в состоянии!! Хоть волком вой, хоть львом рычи – этим толстокожего не пронять – не заяц он трусливый, и не глупый баран – соображает откуда ветер дует, и на чью мельницу вода льётся! Но верь, не верь, а я – не собака по ветру лающая!! Я попусту не брещу, не переливаю из пустого в порожнее, а на свою мельницу воду лью (она у меня не ветряная, и всё перемелет в муку)! И это не пустая фраза! Моё слово – двигатель истории и моя опора! О, удержи меня, мой трёхэтажный мат:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.